

**Власть истории –
История власти**

Том 11. Часть 5. (№63)

**The Power Of History
– The History Of Power**

Volume 11. Issue 5. (№63)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481

от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482

от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень ВАК (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://etnosocium.ru/vi>

Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 12,375

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,

105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2025

Certificate of registration of mass media

III № ФС77-61481

Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482

Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“The Power Of History” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of HAC (№ 694)

**We express our gratitude
of the outstanding scientists and public figures, who made
a financial contribution to the project.**

ISSN 2415-7015

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv>

Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»

Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»

105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

- Субботина Н.С., Ачаева М.С.,
Поспелова Н.В., Саламатова Е.П.** Аллюзивные
имена собственные с общей семантикой
«маленький размер» в художественном тексте.....12
- Лю Жуй** Обучение междисциплинарных специалистов
с использованием искусственного интеллекта:
опыт программы «Русский язык + Электромеханика»
в Хэйлунцзянском университете.....17
- Лобанова Е.И., Зенина Л.В.,
Курбакова О.А., Ярославская И.И.**
Лингвокультурологические аспекты использования
цифровых платформ в современном обучении.....25
- Каллаур В.С., Гофман Т.В., Гребенникова И.А.**
Специфика речевого поведения русских
и корейцев в ситуациях этикетного общения.....30
- Иманалиева Г.А., Рашидова А.Д.**
Техники и стратегии
успешного преподавания иностранных языков.....38
- Дун Сяобинь** Анализ российского
и китайского анималистического кода.....48
- Матиев М.А., Костоева А.М., Янарсанова Д.М.**
Древний пласт ингушских обрядовых песен.....52

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Казанина Л.Ю., Шурухнов Н.Г.**
Нацистские преступления – без сроков давности:
зверства фашистов на оккупированной территории
Тульской области (анализ стенограмм
Нюрнбергского процесса и архивных материалов).....63

Карпец Ф.В. Крымскотатарский фактор в турецко-российских отношениях в 2014–2022 годы.....	78
Цао Ханьюань Современные отголоски придворной музыки династии Мин.....	98
Суфэйнуэр Сайфудин Культурный обмен между цивилизациями уйгуров и Центральных равнин в XI веке.....	106
Дегтярева А.А. Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области).....	121

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Человек на границе: специфика фигуры таможенника.....	131
Шавлохова Е.С., Яшина Л.Б., Петросян К.А., Кондюрина К.П., Хмелидзе В.Е. Исторические изменения торговых отношений России в XXI веке.....	141
Чебарев В.В. О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века.....	147
Кистенев В.В., Дрожжина Л.И. Сохранение исторической памяти и современные коммеморативные практики в Белгородской области.....	155
Стафеев О.Н. Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году.....	165
Аннотации	176
Авторы	194

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

- Subbotina N.S., Achaeva M.S.,
Pospelova N.V., Salamatova E.P.** Allusive proper nouns
with the general semantics of “a small size” in a literary text.....12
- Liu Rui** Training interdisciplinary
specialists using artificial intelligence:
the experience of the Russian language + electromechanics
program at Heilongjiang University.....17
- Evdokiya I.L., Zenina L.V.,
Kurbakova O.A., Yaroslavskaya I.I.** Lingvocultural
aspects of using digital platforms in modern education.....25
- Kallaur V.S., Gofman T.V., Grebennikova I.A.**
Specifics of speech behavior of Russians
and Koreans in situations of etiquette communication.....30
- Imanalieva G.A., Rashidova A.J.** Techniques
and strategies for successful teaching of foreign languages.....38
- Dong Xiaobin**
Analysis of Russian and Chinese animalistic code.....48
- Matiev M.A., Kostoeva A.M., Yanarsanova D.M.**
The ancient layer of Ingush ritual songs.....52

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

- Kazanina L.Y., Shurukhnov N.G.**
Nazi crimes - without statute of limitations:
fascist atrocities in the occupied territory
of the Tula region (analysis of transcripts
of the Nuremberg Trials and archival materials).....63
- Karpets F.V.** The Crimean tatar issue
in the politics of turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022.....78

Cao Hanyuan Contemporary echoes of Ming dynasty court music.....	98
Sufeinuer Saifuding Cultural exchange between Uyghur and central plains civilizations in the 11th century.....	106
Degtyareva A.A. Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region).....	121

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Ryabova E.L., Ternovaya L.O.

A person on the border: the specificity of the figure of a customs officer.....	131
--	-----

Shavlokhova E.S., Yashina L.B., Petrosyan K.A., Kondyurina K.P., Khmelidze V.E. Historical changes in trade relations of Russia in the 21st century.....	141
--	-----

Chebarev V.V. On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century.....	147
--	-----

Kistenev V.V., Drozhzhina L.I.

Preservation of historical memory and modern commemorative practices in the Belgorod region.....	155
---	-----

Stafeev O.N. Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921.....	165
--	-----

Abstracts	185
------------------------	-----

Authors	196
----------------------	-----

Филологические науки, лингвистика

Philological sciences, linguistics

Субботина Н.С.

Старший преподаватель, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Ачаева М.С.

Доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Поспелова Н.В.

Доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Саламатова Е.П.

Студент, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте*

Аннотация. В статье рассматривается тип интертекстуального включения с отсылкой на общеизвестные факты, исторические события, а также аллюзивные имена собственные (имена исторических деятелей, литературных персонажей, имена политиков, культурных событий). Цель статьи – выявление специфики аллюзивных имен собственных с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте. Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, систематизация, классификация, контекстологический анализ, компонентный анализ и метод семантизации. Реализация данной цели достигнута следующим образом: представлены элементы компонентного, контекстуального анализа аллюзивных имен собственных *Alice and Tom Thumb*, указанные лексические единицы семантизированы, дано лингвострановедческое описание данных языковых единиц. Кроме того, в работе рассматривается семантическое преобразование аллюзивных имен *Alice and Tom Thumb* на материале художественных текстов и выявлены переносные значения.

Ключевые слова: семантика, имя собственное, аллюзивное имя собственное, компонентный анализ, контекст.

* © Субботина Н.С., Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Саламатова Е.П., 2025.

Subbotina N.S.

Senior Teacher, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Achaeva M.S.

Associate Professor, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Pospelova N.V.

Associate Professor, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Salamatova E.P.

Student, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Allusive proper nouns with the general semantics of “a small size” in a literary text

Abstract. The article discusses the type of intertextual inclusion with reference to well-known facts, historical events, as well as allusive proper names (names of historical figures, literary characters, names of politicians, cultural events) with the general semantics of “a small size” in a literary text. The purpose of the article is to identify the specifics of proper names with the general semantics of “a small size” in a literary text. Research methods: analysis, synthesis, generalization, systematization, classification, contextual analysis, component analysis, and the method of semantization. The implementation of this goal is achieved in the following way: the elements of component, contextual analysis of allusive proper names of Alice and *Tom Thumb* are presented, the specified lexical units are semantized, and a linguocultural description of these linguistic units is given. In addition, the paper examines the semantic transformation of allusive names *Alice and Tom Thumb* based on the material of literary texts.

Key words: semantics, a proper name, an allusive proper name, component analysis, context.

Аллюзия – это вид интертекстуального включения, воздействующего на адресата. Аллюзивные имена собственные (АИС) представляют собой разновидность аллюзии. Аллюзия является способом изменения и усиления смысла текста. Имена исторических деятелей, литературных персонажей, политиков, культурных событий (т.е. АИС) – это те языковые средства, которые дают возможность в сжатой форме передать широкую семантику и эмоционально - экспрессивное содержание слова. С помощью АИС у читателя формируются ассоциации, основанные на его фоно-

вых знаниях, и сравнение этих ассоциаций с контекстом, в котором АИС употреблено.

Актуальность исследования определяется тем, что в центре современной науки стоит человек, в связи с этим отмечается повышенный интерес к функционированию АИС [1, 2, 3, 4, 5] Вместе с тем, не в полной мере исследовано семантическое преобразование аллюзивных имен в тексте.

Цель статьи – выявление специфики имен собственных (далее ИС) с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте.

Задачи исследования: компонентный и контекстуальный анализ, изучение семантического преобразования АИС *Alice and Tom Thumb*.

Предметом исследования выступает аллюзивное функционирование ИС семантикой «маленький размер», таких как *Alice, Tom Thumb* на материале художественных текстов.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, систематизация, классификация, контекстологический анализ, компонентного анализ и метод семантизации.

Обратимся к рассмотрению ИС *Alice*.

Алиса – персонаж произведения «Алиса в стране чудес» (1865) и «Алиса в Зазеркалье» (1872) Л. Кэрролла. Алиса проникает в воображаемый мир, населенный странными существами. В этом мире отсутствует привычная логика, а слова обретают буквальный смысл. После того, как Алиса падает в кроличью нору, она отправляется в путь по коридорам, маленький ключик открывает ей небольшую дверь. К сожалению, дверь слишком мала и она пьет из бутылочки, на которой написано “Drink me” и немедленно начинает уменьшаться.

Далее проанализируем отрывки из художественных произведений англоязычных авторов «Yes, I admitted, feeling enormous, like Alice after she'd OO'd on Eat me mushrooms. Size 2 women have this effect on me [5]. Литературный персонаж данного отрывка почувствовал себя огромным. Далее идет юмористическое сравнение с Алисой, после того, как она наелась грибов. Женщины второго размера оказывают на него такое воздействие. “She still...looks up adoringly at whoever is speaking, and her Alice - in Wonderland countenance can be quite confusing even when I think I understand her [S. MacLaine]. В данной цитате речь идет о том, что персонаж произведения следит с восторгом за каждым выступающим, а ее выражение лица напоминает Алису в стране чудес. Такое выражение может сбить с толку даже тогда, когда кажется, се понятно [1, с. 29].“... the driver, a small wiry Londoner navigates by a combination of map reading and guesswork. He drove a taxi before the war; it emerges, and threatens the desert with contemptuous familiarity, as though, it were some Alice – in Wonderland inversion of London topography [Penelope Lively Moon Tiger 1998]. В данном отрывке речь идет о водителе в,

маленьком жилистом жителе Лондона, который во время вождения ориентируется с помощью чтения карты и собственных догадок. Он водил такси по пустыне до войны так своеобразно, как будто то бы Алиса из Страны чудес по - своему интерпретировала топографию Лондона.

Затем рассмотрим ИС *Tom Thumb*.

Мальчик-с-палец (*Tom Thumb*) – герой английской народной сказки, сын пахаря и его жены, которая была ростом с большой палец его отца. После многих приключений он был посвящен в рыцари королем Артуром [7, p. 417]. *Tom Thumb – a tiny boy (no bigger than a thumb) who appears in many traditional British children’s stories, as well as those of other countries.* [8, p. 540].

Далее обратимся к анализу АИС *Alice, Tom Thumb*. Первым этапом интерпретации АИС является компонентный анализ.

Архисема: АИС *Alice, Tom Thumb* «отношение к маленькому размеру». Родовые семы АИС *Alice*: «литературный персонаж», «время», «место», «эпоха», «черты характера».

Видовые семы: «вымышленный персонаж», «сказочный персонаж», «19 век», «викторианская эпоха», «Англия», «изобретательность», «креативность», «ум», «смелость», «способность менять рост».

Родовые семы АИС *Tom Thumb*: «рост с большой палец», «литературный персонаж», «герой сказки», «время», «место», «эпоха», «черты характера», «родители».

Видовые семы: «герой английской народной сказки», «герой русской народной сказки», «герой французской народной сказки», «рост с большой палец отца», «сын пахаря и его жены».

В результате контекстуального анализа выявлены переносные значения.

Tom Thumb в сленге «человек ниже среднего роста» и т.д. Языковая единица *Tom Thumb* часто функционирует как прозвище. Мальчик-с-палец – имя, данное Ч. Стрэттону (19 век), американскому карлику, выступавшему на выставках Барнума и Бейли [7, 417].

Alice in Wonderland – «нелогичная ситуация»; «выражение лица», которое сбивает с толку», «погружение вглубь», «попадание в незнакомое место».

Выводы

В результате представлены элементы компонентного, контекстуального анализа АИС *Alice and Tom Thumb*, указанные лексические единицы семантизированы, дано их лингвострановедческое описание. Кроме того, представлены переносные значения АИС. Следует обозначить, семантическое преобразование АИС *Alice, Tom Thumb*: сближение с именами нарица-

тельными, расширение объема значения. АИС становятся обобщающими. Данные АИС в процессе использования приобретают различного рода ассоциации и становятся яркими выразителями, как мировой, так и национальной культуры.

Природа АИС – сложная, противоречивая, лингвистического и экстралингвистического плана. В аллюзивном процессе информация часто имеет имплицитный характер.

Библиографический список:

1. Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий / Д.И. Ермолович. Англо-русский словарь персоналий. – М.: Издательство «Русский язык», 1999.
2. Захарова М.А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных. Автореф. дис. д-ра филол. наук, Самара: ГОУВП Челябинский ордена «Знак почета», 2004.
3. Поспелова Н.В. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «амбиция» в современном английском языке / Н.В. Поспелова, Н. Субботина, М.С. Ачаева // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник материалов VII междунар. науч.-практической конф. – Елабуга, 2023. С. 39-44.
4. Поспелова Н.В. Имена собственные с общей семантикой «детектив» в современном английском языке / Н.В. Поспелова, Н.С. Субботина // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник междунар. науч.-практической конф. – Елабуга, 2022. С. 195-198.
5. Поспелова Н.В. Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «учитель» в современном английском языке // Современные исследования социальных проблем. 2022. Том 14. № 3. С. 287-299.
6. Barnes, Linda. Cold Case / Linda Barnes. – New York: Delacorte Press, 1997
7. Lively Penelope. Moon Tiger / Penelope Lively. – L.: Penguin, 2006.
8. Oxford Dictionary of Allusions / Ed. by A. Delahunty, S. Dignen and P. Stock. – Oxford: Oxford University Press, 2005. 450 p.
9. Oxford Guide to British and American Culture for learners of English. – Oxford: Oxford University press, 2005. 576 p.

Reference

1. Ermoovlovich D.I. English-Russian dictionary of personalities / D.I. Ermoovlovich. English-Russian dictionary of personalities. – M.: Publishing house “Russian language”, 1999.
2. Zakharova M.A. Semantics and functioning of allusive proper names. Abstract. dis. Doctor of Philological Sciences, Samara: State Educational Institution of Higher Professional Education Chelyabinsk of the Order of the Badge of Honor, 2004.
3. Pospelova N.V. Allusive proper names with the common semantics of “ambition” in modern English / N.V. Pospelova, N. Subbotina, M.S. Achaeva // Modern problems of philology and methods of teaching languages: issues of theory and practice: collection of materials of the VII international. scientific and practical conf. – Elabuga, 2023. P. 39-44.
4. Pospelova N.V. Proper names with the general semantics of “detective” in modern English / N.V. Pospelova, N.S. Subbotina // Modern problems of philology and methods of teaching languages: issues of theory and practice: collection of international. scientific and practical conf. – Elabuga, 2022. P. 195-198.
5. Pospelova N.V. Allusive proper names with the general semantics of “teacher” in modern English // Modern studies of social problems. 2022. Vol. 14. № 3. P. 287-299.
6. Barnes, Linda. Cold Case / Linda Barnes. – New York: Delacorte Press, 1997
7. Lively Penelope. Moon Tiger / Penelope Lively. – L.: Penguin, 2006.
8. Oxford Dictionary of Allusions / Ed. by A. Delahunty, S. Dignen and P. Stock. – Oxford: Oxford University Press, 2005. 450 p.
9. Oxford Guide to British and American Culture for learners of English. – Oxford: Oxford University press, 2005. 576 p.

Лю Жуй

Докторант, старший преподаватель. Институт русского языка, Хэйлуунцзянский университет, Харбин, Китай.

Обучение междисциплинарных специалистов с использованием искусственного интеллекта: опыт программы «Русский язык + Электромеханика» в Хэйлуунцзянском университете*

Аннотация. Ускорение процессов глобализации и углубление сотрудничества между Китаем и Россией в сферах экономики, торговли, науки и техники привели к растущему спросу на междисциплинарных специалистов со знанием русского языка и профильной специальности («русский язык + специализация»). На примере программы «русский язык + специализация» Хэйлуунцзянского университета в статье исследуется применение искусственного интеллекта (ИИ) в подготовке таких специалистов. Вначале анализируется текущее состояние подготовки специалистов по модели «русский язык + специализация» в Китае и уровень внедрения ИИ в этой сфере. Далее подробно описывается практическое применение ИИ в обучении по программе «русский язык + электромеханика» в Хэйлуунцзянском университете. В заключение рассматриваются перспективы влияния ИИ на подготовку по модели «русский язык + специализация» и требования к совместной подготовке кадров Китаем и Россией.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), русский язык + специализация, междисциплинарные специалисты.

Liu Rui

PhD student, Senior Lecturer at the Russian Language Institute, Heilongjiang University, Harbin, China.

Training interdisciplinary specialists using artificial intelligence: the experience of the Russian language + electromechanics program at Heilongjiang University

* © Лю Жуй, 2025.

Abstract. The acceleration of globalization and deepening cooperation between China and Russia in economic, trade, scientific, and technological spheres have spurred a growing demand for interdisciplinary specialists proficient in Russian and a core specialization (“Russian + Specialization”). Using Heilongjiang University’s “Russian + Specialization” program as a case study, this article examines the application of artificial intelligence (AI) in cultivating such professionals. It first analyzes the current state of “Russian + Specialization” talent development in China and the extent of AI integration within this field. Subsequently, it details the practical implementation of AI in the “Russian + Electromechanics” program at Heilongjiang University. Finally, the article explores prospects for AI’s impact on “Russian + Specialization” education and outlines requirements for Sino-Russian collaborative talent cultivation.

Key words: artificial intelligence (AI), Russian language + specialization, interdisciplinary specialists.

Применение ИИ в подготовке междисциплинарных специалистов по модели «русский язык +» в Хэйлунцзянском университете: текущее состояние

Подготовка междисциплинарных специалистов по модели «русский язык + специализация» в китайских вузах сформировала диверсифицированные модели, отвечающие потребностям в международных кадрах в новую эпоху [1]. Хэйлунцзянский университет путём системной интеграции учебных программ создал уникальные направления подготовки, такие как «русский язык + электромеханика», «русский язык + финансы», «русский язык + право», «русский язык + биология», «русский язык + история», «русский язык + археология». Это позволяет студентам, овладевая основными языковыми компетенциями, получать системные знания во второй профессиональной области. Однако в подготовке таких специалистов в Хэйлунцзянском университете сохраняются следующие проблемы. Хотя специальность «Русский язык» является национальной образцовой, учебные планы по-прежнему ориентированы преимущественно на языковые навыки, дополненные общими курсами по страноведению России, деловому русскому языку и т.д., и испытывают недостаток глубокой интеграции с конкретными отраслями, такими как электромеханика, энергетика. Нечеткость целевых установок подготовки, оторванность учебных программ от социальных потребностей, острая необходимость усиления преподавательского состава — все это сдерживает повышение качества подготовки кадров [2].

С стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) их применение в сфере образования становится все более широким [3]. Исследование применения технологий ИИ в преподавании имеет важное практическое значение для продвижения модернизации образования

и подготовки инновационных кадров. Хэйлунцзянский университет глубоко интегрировал технологии ИИ в различные этапы обучения междисциплинарных специалистов со знанием русского языка, гарантируя соответствие используемых технологических инструментов внутренней логике изучения языка [4]. В настоящее время сформировались репрезентативные модели применения:

Применение инструментов учебного сопровождения: международный мастер-класс «Применение искусственного интеллекта в преподавании РКИ», совместно организованный Хэйлунцзянским университетом и Южно-Уральским государственным университетом (октябрь — ноябрь 2024 г.), системно продемонстрировал модули «Проектирование оценивания на основе ИИ», «Создание учебных занятий по РКИ с применением информационных технологий» и др. Использование текстовых игр-квестов, интерактивных материалов, генерируемых ИИ, и других методов позволило повысить эффективность обучения.

Повышение цифровых компетенций преподавателей: институт русского языка Хэйлунцзянского университета в марте-апреле 2025 г. организовал для преподавателей участие в «Семинаре по повышению цифровых компетенций преподавателей многопрофильных вузов». Шесть тематических тренингов позволили овладеть технологиями проектирования обучения с поддержкой генеративного ИИ, тренировки постредактирования машинного перевода, анализа сложных тем обучения с помощью больших данных, что даёт преподавателям возможность оказывать междисциплинарным студентам индивидуальную учебную поддержку.

Однако текущее применение имеет явные ограничения: технологии ИИ часто разрозненно применяются в рамках преподавания только языка или только специальности, глубина их интеграции в междисциплинарные сценарии, такие как «русский язык + специализация», недостаточна. Эффективность интеллектуальных инструментов в решении сложных вопросов русской грамматики и визуализации абстрактных концепций все еще требует повышения. Эти проблемы сдерживают раскрытие потенциала ИИ в подготовке междисциплинарных специалистов.

Практические пути интеграции ИИ в обучение по программе «русский язык + электромеханика» в Хэйлунцзянском университете

Хэйлунцзянский университет системно реструктурировал учебную программу «русский язык + электромеханика» через три технологических модуля, добившись интеграции междисциплинарных знаний:

1) Интеграция знаний и создание многоуровневой семантической сети [5]: институт электромеханики внедрил в тренинги по созданию цифровых курсов технологию мультидоменных семантических сетей, форми-

руа на основе ключевых концепций специальных курсов межъязыковую и междисциплинарную сеть знаний. Эта технология позволяет студентам чётко понимать соответствие русских технических терминов и принципов электромеханики. Она помогает преподавателям эффективно планировать подготовку к занятиям по междисциплинарному курсу «русский язык + электромеханика», точно анализировать успеваемость студентов и предоставляет структурированные учебные траектории для студентов с лингвистическим бэкграундом при освоении сложных специальных дисциплин.

2) Разработка цепочечного модуля задач «перевод технической документации + имитационное моделирование в электромеханике» на основе интеллектуального движка заданий платформы «Чассин» [6]: студенты сначала выполняют перевод чертежей с русского языка, затем с помощью инструментов ИИ-симуляции проверяют обоснованность проекта и, наконец, совместно с системой оптимизируют решение. Этот процесс укрепляет внутреннюю связь между применением языка и профессиональными технологиями, значительно повышая точность использования русской технической терминологии в отчетах по электромеханическим проектам и, как следствие, их реализуемость.

3) Использование VR-технологий для моделирования российской промышленной среды в практическом курсе «Разработка руководств по эксплуатации электромеханического оборудования на русском языке»: студенты должны управлять виртуальными станками и одновременно генерировать инструкции на русском языке. Система с помощью технологий ИИ-распознавания речи и захвата движений в реальном времени корректирует терминологические ошибки и операционные риски. Такая иммерсивная учебная среда эффективно преодолевает разрыв между изучением языка и профессиональной практикой [7].

Перед лицом преобразований в профессиональном обучении, обусловленных ИИ, преподавательскому составу факультетов русского языка и электромеханики Хэйлунцзянского университета необходимо дальнейшее преобразование своей роли.

Во-первых, от транслятора знаний к архитектору обучения: преподаватели Института русского языка через тренинги по цифровым компетенциям овладели навыками использования ИИ для проектирования индивидуальных учебных траекторий, позволяя разрабатывать дифференцированные задания на основе различий в уровне русского языка и базовых знаний по электромеханике у студентов.

Во-вторых, от предметного преподавателя к междисциплинарному координатору: преподаватели электромеханики и русского языка формируют совместные методические группы для разработки междисциплинарных курсов, таких как «Русский язык для общения в сфере интеллектуального

производства», используя технологию семантических сетей для четкого определения двойных учебных целей каждого модуля: языковых компетенций и профессионально-технических знаний.

В-третьих, от оценщика к интерпретатору данных: преподаватели используют аналитические панели для отслеживания прогресса студентов, например, анализируя через интерфейс инструментов поддержки письма на русском языке эволюцию сложности синтаксических конструкций в технических описаниях по электромеханике, чтобы точно определять точки для педагогического вмешательства.

Перспективы развития ИИ для модели «русский язык + специализация» и пути углубления китайско-российского сотрудничества

3.1 Реструктуризация параметров подготовки междисциплинарных специалистов на базе ИИ

Многочисленные вузы активно исследуют интеграцию цифровых информационных технологий, ИИ и педагогики, расширяя глубину и широту реальных учебных сценариев, преодолевая временные и пространственные ограничения преподавания [8], осуществляя трансформацию и инновации в моделях преподавания, парадигмах обучения, формах обслуживания, методах управления и оценки, тем самым повышая общее качество и эффективность обучения [9].

Будущая подготовка специалистов по направлению «русский язык + электромеханика» требует инноваций в трех измерениях: преодоление языкового измерения: выход за рамки традиционной тренировки языковых навыков, формирование «коммуникативной компетенции в техническом контексте». Опираясь на опыт передачи технологий с использованием ИИ в китайско-российском авиастроении, необходимо развивать у студентов навыки перевода при передаче технологий, межкультурной координации проектов и другие высокоуровневые компетенции. Конкретно требуется усилить: критическое прочтение русскоязычной технической документации (выявление культурных искажений в ИИ-переводе), совместное написание текстов человеком и машиной (оптимизация изложения технических решений на русском языке), применение устройств интеллектуального синхронного перевода (практика на реальных мероприятиях, таких как выставки электромеханики).

Преодоление технического измерения: Формирование способности управлять «русскоязычными интеллектуальными агентами», обучение студентов уверенному использованию основных российских инженерных программ, промышленных облачных платформ с пониманием взаимодействия языковой и профессиональной логики этих инструментов. Ключевое значение имеет разработка курсов по работе с интеллектуальными ин-

струментами, адаптированными к китайско-российским технологическим сценариям, например, применение ПО для проектирования с ИИ с русскоязычным интерфейсом, стандарты интероперабельности китайско-российских промышленных данных.

Повышение межкультурного измерения: использование VR-технологий для симуляции сценариев китайско-российского технического сотрудничества, где студенты должны на русском языке разрешать проблемы инженерной коммуникации, вызванные культурными различиями. Развитие способности координировать технические решения в мультикультурных командах, понимать различия китайских и российских инженерных стандартов и умения использовать интеллектуальные инструменты для быстрой адаптации к этим различиям. Расширяя профессиональное содержание, создавая специализации, интегрированные со смежными дисциплинами, можно кардинально расширить траектории подготовки по специальности «Русский язык», удовлетворяя растущий социальный спрос на высококвалифицированных междисциплинарных специалистов со знанием русского языка [10].

3.2 Направления углубления китайско-российского сотрудничества

Опираясь на существующую базу сотрудничества, китайские и российские вузы могут продвигать дальнейшее практическое взаимодействие:

Совместные лаборатории: создание китайско-российских совместных лабораторий, сфокусированных на передовых областях. Лаборатории должны быть оснащены двуязычной (русско-китайской) интеллектуальной средой для разработок, где студенты через сотрудничество выполняют реальные проекты (например, «Разработка русскоязычной системы управления для интеллектуальных промышленных роботов»), одновременно повышая профессионально-технические и межкультурные компетенции.

Совместные образовательные программы: совместная разработка систем сертификационных курсов, интегрирующих программы по электромеханике Хэйлунцзянского университета, курсы по техническому русскому языку российских вузов и модули производственной практики на предприятиях. Разработка серий практических проектов для применения междисциплинарных компетенций в условиях реальных инженерных задач.

Совместное использование данных в рамках «образование-наука-производство»: создание «Динамической базы данных китайско-русских технических терминов», включающей новейшие термины в области электромеханики с их русско-китайскими эквивалентами и толкованиями. База должна постоянно пополняться ресурсами: технической документацией предприятий, научными статьями, патентными текстами, предоставляя ИИ-инструментам перевода адаптированные для отрасли обучающие дан-

ные для решения проблемы неточного перевода профессиональной терминологии. Университеты также могут, через тесное сотрудничество с предприятиями, научно-исследовательскими институтами и государственными органами, постоянно оптимизировать содержание и методы обучения, повышать качество образования и готовить больше междисциплинарных специалистов, отвечающих потребностям общества [11].

Заключение

Практика интеграции ИИ в программу «русский язык + электромеханика» в Хэйлунцзянском университете демонстрирует, что подготовка междисциплинарных специалистов вступила в новую стадию интеллектуальной трансформации. Благодаря реструктуризации учебных программ, инновациям в педагогических моделях и повышению квалификации преподавателей, был достигнут первоначальный синтез языковых компетенций и профессиональных технологий в среде, поддерживаемой ИИ. Ключом к будущему развитию является переход китайско-российского сотрудничества от технических тренингов к синергии образовательных систем: совместная разработка стандартов интеллектуального образования и платформ обмена ресурсами, фокусируясь на решении узких мест, таких как отсутствие межъязыковых терминологических баз и недостаточная культурная адаптивность. Будет реализован следующий план действий:

1) Совместная разработка китайско-российских образовательных стандартов для «ИИ + междисциплинарная подготовка» с унифицированной структурой применения технологий.

2) Совместная разработка интеллектуальных образовательных платформ, объединяющих базу инженерных кейсов из России и технологические преимущества Китая в сфере ИИ.

3) Создание базы данных запросов китайских и российских предприятий для динамической корректировки программ подготовки.

4) Учреждение совместного китайско-российского исследовательского центра ИИ в образовании для постоянной оптимизации технологических путей подготовки кадров.

Только через глубокую кооперацию и непрерывные инновации можно подготовить новых междисциплинарных специалистов, способных в полной мере выполнить тройную миссию «специализация + язык + культура», обеспечив прочную кадровую поддержку углублению стратегического взаимодействия Китая и России.

Библиографический список:

1. Цянь Ци, Сун Вэй, Ли Юй. Инновационное мышление и исследования в области экспериментального обучения инженерному делу на основе искусственного интеллекта [J]. Форум по образованию и преподава-

- нию, 2025. № 17. С. 81-84. – DOI: 10.20263/j.cnki.jyjxlt.2025.17.039.
2. Лю Юйцзе. Обсуждение пути реформирования преподавания русского языка в колледжах и университетах на основе развития сложных талантов [J]. Сравнительные исследования культурных инноваций, 2020. № 4 (17). С. 196-198.
3. Ло Хайфэн, Ло Ян, Лю Цзянь. Реформа оценки образования в эпоху искусственного интеллекта [J]. Экзамен в Китае, 2024. № 3. С. 8-17, 97.
4. Шэнь Чжихуа, Ми Хайминь, Чжао Хуэйся и др. Исследование инновационной практики преподавания английского языка в университетах открытого образования, основанной на технологиях искусственного интеллекта [J]. Журнал Гуандунского открытого университета, 2024. № 33 (3). С. 7-14.
5. Хоу Янь, Ли Цзунжуй, Чжао Чжэнь и др. Практика и исследование модели обучения «специализация и интеграция инноваций», основанной на графе знаний и технологиях ИИ [J]. Computer Knowledge and Technology, 2025. № 21 (14). С. 4-6. – DOI: 10.14004/j.cnki.ckt.2025.0707.
6. Сун Ин. Super Star AI Toolbox, помогающий совершенствовать интеллектуальный подход к преподаванию [J]. Online Learning, 2023. № 12. С. 90.
7. Цзян Цяньцзи, Сун Вэй, Ли Юй. Инновационное мышление и исследования в области экспериментального обучения инженерным дисциплинам на основе опыта ИИ [J]. Education and Teaching Forum, 2025. № 17. С. 81-84. – DOI: 10.20263/j.cnki.jyjxlt.2025.17.039.
8. Сюй Шэнхуай. Разработка и применение интегрированной платформы «преподавание, обучение, оценка и управление» в колледжах и университетах [J]. University Education, 2024. № 17. С. 29-32.
9. Ли Чжиминь. Как искусственный интеллект расширяет возможности образования [J]. China Education Informatization, 2024. № 30 (1). С. 3-8. – DOI:10.3969/j
10. Хань Яньвэй. Исследование пути реформирования преподавания русского языка в колледжах и университетах на основе развития комплексных талантов [J]. Knowledge Library, 2019. № 2. С. 148.
11. Коу Сюоюа. Исследования и практика формирования российских многопрофильных талантов в рамках концепции целостного образования [J]. Форум высшего образования, 2016. № 11. С. 63-67.

Reference

1. Qian Ji, Song Wei, Li Yu. Innovative Thinking and Research on Artificial Intelligence-Based Experiential Teaching of Engineering [J]. Education and Teaching Forum, 2025. № 17. P. 81-84. – DOI: 10.20263/j.cnki.jyjxlt.2025.17.039.
2. Liu Yujie. Discussion on the Reform Path of Russian Language Teaching in Colleges and Universities Based on Cultivating Complex Talents [J]. Comparative Studies of Cultural Innovation, 2020. № 4 (17). P. 196-198.
3. Luo Haifeng, Luo Yang, Liu Jian. Educational Assessment Reform in the Era of Artificial Intelligence [J]. Examination in China, 2024. № 3. P. 8-17, 97.
4. Shen Zhihua, Mi Haimin, Zhao Huixia, et al. Research on Innovative Practice of English Teaching in Open Education Universities Based on Artificial Intelligence Technology [J]. Journal of Guangdong Open University, 2024. № 33 (3). P. 7-14.
5. Hou Yan, Li Junrui, Zhao Zhen, et al. Practice and Research on “Specialization and Integration of Innovation” Teaching Model Based on Knowledge Graph and AI Technology [J]. Computer Knowledge and Technology, 2025. № 21 (14). P. 4-6. – DOI: 10.14004/j.cnki.ckt.2025.0707.
6. Song Ying. Super Star AI Toolbox to Improve Intelligent Teaching [J]. Online Education, 2023. № 12. P. 90.
7. Jiang Qianzi, Song Wei, Li Yu. Innovative Thinking and Research on Experiential Teaching of Engineering Disciplines Based on AI Experience [J]. Education and Pedagogical Forum, 2025. № 17. P. 81-84. – DOI: 10.20263/j.cnki.jyjxlt.2025.17.039.
8. Xu Shenghuai. Development and Application of Teaching, Learning, Assessment, and Management Integrated Platform in Colleges and Universities [J]. University Education, 2024. № 17. P. 29-32.
9. Li Zhimin. How Artificial Intelligence Expands Education Opportunities [J]. Informatization of Education in China, 2024. № 30 (1). P. 3-8. – DOI: 10.3969/zh
10. Han Yanwei. Research on the Way of Reforming Russian Language Teaching in Colleges and Universities Based on the Development of Comprehensive Talents [J]. Knowledge Library, 2019. № 2. P. 148.
11. Kou Xiaohua. Research and Practice of Forming Russian Multidisciplinary Talents within the Framework of the Concept of Integrity of Education [J]. Higher Education Forum, 2016. № 11. P. 63-67.

Лобанова Е.И.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Зенина Л.В.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Курбакова О.А.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Ярославская И.И.

Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Лингвокультурологические аспекты использования цифровых платформ в современном обучении*

Аннотация. Основной целью данного исследования является анализ методических подходов использования цифровых платформ в образовательной среде. Как известно, использование цифровых платформ имеет множество аспектов, касающееся экономики, бизнеса, социальной сферы и информационных технологий. Лингвокультурологические аспекты оказывают значительное влияние цифровых платформ на языковые навыки, культурные знания и межкультурную коммуникацию обучающихся. Они также включают анализ, как цифровые платформы способствуют или препятствуют формированию у обучающихся языковой и культурной идентичности. Авторы приходят к выводу, что цифровые платформы могут как способствовать, так и препятствовать формированию языковой и культурной идентичности обучающихся, в зависимости от их содержания и использования.

Ключевые слова: цифровая среда, аутентичные материалы, интегративность цифровых платформ, дидактический потенциал, межкультурное взаимодействие.

Evdokiya I.L.

Phd, Associate Professor. Department of foreign languages № 2. Plekhanov Russian University of Economics.

Zenina L.V.

Phd, Associate Professor. Department of foreign languages № 2. Plekhanov Russian University of Economics.

Kurbakova O.A.

Senior Lecturer. Department of foreign languages № 2. Plekhanov Russian University of Economics.

Yaroslavskaya I.I.

Senior Lecturer. Department of foreign languages № 1. Plekhanov Russian University of Economics.

Lingvocultural aspects of using digital platforms in modern education

Abstract. The main purpose of this study is to analyze methodological approaches to the use of digital platforms in the educational environment. As it is known, the use of digital platforms has many aspects concerning economy, business, social sphere and information technology. Lingvocultural aspects have a significant impact of digital platforms on learners' language skills, cultural knowledge and intercultural communication. They also include an analysis of how digital platforms facilitate learners' linguistic and cultural identity formation. The authors conclude that digital platforms can both facilitate and hinder learners' linguistic and cultural identity formation, depending on their content and usage.

Key words: digital environment, authentic materials, integration of digital platforms, didactic potential, intercultural potential.

Методическая актуальность исследования лингвокультурологических аспектов в условиях цифровой образовательной среды обусловлена тем, что под воздействием развития экономических, социальных, политических, социокультурных и технологических изменений, происходит межкультурное взаимодействие. Обучение в цифровой среде предоставляет большие возможности для всесторонних теоретических и прикладных исследований различных наук, поскольку обладает значительной степенью

интегативности. Это может быть подтверждено тем фактом, что цифровые платформы являются объектом изучения различной тематике в экономике, социологии, культурологии, психологии, филологии, философии и многих других наук. В обучении иностранному языку аутентичные видеоматериалы исследуются преимущественно в целях выяснения их дидактического потенциала, как инструмент формирования социокультурной компетенции при обучении.

В современных учебной цифровой среде, студенты должны взаимодействовать с подлинными действиями и учебными материалами, отражающими реальную жизнь в социуме. Для этого в помощь приходит программно-методическое обеспечение работы с аутентичными видеоматериалами, которые можно систематизировать по следующим категориям: аналитические платформы, обучающие системы, автоматизированные инструменты, методические принципы интеграции ПО. Поскольку аутентичные материалы включают в себя проблемы и сложности, присутствующие в реальной жизни, они предоставляют студентам реальный жизненный опыт. Кроме того, студенты сотрудничают и общаются с друзьями, родителями или другими людьми разных специальностей и статусов. Следовательно, они продолжают учиться как в вузе, так и за его пределами. Аутентичные материалы цифровой среды, если они правильно используются в обучении, могут улучшить знания иностранного языка несмотря на то, что они не предназначены специально для обучения иностранному языку [1].

Как известно, в современный социум вносит серьезные коррективы в работу каждого образовательного учреждения, заставляя считаться с веянием времени. Молодое поколение живет в мире разнообразных электронных инструментов, привыкает к существованию, так называемой, виртуальной реальности еще до того, как начинает бегло читать и решать содержательные образовательные задачи.

Несмотря на то, что цифровые платформы начинают занимать прочное место в процессе обучения, высказываются различные точки зрения: наряду со многими положительными моментами отмечаются и недостатки данного нововведения. Тем не менее, цифровые платформы успешно используются и имеют немало преимуществ перед традиционными методами обучения. Среди них индивидуализация обучения и интенсификация самостоятельной работы обучающихся, повышение познавательной активности и мотивации. Следует рассмотреть некоторые аспекты влияния цифровых платформ на обучение. В первую очередь это развитие языковых навыков. Как известно, цифровые платформы обеспечивают доступ к широкому спектру языковых материалов, таких как тексты, аудио и видео, что способствует развитию языковых компетенций. Различные виды интерактивных упражнений и игр помогают улучшить навыки аудирования,

чтения, говорения и письма. Также следует отметить, что он-лайн обучение дает возможность учиться в различных языковых средах, что способствует межкультурному общению.

Особое внимание хотелось бы уделить формированию культурных знаний. Благодаря цифровым платформам, обучающиеся легко получают доступ к информации о разных культурах, народов, традиций и обычаев. Дополнительные средства могут включать видеоматериалы, он-лайн музеи и виртуальные экскурсии, что помогает расширить культурный кругозор. Это помогает способствовать развитию критического мышления и понимания культурных различий. В данном случае цифровые платформы помогают преодолению языковых барьеров, а также способствовать развитию языковой и культурной толерантности и понимания [2].

Мы рассмотрели положительные стороны лингвокультурологического аспекта использования цифровых платформ в обучении иностранному языку. Однако же стоит остановиться на недостатках. Несмотря на преимущества, цифровые платформы могут создавать вызовы, такие как языковые и культурные барьеры, неравный доступ к технологиям и необходимость критического мышления в цифровой среде. Перспективы использования цифровых платформ в обучении связаны с развитием новых технологий, таких как искусственный интеллект и виртуальная реальность, которые могут сделать обучение более персонализированным и эффективным. Крайне необходимо разрабатывать цифровые платформы с учетом лингвокультурологических аспектов, чтобы они способствовали не только развитию языковых навыков, но и формированию у обучающихся понимания уважения к другим культурам [3].

Наиболее значимой тенденцией развития современного образования, является переход от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь». В новом контексте ответственность за совершенствование профессиональных знаний, умений и навыков несут не только учреждения образовательной системы государства, но и сам специалист, поэтому он должен владеть широким спектром умений и навыков самообразования, в частности, умениями использования цифровых платформ. Образованный человек, который может быть востребован в условиях стремительно развивающихся технологий, должен владеть информацией в своей профессиональной области. Современные средства связи, доступ к информационным ресурсам предполагает достаточно свободное владение не только компьютерными технологиями, но и иностранным языком.

Что касается процесса обучения, то самое простое применение цифровых платформ – это использование их как источник дополнительных материалов на занятиях. Однако же следует помнить, что учебный материал

требует тщательного подбора для подготовки конкретного урока, осуществления учета индивидуальных особенностей обучающихся. Однако же, использование цифровой среды повышает интерес к обучению и эффективности обучения. Использование цифровых платформ на занятии не должно представлять собой самоцель. Для того чтобы определить место и роль цифровой образовательной среды, необходимо найти ответы на вопросы: для кого, для чего, когда, в каком объеме должно это использоваться. Например, при обучении различным видам речевой деятельности, необходимо предоставить практику каждому обучающемуся в том виде речевой деятельности, которой он в данный отрезок времени овладевает. В основе формирования умений в любом виде иноязычной речевой деятельности лежат слухомоторные навыки. Следовательно, приоритет в обучении в обучении иностранным языкам принадлежит устным упражнениям. В этом основная специфика предмета, особенно если речь идет о формировании умений говорения [2].

И в заключении хотелось бы обратить внимание на тот факт, что использование цифровых платформ в обучении позволяет обучаться все большему количеству людей, применять постоянно обновляющуюся информацию. Применение цифровых платформ влияет на систему образования, вызывая значительные изменения в методах обучения. Такая сравнительно новая форма образования придает определенную специфику системе образования. Результатом использования цифровой образовательной среды и программного обеспечения является создание творческой атмосферы общения, достижения автоматизма в процессе обучения, что приводит к активизации и интенсификации обучения

Библиографический список:

1. Игна О.Н. Развитие социокультурной компетенции студентов на основе аутентичных материалов при профессионально-ориентированном обучении иноязычному общению: Дис. ... канд. пед. наук. – Томск. 2003. 256 с.
2. Карева Н.В. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка // Интернет журнал Науковедение. 2014. Вып. 3. 65 с.
3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: 1989. 89 с.

Reference

1. Igna O.N. Development of students' socio-cultural competence based on authentic materials in professionally oriented teaching of foreign language communication: Diss. ... Cand. Ped. Sciences. – Tomsk. 2003. 256 p.
2. Kareva N.V. Using authentic audio and video materials to increase motivation for learning a foreign language // Internet journal Naukovedenie. 2014. Issue 3. 65 p.
3. Passov E.I. Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication. – M.: 1989. 89 p.

Каллаур В.С.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских и восточных языков. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (Биробиджан).

Гофман Т.В.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (Биробиджан).

Гребенникова И.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских и восточных языков. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (Биробиджан).

Специфика речевого поведения русских и корейцев в ситуациях этикетного общения*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения русских и корейцев в контексте этикетных коммуникативных ситуаций. Рассматривается специфика употребления стандартных формул приветствия, прощания, поздравления и выражения благодарности представителями двух культур. Анализируются национальные традиции, влияющие на выбор речевых актов, и выявляются различия в восприятии вежливости и учтивости в русской и корейской культурах. Основное внимание уделяется роли иерархических и возрастных различий в формировании речевого этикета, а также воздействию исторических и религиозных факторов на формирование современных стандартов общения. Результаты исследования имеют практическое значение для подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода.

Ключевые слова: коммуникация, этикет, корейский язык, русский язык, приветствие, прощание.

Kallaur V.S.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European and Oriental Languages. Sholem Aleichem Primorsky State University (Birobidzhan).

Gofman T.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology and Journalism. Sholem Aleichem Primorsky State University (Birobidzhan).

Grebennikova I.A.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European and Oriental Languages. Sholem Aleichem Primorsky State University (Birobidzhan).

Specifics of speech behavior of Russians and Koreans in situations of etiquette communication

Abstract. The article is devoted to the study of specific features of speech behavior among Russians and Koreans in the context of etiquette communication situations. It examines the peculiarities of using standard formulas for greetings, farewells, congratulations, and expressions of gratitude by representatives of both cultures. The analysis focuses on national traditions that influence the choice of speech acts and identifies differences in perceptions of politeness and courtesy between Russian and Korean cultures. Special attention is given to the role of hierarchical and age-related differences in shaping speech etiquette as well as the impact of historical and religious factors on the formation of modern standards of communication. The results of this research have practical significance for training specialists in intercultural communication and translation.

Key words: communication, etiquette, Korean language, Russian language, greeting, farewell.

Коммуникация-неотъемлемая часть человеческого взаимодействия. Каждая культура формирует свои нормы общения. Эти нормы включают различные правила и ритуалы, регулирующие взаимодействие людей в обществе. Речевой этикет играет ключевую роль в установлении социальных связей и поддержании гармонии в отношениях. Данная статья посвящена особенностям речевого поведения русских и корейцев в этикетных коммуникативных ситуациях.

Любой национальный речевой этикет подразумевает определённые особенности. Для каждого народа характерны общие черты, различающиеся лишь в форме реализации речевых норм этикета.

Этикет требует использования заранее установленных формул и клишированных фраз, которые выбираются в зависимости от личности собеседников, места, темы, времени и целей разговора. Различные ситуации

требуют различных формулировок, начиная от приветствий и заканчивая прощаниями пожеланиями.

В любом этносе есть стандартные формулы приветствия и прощания, однако их использование определяется не только языковыми особенностями, но и культурными нормами.

Актуальность темы связана с распространением интереса к изучению и сопоставлению в разных культурах такого явления как «приветствие» и «прощание».

Цель исследования заключается в описании русских и корейских этикетных форм в зеркале национальных культур.

Для начала рассмотрим понятие «речевой этикет» в русских словарях.

«Стилистический энциклопедический словарь» дает следующее определение этому термину: совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения» [5, 216].

«Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н.Ярцевой трактует термин «речевой этикет» следующим образом: «Речевой этикет — комплекс правил и моделей устного и письменного общения, обязательных для соблюдения в определенных социальных ситуациях [2, с. 124].

Говоря про речевой этикет, следует процитировать определение, которая дает известный русский лингвист Н.И. Формановская. Под речевым этикетом она понимает «регулирующие правила речевого поведения, систему национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [6, с. 59].

В русской лингвокультуре традиционно делит общение делится на формальное и неформальное. В формальном контексте используется более официальный язык, который характеризуется употреблением полных имен и отчеств, а также специальных формул вежливости. В неформальной обстановке допустимо использование уменьшительных имен и просторечных выражений.

Одной из наиболее распространённых и значимых категорий речевого этикета являются приветственные фразы. Успех общения во многом зависит от удачного выбора первых слов.

Приветственные слова занимают важное место в повседневном общении. Они служат не только для установления контакта с собеседником, но и выражают отношение к нему. Здороваясь, люди демонстрируют свое уважение и доброжелательность к знакомым, так и к незнакомцам. Любой диалог начинается с приветствия.

Приветствие подтверждает знакомство с человеком и подчеркивает по-

ложительное отношение к нему. Успех дальнейшего общения во многом зависит от первого обмена приветственными репликами.

Фразы-приветствия принадлежат к элементам речевого этикета, основной функцией которых является обозначение социальных отношений, формирующихся в процессе коммуникации.

Приветствия играют ключевую роль в установлении контакта и определении характера взаимоотношений. Владение формулами приветствия свидетельствует о высоком уровне владения языком и культуре общения.

В русском языке этимологически единица речевого этикета обозначает пожелание здоровья. Например, по мнению Н.И. Формановской, приветствие «Здравствуйте!» наиболее употребительное, принятое носителями русского языка. Это приветствие традиционно связано с вопросом о здоровье собеседника и соответствует пожеланию здоровья и благополучия. Эта традиция отражает желание поддержать позитивное физическое и моральное состояние собеседника [6, с. 159].

В русском языке этикетные формы слабо дифференцированы и нейтральны, что делает фразу «Здравствуйте» универсальной для большинства случаев.

Русскоязычные приветствия часто содержат компонент «добро», связанный с понятием добра и блага, характерным для православного мировоззрения.

«Добрый день!» - это выражение, которое употребляется реже, но достаточно удобное в определенных ситуациях. Другое приветствие «Привет!» выражает фамильярно-дружеское расположение людей.

В «Словаре русского речевого этикета» представлены русские приветствия и прощания в количестве 582 единицы. Приветствия и прощания, обозначенные в словаре алфавитном порядке, помогают иностранцу сориентироваться в языковой и культурной информации. Эту информацию можно использовать при изучении русского языка [4, с. 135].

Мы попытались сгруппировать приветствия по тематическим группам.

Первая группа, которую мы выделили, относится к русской православной религии.

Перечислим некоторые примеры:

Ангел навстречу!

Господь тебе встречу!

Илье-пророку злат венец, а хозяину здравствовать!

Во вторую группу вошли приветствия с пожеланиями:

– Доброго здравица

– Многолетнего здравия

– Здорово, дед, на сто лет!

– Здоровья вам многолетнего на всех ветрах

- С легким паром, молодым жаром. С лёгкого пару без угару!
- Здравствуй, здравствуй, свет мой ясный (друг прекрасный)!

Разговорные приветствия

- Привет, старушка, с тебя чекушка!
- Приветик!
- Салютик!

Просторечные приветствия:

- Наше Вам с кисточкой!

Приветствия, характеризующие русский народный этикет:

- Первый поклон Богу, второй - хозяину с хозяйкой, а третий- всем добрым людям передайте поклон!

Еще одна группа выражений связана с проявлением чувств говорящего по отношению к собеседнику. Радость при встрече может быть выражена следующим образом:

- Рад Вас видеть!
- Хорошо, что я встретил тебя!
- Как хорошо, что...!

Еще одна группа, выражающая приветствия, это фразы - удивления при неожиданной встрече:

- Какая встреча!
- Какая приятная встреча!

Кроме ситуаций приветствий, в русской культуре могут встретиться такие выражения:

- Вы давно ждете?
- Я не опоздал?

Поскольку важным в любой культуре является не только фразы приветствия, но и прощания, по такому же принципу мы распределили фразы прощания.

Перед тем, как описать группы, на наш взгляд, следует остановиться на этимологии слова «прощаться». Само слово «проститься» в русском языке означает «обмениваться рукопожатием, словами приветия и т.п. при расставании с кем-либо» [3, с. 526]. В свою очередь, «прощание» означает «действие по глаголу прощаться» [3, с. 548].

Прощание противопоставлено приветствию, поэтому прощание и приветствие содержит много антонимичных формул.

Первая группа «Русская православная религия»

- Бог по дороге, а черт стороной!
- Бог на дорогу!

Вторая группа «Просторечные прощания»

- Скатертью дорога!
- Покудова! (Прощай-пока!)

- Прощевайте!
- До свидания!
- Дот встречи!
- До завтра!
- Пока!
- Всего!

К третьей группе мы отнесли фразы, отражающие просьбы при прощании:

- Приходите!
- Звоните!
- Заходите!
- Не забывайте нас!
- И вы тоже!
- И вы заходите!

Корейский язык, как и русский язык, обладает строгими правилами обращения, основанными на иерархии отношений и степени близости между собеседниками. Важно учитывать возраст, социальный статус и степень знакомства при выборе подходящего стиля речи.

Согласно «Корейскому словарю терминов для средних школьников» термин «речевой этикет» рассматривается как «необходимость уважения к собеседнику и речевые выражения, которые зафиксированы в социальных обычаях. Для речевого этикета формальность и невербальные процедуры являются важными» [1, с. 167].

В отличие от русского этикета в корейском обществе речевой этикет определяется как национальная традиция, а также как конфуцианская этика. Конфуцианская этика отражена в приветственных фразах корейцев.

В корейском языке основное внимание уделяется состоянию внутреннего мира собеседника, что проявляется в вопросах типа «Пребываете ли вы в мире и спокойствии?» (안녕하세요?). Такое приветствие обусловлено конфуцианской философией, согласно которой гармония и спокойствие являются важнейшими ценностями.

В корейской культуре издавна традиционное приветствие заключается в поклоне, глубина которого варьируется в зависимости от социального положения и возраста собеседников (например, при встрече со старшими или при первом знакомстве с незнакомым человеком необходимо слегка поклониться). Прощание предполагает обмен добрыми пожеланиями и благодарностью за встречу.

Во время поклона корейцы здороваются «안녕하세요?» или еще уважительней «안녕하십니까?», что означает: «Пребываете ли Вы в мире?» или «Все ли у Вас благополучно?». В ответ, обычно, собеседник проговаривает такие же фразы.

В корейском языке используются эквиваленты понятия «хорошего», такие как «Хорошее утро!» (좋은 아침이에요).

Корейские приветствия нередко касаются вопроса приёма пищи, что связано с традиционной культурой, где еда считается символом гостеприимства и заботы о близких.

Помимо этих фраз при приветствии вместо «안녕하세요/안녕하십니까?» корейцы могут произнести «아침 드셨어요?», что дословно означает «Завтракали ли Вы?» или неформальный вопрос «어디 가?» (Куда ты идешь?).

Поскольку мы разбивали подгруппам русские выражения-приветствия, попытаемся сделать то же самое с корейскими

Итак, первая группа, которую мы выделили, называется «Как поживаете»:

- 어떻게 지내십니까? (самая уважительная)
- 어떻게 지내세요? (более дружеская)
- 어떻게 지내? (Неформальная, фамильярная)

Вторая группа «Как Ваши (твои) дела?»

- 요즘 하시는 일은 어떻습니까? (самая уважительная форма)
- 요즘 하시는 일은 어때요? (уважительная, менее дружеская)
- 요즘 하는 일은 어때요? (более дружеская)
- 요즘 하시는 일은 어때? (неформальная, фамильярная)

Третья группа называется «Осведомление о еде». Дело в том, что в годы войны в Корее очень много людей умирало от голода. И, когда люди встречались, единственный вопрос, который их интересовал, был вопрос о пропитании. По этой причине, приветствия с уклоном в осведомление о пище, вошли в культуру Кореи. Приведем некоторые примеры таких приветствий:

- 아침 식사하셨습니까? (Вы завтракали?);(самая уважительная форма)
- 점심식사하셨어요? (Вы обедали?); (уважительная, менее дружеская)
- 저녁식사했어요? (Вы ужинали); (более дружеская)
- 밥 먹었어요? (Вы ели?); (уважительная и более дружеская)
- 밥 먹었어? (ты ел?); (неформальная, фамильярная)

В статье представлены не все формы русского и корейского речевых этикетов, но несмотря на это, можно сделать некоторые выводы. Например, проанализированные корейские и русские приветствия показали, что с помощью приветствий, как русские, так и корейцы, выражают свое отношение и беспокойство о собеседнике. При этом каждый язык обладает своим фондом этикетных формул.

Особенности речевого поведения русских и корейцев в коммуникативных ситуациях обусловлены историческими, социальными и культурными факторами. Понимание этих особенностей важно для успешного межкультурного общения и установления гармоничных взаимоотношений.

Библиографический список:

1. Корейский словарь терминов для средних школьников / под ред. Ку Инхван – Сеул, 2006. 238 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В.Н. Ярцевой – М.: РАН, Институт языкознания, 2002. 600 с.
3. МАС Словарь русского языка: Т. 1-4 / АН СССР, ин-т русс.яз. под ред. А.П. Евгеньевой – 2-е изд., испр. и доп. – М.: 1983. 750 с.
4. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балаклай. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: 2001. 672 с.
5. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н.Кожинной – М.: Флинта, 2006. 696 с.
6. Формановская Н.И. Теория общения и речевого этикет // Русский язык за рубежом, 2010. № 1. С. 49-55.

Reference

1. Korean dictionary of terms for secondary school students / edited by Ku Inhwan – Seoul, 2006. 238 p.
2. Linguistic encyclopedic dictionary / edited by V.N. Yartseva – Moscow: RAS, Institute of Linguistics, 2002. 600 p.
3. MAS Dictionary of the Russian language: Vol. 1-4 / USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language. edited by A.P. Evgenyeva – 2nd ed., corrected. And add. – Moscow: 1983. 750 p.
4. Dictionary of Russian speech etiquette / A.G. Balaklai. – 2nd ed., corrected. and add. – Moscow: 2001. 672 p.
5. Stylistic encyclopedic dictionary / edited by M.N.Kozhina – М.: Flinta, 2006. 696 p.
6. Formanovskaya N.I. Theory of communication and speech etiquette // Russian language abroad, 2010. № 1. P. 49-55.

Иманалиева Г.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова».

Рашидова А.Д.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова».

Техники и стратегии успешного преподавания иностранных языков*

Аннотация. Целью данной статьи является популяризация наиболее продуктивных методов в преподавании английского языка. Успех в преподавании английского языка может в значительной степени зависеть от сочетания коммуникативных методов, непосредственного преподавания и дифференцированного преподавания. Лингвисты постоянно находятся в поиске идеального метода преподавания, но их исследования всегда приводили к методам, которые имеют как преимущества, так и недостатки одновременно. Наша теория поддерживает идею о том, что успеха в преподавании можно достичь не за счет использования какого-то одного метода, а за счет сочетания различных методов, где каждый метод дополняет другой и заполняет пробелы, созданные другими методами. Общая гипотеза, выдвинутая в этой статье, заключается в том, что выбор метода обучения должен быть сделан не на основе личных предпочтений учителя по отношению к тому или иному методу, а исходя из других очень важных факторов, таких как: уровень обучения, стили обучения, предпочтения учащихся, их области интересов и т.д. В заключение, цель статьи - проинформировать учителей английского языка о потенциале, который сочетание вышеуказанных методов и приемов обучения может иметь в процессе обучения, делая его более продуктивным и успешным одновременно.

Ключевые слова: иностранные языки, дифференцированное преподавание, метод серий, прямой метод, контекстуальный метод обучения, аудиолингвистический метод, альтернативный метод, метод коммуникации, метод планирования, английский язык, методология.

* © Иманалиева Г.А., Рашидова А.Д., 2025.

Imanalieva G.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of their Teaching. Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov.

Rashidova A.J.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of their Teaching. Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov.

Techniques and strategies for successful teaching of foreign languages

Abstract. The purpose of this article is to popularize the most productive methods in teaching English. Success in teaching English can depend to a large extent on a combination of communicative methods, direct teaching and differentiated teaching. Linguists are constantly in search of the ideal teaching method, but their research has always led to methods that have both advantages and disadvantages at the same time. Our theory supports the idea that success in teaching can be achieved not through the use of any one method, but through a combination of different methods, where each method complements the other and fills in the gaps created by other methods. The general hypothesis put forward in this paper is that the choice of teaching method should not be made on the basis of the teacher's personal preferences in relation to a particular method, but on the basis of other very important factors such as: level of learning, learning styles, preferences of students, their areas of interest, etc. In conclusion, the purpose of the article is to inform English teachers about the potential that a combination of the above teaching methods and techniques can have in the learning process, making it more productive and successful at the same time.

Key words: foreign languages, differentiated teaching, series method, direct method, contextual teaching method, audiolinguistic method, alternative method, communication method, planning method, English language, methodology.

Преподавание, как и любое другое явление повседневной жизни, меняется со временем точно так же, как меняются интересы и требования учащихся, являющихся субъектом этого процесса. Учителя всегда были озадачены тем, какой метод преподавания лучше, или более подходящим является метод обучения у них, поскольку именно учитель своим выбором определяет успех или неуспех процесса обучения. По этой причине авторы считали целесообразным провести это исследование, чтобы указать на

важность методологии в процессе обучения и критерии, которые приводят к успешному преподаванию.

Основная цель данной статьи - осветить методы обучения, техники и стратегии, которые делают учебный процесс интересным и успешным. Другой важной целью является определение значимости преподавателя в процессе обучения, и особенно в дифференциации этого процесса в соответствии с уровнем, навыками и интересами самих учащихся. Наконец, цель состоит в том, чтобы, используя возможности выбора в отношении методов обучения, техник и стратегий, а также посредством учета стилей обучения учащихся, еще больше повысить профессионализм преподавателя в процессе преподавания и обучения, чтобы преподавание было не только продуктивным, но и интересным и вызывающим.

При написании этой статьи авторы опирались на мнения, теории и философские трактовки различных ученых, которые внесли огромный вклад в улучшение учебного процесса. Особое место занимают взгляды Пиаже «люди должны наращивать свои знания на основе своего опыта» [10], Джерома Брунера «обучение - это открытие того, как использовать то, что вы знаете, чтобы выйти за рамки того, что вы думаете» [2], Выготского «социальное взаимодействие предшествует развитию» [3], Славина «исследовательская база совместного обучения впечатляет с точки зрения возможности достижения академических и социальных результатов» [12]; эти перспективы тесно связаны с «коммуникативным методом», широко используемым в преподавании иностранных языков с 80-х годов, и с «теорией построения знаний» [10].

Дополнительная ценность этого документа заключается в том, что благодаря обсуждаемым вопросам и решаемым проблемам предлагаются решения, повышающие интерес учащихся к уроку и улучшающие их достижения в процессе обучения.

Новизна данной работы заключается в том, что выбор наиболее подходящего метода производится не только путем сравнительного изучения основных методов в обучении иностранным языкам и, в частности, английскому языку, с указанием преимуществ и недостатков каждого метода, но и путем экспериментирования с этими методами в аудиторной среде. Ожидаемый результат, в результате этого детального исследования, состоит в том, чтобы прийти к наиболее эффективному методу или комбинации методов для достижения успешного преподавания и усвоения знаний.

С методологической точки зрения, для представления основных методов обучения используется историко-сравнительный метод, за которым следует аналитическая обработка современных методов обучения и синтез их наиболее продуктивных элементов на основе результатов их аудиторного экспериментирования.

В этой статье рассматриваются преимущества и недостатки исторической трактовки «метода серий», «прямого метода», «контекстуального метода обучения», «аудиолингвистического метода», «альтернативных методов», «метода коммуникации» и «метода планирования», с целью указать на преимущества и недостатки этих методов, чтобы сделать вывод о включении в учебный процесс не того или иного метода исключительным образом, а комбинирования методов или выбора наиболее эффективного метода, при условии соблюдения других условий, присутствующих в классной комнате, а также тех, которые связаны с самим учащимся и его склонностями. Историческое развитие основных методов обучения иностранным языкам и их общие особенности. Поиск методов начался примерно в 1880-х годах с публикации Франсуа Гуена «Искусство преподавания и заучивания иностранных языков», на которой был основан «метод серий». Согласно этому методу, лучший способ помочь студентам в изучении иностранного языка - ввести определенную тему, попросив студентов высказать одно за другим свое мнение по этому вопросу. Этот метод также подходил для объединения тем, которые студенты изучали по другим предметам, с изучением иностранного языка [4].

Методу Гуина последовал в начале двадцатого века «прямой метод», в котором подчеркивалось использование только иностранного языка, избегая использования языка происхождения [4]. Характерными особенностями этого метода являются: 1. Изучение лексики с помощью конкретных объектов или визуальных материалов; 2. Изучение грамматики с помощью индуктивного метода разбиения грамматических правил на примеры. 3. Сосредоточиться на разговорной речи и структурах вопросов и ответов; 4. Поставьте учителя в центр учебного процесса. За «прямым методом» в 30-е годы последовал «вербальный метод ситуаций» [11], который опирался на структурный взгляд на язык, согласно которому структуры должны быть представлены в ситуациях, где они могут быть использованы. Одной из главных особенностей этого метода является акцент на словарном запасе и приобретении навыков чтения. Согласно этому методу, приобретение часто употребляемого словарного запаса приводит к улучшению навыков чтения. «Вербальный метод описания ситуаций» применялся в конце 40-х годов появился «Аудиолингвистический метод» [1], который также поддерживал изучение иностранного языка без посредничества языка происхождения, но который, в отличие от «прямого метода», который больше фокусировался на изучении словарного запаса, «аудиолингвистический метод» фокусировался об изучении грамматики, которое не объяснялось, но иллюстрировалось примерами, которые учащиеся должны были запомнить путем частого повторения грамматических структур, представленных учителем в предложениях [1]. Основны-

ми особенностями этого метода являются: введение нового материала в виде: диалога; запоминание фраз; выбор слов; отсутствие грамматического объяснения. За «аудиоязыковым методом» в начале 60-х годов последовал «когнитивный метод обучения» [11]. Этот метод подчеркивал идею о том, что изучение языка предполагает активные психические процессы, в отличие от «аудиолингвистического метода», который рассматривал процесс изучения языка как формирование привычки. «Метод когнитивного обучения» подчеркивал важность осмысленной практики, а правила появлялись после представления примеров [11].

70-е годы принесли альтернативные методы «Изучения языка в сообществе», «Метод бесшумного режима [8] и «Метод полной физической реакции» [1]. Альтернативные методы - это методы, которые ставят ученика в центр учебного процесса. «Метод изучения языка в сообществе» основывался на совместной работе студентов над изучением языка, в то время как «метод молчаливого режима» придавал большое значение автономии студентов. Согласно этому методу, роль преподавателя заключается в том, чтобы контролировать усилия учащихся и поощрять их к активности в изучении языка. Одним из основных моментов, на которых фокусируется этот метод, является произношение и словарный запас, которые практикуются в контексте.

Другим методом 70-х годов является метод «полного физического реагирования» [1], который поддерживает идею о том, что изучение иностранного языка должно проходить те же этапы, что и овладение родным языком, прежде чем переходить к этапу выработки языка, необходимо провести длительный период прослушивания и понимания. Согласно этому методу, учащиеся должны давать ответы, сопровождаемые физическими движениями. Основными особенностями этого метода являются: 1. Сосредоточенность на слушании и действии; 2. Сочетание изучения языка с физическими упражнениями; 3. Импровизация типичных особенностей овладения родным языком.

В 80-х годах преподавался «метод коммуникации» [9]. В этом методе особое внимание уделяется взаимодействию, которое рассматривается как конечное средство и цель изучения иностранного языка. «Метод коммуникации» обладает следующими основными характеристиками: 1. Сосредоточиться на развитии коммуникативных навыков у студентов. 2. Язык преподается в контексте. 3. Грамматические правила преподаются индуктивно. 4. Методы обучения: работа в группах, игры и т.д. 5. Учитель рассматривается как помощник в процессе обучения. Среди вышеупомянутых методов «метод коммуникативные» и «альтернативные методы» обучения широко использовались в 90-е годы [9].

Традиционные и современные методы обучения. Их преимущества

и недостатки. Обучение может осуществляться многими различными способами, но именно то, как оно развивается, определяет успех или неудачу этого процесса. Среди методов, которые годами находились в центре внимания ученых в этой области, - традиционные методы обучения, в центре учебного процесса которых находится учитель, и современные методы обучения, в центре учебного процесса которых находится ученик. Современные методы обучения обладают следующими преимуществами по сравнению с традиционными методами: Во-первых, ученик принимает активное участие в разборе информации, представленной учителем, и активно наращивает свои собственные знания. Как утверждал Фон Глазерсфельд, «концепции не могут быть просто переданы от учителя к ученику, они должны быть восприняты» [14]. В традиционном обучении учитель находится в центре учебного процесса и передает ученику информацию, изложенную самим учителем. Этот способ получения информации менее продуктивен, чем метод активного получения информации от самого студента, поскольку запоминание готовой информации выполнить сложнее, чем когда информация разбивается самим студентом [14]. Во-вторых, в современном преподавании развивается дух сотрудничества. Студенты работают в парах, группах или командах для решения проблем и подготовки проектов в атмосфере позитивной взаимозависимости и индивидуальной ответственности. Успешное сотрудничество требует от студентов обмена информацией в процессе накопления знаний [5]. Это достигается путем непосредственного взаимодействия между студентами для создания продукта, который включает переговоры и дискуссии.

Многочисленные исследования показали, что совместное обучение, в отличие от индивидуальной работы, приводит к более глубокой обработке информации и более прочным психологическим связям между участниками совместной работы [5]. В отличие от этой формы обучения, в традиционном обучении нет взаимодействия между учащимися в групповой работе, а только взаимодействие между преподавателем и всей группой учащихся в целом [5]. Отсутствие взаимодействия между учащимися при такой форме обучения является недостатком традиционного преподавания, поскольку учащимся легче учиться, взаимодействуя друг с другом, а не со взрослыми, и в данном случае с учителем. В-третьих, в современном преподавании приоритет отдается индуктивному обучению, которое дает студентам возможность выучить материал, чтобы справиться с задачами, с которыми они столкнулись впервые. Посредством индуктивного обучения учащиеся приобретают знания на примерах, приводимых преподавателем, посредством чего они реконструируют правила формулирования структуры и делают обобщения. В традиционном обучении учитель объясняет правила, на основе которых строятся различные грамматические структуры [5].

Традиционные методы обучения имеют следующие преимущества перед современными методами: Во-первых, меньшее количество времени затрачивается на планирование и проведение различных мероприятий в классе, в то время как в современном преподавании учителю приходится готовить материалы и мероприятия, требующие больше времени и усилий. Во-вторых, знания усваиваются более полно. Объем информации, которую учащиеся усваивают из подробных объяснений учителя при традиционном обучении, больше, чем то, что усваивается в результате взаимодействия между учащимися и под руководством учителя при современном обучении. Несмотря на преимущества, традиционные методы также имеют свои недостатки, такие как: 1) недостаточная эффективность этих методов у части студентов, 2) низкий уровень мотивации студента, 3) ограничение возможности контролировать успеваемость студента.

Рассмотрены основные принципы дифференциации учебного процесса и способы его реализации. Дифференциация процесса обучения требует от учителей понимания того, что классная комната - это место, где учитель каждый день создает наилучший образ учащихся в отношении процесса преподавания и обучения, и ежедневно помнить, что никакая педагогическая практика не является наилучшей, пока она не сработает для каждого ученика в частности. Например, все учителя знают, что урок, который вызывает интерес у ученика, имеет много достоинств. Дифференциация учебного процесса подтверждает этот принцип, но в то же время напоминает нам о том, что то, что может заинтересовать учащегося, может раздражать других. Дифференциация процесса обучения не означает, что один учитель всегда удовлетворяет интересы всех учащихся. Это требует, чтобы учитель большую часть времени разрабатывал разумное количество стратегий обучения, чтобы учащиеся считали обучение целесообразным в течение этого времени. Тремя элементами учебной программы, которые можно дифференцировать, являются: содержание, процесс и продукт [13].

Дифференциация содержания. Содержание относится к знаниям и навыкам, которые необходимо усвоить учащимся. Тем студентам, которые понимают большинство концепций, не нужно участвовать в непосредственном обучении, и они могут использовать разные тексты с разным уровнем чтения, или использовать концепции в разных ситуациях, или ускорять изучение [13].

Дифференциация процессов. Процесс включает в себя мероприятия, которые дают студентам возможность попрактиковаться и понять содержание. Дифференциация процесса дает студентам альтернативные способы изучения концепций. Например, учащиеся могут создать график, чтобы показать, насколько они поняли определенную концепцию. Учитель может

создавать различные уровни когнитивной обработки для учащихся с разными способностями.

Дифференциация продукта. Продукт - это результат урока, оценки или проекта. Дифференциация продуктов изменяет сложность инструмента, который оценивает овладение учащимися концепциями [13]. Например, студентам может быть предложен выбор проекта, который им нужно выполнить, а студентам, работающим выше проходного уровня, может быть предложено выполнить работу, требующую более тщательно обдумывания.

Дифференциация в зависимости от уровня, интересов и стилей обучения учащихся. Уровень учащихся зависит от их начальных знаний, понимания и текущего уровня квалификации. Интерес относится к темам, которые мотивируют студента или повышают его любопытство. Профиль обучения включает в себя стили обучения (визуальный, слуховой, осязательный, двигательный), групповые предпочтения (индивидуальные, в небольшой группе или большой коллектив), предпочтения окружающей среды (тихое место, большое пространство или малое). Учителя могут дифференцировать преподавание, полагаясь на любой из этих факторов или их комбинацию [13].

Основываясь на теоретическом рассмотрении преимуществ и недостатков традиционных и современных методов обучения, естественно сделать вывод, что эти методы дополняют друг друга. По этой причине, полагая, что идеального преподавания можно достичь за счет сочетания метода конструктивизма и метода прямого преподавания, авторы экспериментировали с этими методами, первоначально используя традиционный метод прямого преподавания в течение 3 недель по различным предметам с группами из 35 обучающихся. Результаты эксперимента были почти одинаковыми для каждой группы учащихся, соответственно 15% из них интересовались занятием и активно задавали различные вопросы, 55% участвовали пассивно и 30% отвлекались на выполнение различных действий, которые находились вне класса. В течение остальных 7 недель авторы в основном использовали конструктивистский метод с теми же группами студентов и по тем же предметам. Результат был замечательным; 75% студентов активно участвовали в занятии, предлагая идеи или предположения, 15% были пассивны, но внимательны, а 10% отвлекались.

Основываясь на теоретическом рассмотрении различных методов обучения и экспериментируя с ними в конкретной классной среде, авторы пришли к выводу, что успешного преподавания можно добиться, комбинируя «конструктивистский метод», «прямой метод» и «дифференцированное обучение», а также ставя учителя или ученика в центр внимания. процесс обучения зависит от различных обстоятельств. Таким образом,

для объяснения содержания курса учитель может использовать «конструктивистский метод» и «прямой метод», в то время как для отработки полученных знаний и навыков учитель может использовать дифференцированное обучение, организуя различные виды деятельности в зависимости от уровня учащихся, областей интересов, а также предпочтений и стилей обучения [13].

С помощью «конструктивистского метода» реализуется повышение интереса и вовлеченности всех учащихся в процесс обучения. Вопросы, которые задает учитель, направляют учащихся к получению от них знаний, возбуждают любопытство учащихся, усиливают их желание предлагать идеи, повышают сосредоточенность на уроке, повышают их уверенность в себе, приводят к построению содержания предмета активным и интересным способом, и приводят к более легкому запоминанию новой информации, в которое внесли свой вклад сами учащиеся [13].

Посредством «прямого обучения» преподаватель заполняет пробелы, оставшиеся на этапе накопления знаний, тем самым реализуя полное содержание курса. Дифференциация преподавания позволяет вовлекать в деятельность всех учащихся и ведет к успеху процесса обучения, поскольку учащиеся с большей охотой занимаются деятельностью, которая соответствует их интересам и учитывает уровень трудностей в обучении, с которыми они сталкиваются [13].

В заключение, ключ к успешному преподаванию находится в руках самого учителя. Именно учитель, тщательно зная своих учеников, их чувства, страхи, неуверенность в себе, слабые и сильные стороны, может организовать урок, используя методы, инструменты и стратегии, которые вовлекают учащихся в процесс обучения и продуктивно улучшают усвоение материала.

Библиографический список:

1. Браун Х. Дуглас. Преподавание английского языка в «Пост-методическую эру»: на пути к улучшению диагностики. 2002.
2. Брунер Дж. К теории обучения / Дж. Брунер. Кембридж: Издательство Гарвардского университета, 1966.
3. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский; ред. М.Г. Ярошевский. – Москва: Педагогика, 1987.
4. Гуин Ф. Художник-изобретатель и изучатель языков» Париж: Библиотека Фишбахера. 1880.
5. Дилленбург П., Бейкер М., Блэй А., О'Мэлли К. Эволюция исследований в области совместного обучения. 1996.
6. Джонсон Д.У., Джонсон Р.Т., Смит К.А. Активное обучение: Сотрудничество в классе колледжа. 2-е изд. Эдина, – Миннесота. 1998.
7. Дилленбург П., Бейкер М., Блэй А., О'Мэлли К. Эволюция исследований в области совместного обучения. 1996.
8. Каннингем Д.Дж. За пределами педагогической психологии: шаги к образовательной семиотике. Обзор психологии образования. 1992. № 4 (2).
9. Мак-Кей С.Л. Преподавание английского языка как международного. 2002.
10. Пиаже Ж. Истоки интеллекта у детей. – Нью-Йорк: Издательство Международного университета, 1952.
11. Ричардс Дж.С., Роджерс Т. Подходы и методы в преподавании иностранных языков. 2001.

12. Славин Р.Э. Кооперативное обучение: теория, исследование и практика. 1990.
13. Томлинсон, Кэрол А. Как дифференцировать обучение в классах со смешанными возможностями. 2001.
14. Фон Глазерсфельд Э. Конструктивистский подход к обучению. 1995.

Reference

1. Brown H. Douglas. Teaching English in the "Post-Method Era": Towards Better Diagnostics. 2002.
2. Bruner J. Toward a Theory of Learning / J. Bruner. Cambridge: Harvard University Press, 1966.
3. Vygotsky L.S. Psychology of Art / L.S. Vygotsky; ed. M.G. Yaroshevsky. – Moscow: Pedagogy, 1987.
4. Guin F. Artist-Inventor and Language Learner" Paris: Fischbacher Library. 1880.
5. Dillenburg P., Baker M., Blay A., O'Malley K. The Evolution of Research on Cooperative Learning. 1996.
6. Johnson D.W., Johnson R.T., Smith K.A. Active Learning: Collaboration in the College Classroom. 2nd ed. Edina, Minnesota. 1998.
7. Dillenburg P., Baker M., Blay A., O'Malley K. The evolution of research in cooperative learning. 1996.
8. Cunningham D.J. Beyond educational psychology: steps toward educational semiotics. Educational Psychology Review. 1992. № 4 (2).
9. McKay S.L. Teaching English as an international language. 2002.
10. Piaget J. The origins of intelligence in children. – New York: International University Press, 1952.
11. Richards J.S., Rogers T. Approaches and methods in teaching foreign languages. 2001.
12. Slavin R.E. Cooperative learning: Theory, research and practice. 1990.
13. Tomlinson, Carol A. How to Differentiate Instruction in Mixed-Ability Classrooms. 2001.
14. Von Glaserfeld, E. A Constructivist Approach to Teaching. 1995.

Дун Сяобинь

Соискатель факультета башкирской филологии и журналистики. Уфимский университет науки и технологий.

Анализ российского и китайского анималистического кода*

Аннотация. В статье рассматривается сравнение русского и китайского анималистического кода на примере зоонимов *петух* (公鸡), *овца* (羊), *корова* (牛), *бык* (牛). Исследование направлено на выявление особенностей лингвистической репрезентации животных в культурных контекстах двух языковых сообществ, а также на анализ семантических и культурных аспектов использования зоонимов. Полученные результаты исследования расширяют представление о межкультурных коммуникациях через призму зоонимов.

Ключевые слова: фразеологизмы, анималистический код, лингвокультурология, зоонимы.

Dong Xiaobin

Applicant of the Faculty of Bashkir Philology and Journalism of the Ufa University of Science and Technology.

Analysis of Russian and Chinese animalistic code

Abstract. The article compares Russian and Chinese animalistic codes using the example of zoonyms *rooster* (公鸡), *sheep* (羊), *cow* (牛), *bull* (牛). The study is aimed at identifying the features of linguistic representation of animals in the cultural contexts of two language communities, as well as analyzing the semantic and cultural aspects of using zoonyms. The results of the study expand the understanding of intercultural communications through the prism of zoonyms.

Key words: phraseological units, animalistic code, linguacultural studies, zoonyms.

Анималистический код – это совокупность лингвистических средств, отражающих отношение человека к животным, их символическое значе-

* © Дун Сяобинь, 2025.

ние и культурные ассоциации.

В последние десятилетия возникает особая необходимость изучения языковой культуры, которая охватывает систему символов и смыслов, вплоть до обрядов и ритуалов [Воробьев и др. 2023: 153]. Одним из важнейших групп языковых единиц, в структуре и семантике которых отражена история, культурная ситуация рассматриваемого времени, традиции и обычаи народов, являются фразеологизмы, репрезентирующие мир чувств, образов, оценок того или иного народа, тем самым непосредственным образом связанные с культурой речи [Воробьев и др. 2024]. В китайском языке зафиксировано большое количество фразеологизмов с анималистическим компонентом; эти фразеологизмы дают уникальный и богатый материал для исследований [Стрельчук 2013].

В русской и китайской языковой картине мира *петух* ассоциируется с ранним подъемом, рассветом, дисциплиной. Для людей (особенно в сельской местности) издревле утренний крик *петуха* был ориентиром времени, живыми часами, сигналом пробуждения. Общеизвестной в русском языке является фразеологизм *вставать с петухами*, который обозначает ранний подъем. *Петух* является зооморфной трансформацией божества утренней зари и солнца. Образ *петуха*, разгоняющего криком нечистую силу, становится кульминацией многих славянских фольклорных былин. В «Сказке о Золотом Петушке» [Пушкин 2015] флюгер поворачивается в сторону, откуда грозит зло.

Устойчивое выражение *когда жареный петух (в одно место) клюнет* имеет две интерпретации: ее используют при возникновении сложной проблемы, а также в значении «никогда».

В Китае к *петуху* (公鸡) относятся с большим почтением: он олицетворяет достоинство, благородство, храбрость, надежность, великодушие. В идиоме *闻鸡起舞* (букв. «петухи прокукарекали, сразу встал и за работу») образ *петуха* выполняет важную задачу – побудить человека к действию. Лексема *公鸡* подчеркивает публичность и важность этого животного в традиционных праздниках.

Образ *овцы* в русской культуре ассоциируется с миролюбием и покорностью. *Овца* считается символом труда, ведь она дает людям шерсть, мясо, молоко. От данного образа произошло множество устойчивых выражений: *заблудшая овца* (потерявшийся человек, беспутный); *овчинка выделки не стоит* (о пустяковом деле, которое потребует больше сил, чем принесет результата); *и волки сыты, и овцы целы* (решение проблемы, одинаково удобное для обеих сторон). С другой стороны, уничижительная коннотация данных выражений свидетельствует о том, что в русской лингвокультуре *овца* также символизирует слабость, беспомощность.

В китайской культуре образ *овцы* (羊) трактуется положительно и ассо-

цируется с миролюбием, счастьем, благополучием. Овца в Китае символизирует плодородие и безопасность. В китайском языке есть устойчивое выражение 亡羊补牢 (букв. «чинить загон, когда овцы убежали») в значении «если случилось нечто плохое, никогда не поздно предпринять меры для исправления ситуации и предотвращения повторных ошибок». Говоря о двойственности образа овцы, обратимся к идиоме 害群之马 (букв. «паршивая овца все стадо портит»), которую используют для описания человека, имеющего плохое влияние на окружающих. Выражение произошло от латинского выражения «Unius pecudis scabies communiculat gregem» (букв. «паршивая овца все стадо портит»).

Образ коровы во многих славянских и русских сказках, преданиях олицетворяется с миролюбием, смирением, отзывчивостью, преданностью. Корова, как символ богатства и достатка, ассоциируется с процветанием и благосостоянием. Устойчивое выражение *священная корова* означает ситуацию, когда кто-то обладает правовым иммунитетом, а выражение *дойная корова* – это источник долговременного дохода. Часто *корова* связана с домашним комфортом. Наряду с этим из-за своих крупных габаритов *корова* используется и в уничижительном варианте, например, выражение *как корова на льду* используется в отношении человека, который постоянно неловок и неуклюж.

В китайской культуре *корова* (牛) пользуется сильным символическим значением: она ассоциируется с плодородием, трудолюбием, миролюбием. В китайской мифологии *корова* изображается как мифическое животное, имеющее магические способности. Фразеологизм 对牛弹琴 (букв. «играть для коровы на лютне») означает ситуацию, когда человек напрасно пытается доказывать кому-либо что-либо. Данное выражение имеет русский эквивалент *метать бисер перед свиньями*. Идиома 屠所牛羊 (букв. «корова и баран в скотобойне») является метафорой человека, приближающегося к смерти. Выражение 老牛舐犊 (букв. «старая корова лижет теленка») относится к родителям и их любви к своим детям. Сравнение возникло в результате того, что *старая корова* часто вылизывает тело теленка. Любовь родителей во всех культурах считается самоотверженной и истинной, поэтому в данном значении *старая корова* тождественна образу «*священная мать*».

Образ *быка* в русской культуре имеет несколько коннотаций. Во-первых, *бык* ассоциируется с силой, мощью, стойкостью и бесстрашием. В русском фольклоре *бык* выступает как символ героической мужественности, например, в сказке «Иван-царевич и Серый волк» *бык* является одним из испытаний для героя. В русском языке даже есть глагол *быковать*, т.е. проявлять свою силу, надменность и бесстрашие. Во-вторых, в народной мифологии *бык* считается животным сакральным и связанным с богатством и плодородием. В русской народной традиции *бык* изображается

на росписях и узорах в качестве символа богатства и достатка. Поэтому в русском языке фразеологическая единица *взять быка за рога* используется в случаях, когда говорящий хочет приступить без промедления к делу. Выражение *сказка про белого бычка* ассоциируется с длинной, бесконечной историей (иногда занудной).

В китайской культуре *бык* (牛) символизирует силу, трудолюбие и упорство. *Бык* – важный знак в китайском гороскопе: этот год считается благоприятным временем для достижения успеха, процветания. В Китае *бык* является символом плодородия и богатства, в народной культуре животное широко используется как талисман. Однако благоприятный образ не нашел отражения в языке – китайские фразеологизмы с использованием зоонима *бык* не всегда имеют положительный оттенок. Выражение *泥牛入海* (букв. «глиняный бык упал в море») означает, что принять решение уйти можно лишь один раз без возможности вернуться. Идиома *老牛破车* (букв. «старый бык вытягивает сломавшуюся машину») указывает на низкую эффективность выполнения дела.

Исследование анималистического кода России и Китая на примере зоонимов выявило универсальные черты восприятия животных как носителей определенных ценностей и качеств. В то же время культурные особенности формируют уникальные интерпретации каждого животного в рамках национальных мифов и традиций. Например, петух в Китае – более яркий символ удачи по сравнению с российским восприятием как просто утреннего птаха. Дальнейшие исследования могут расширить понимание межкультурных коммуникаций через призму лингвистических образов животных.

Библиографический список:

1. Воробьев В.В., Фаткуллина Ф.Г., Хайруллина Р.Х., Скнарев Д.С. Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 664-680.
2. Воробьев В.В., Фаткуллина, Ф.Г., Кужугет Ш.Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // *Новые исследования Тувы*, 2023. № 4. С. 153-170.
3. Пушкин А.С. Сказка о Золотом Петушке. – М.: Акварель, 2015. 48 с.
4. Стрельчук Е.Н. Русский язык и культура речи в иностранной аудитории: теория и практика: учебное пособие для иностр. студ.-филологов. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013. 126 с.

Reference

1. Vorobyov V.V., Fatkullina F.G., Khairullina R.Kh., Sknarev D.S. Reflection of the unity of man and nature in the mythological picture of the world (based on Russian, Tuvan and Bashkir folklore texts) // *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. № 3. P. 664-680.
2. Vorobyov V.V., Fatkullina, F.G., Kuzhuget Sh.Yu. Lingvocultural description of the spatial code of culture (based on the Russian and Tuvan languages) // *New studies of Tuva*, 2023. № 4. P. 153-170.
3. Pushkin A.S. The Tale of the Golden Cockerel. – M.: Watercolor, 2015. 48 p.
4. Strelchuk E.N. Russian language and speech culture in a foreign audience: theory and practice: a textbook for foreign students majoring in non-philology. 2nd ed. – M.: Flinta: Nauka, 2013. 126 p.

Матиев М.А.

Кандидат филологических наук, профессор кафедры ингушской литературы и фольклора, ФГБОУ «Ингушский государственный университет», г. Магас. SPIN-код: 5208-1469

Костоева А.М.

Научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас. SPIN-код: 6244-1561

Янарсанова Д.М.

Научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас. SPIN-код: 5244-4376

Древний пласт ингушских обрядовых песен*

Аннотация. В древнем пласте ингушей представлены наиболее архаические молитвы-песни ингушских язычников. Они были записаны в небольшом количестве в горной Ингушетии в XIX – начале XX веках на языке оригинала и дошли до нас в ограниченном количестве, что повышает их ценность как редкого этнографического материала. Данные молитвы-песни представляют значительный интерес для широкого круга исследователей: этнографов – как источник сведений о традиционных культах, обрядах и мифологических представлениях ингушей; фольклористов – в качестве образцов древнейшего поэтического творчества, отражающего архаические формы языка и стиля; культурологов – для изучения механизмов сохранения и трансляции духовного наследия в условиях отсутствия письменной традиции; историков – как свидетельство доисламских и дохристианских верований народов Кавказа; религиоведов – в контексте сравнительного анализа языческих культов и их эволюции под влиянием мировых религий.

Исследование этих текстов способствует не только углублению знаний о традиционной культуре ингушей, но и расширению понимания общекавказских и общечеловеческих архетипов в духовной истории.

Ключевые слова: ингушский фольклор, обрядовые песни, мифология, язычество, этнография, жрец.

Matiev M.A.

Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Ingush Literature and Folklore, Ingush State University, Magas. SPIN-code: 5208-1469

Kostoeva A.M.

Researcher at the Department of Ingush Folklore and Ethnography. Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev, Magas. SPIN-code: 6244-1561

Yanarsanova D.M.

Researcher at the Department of Ingush Folklore and Ethnography. Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev, Magas. SPIN-code: 5244-4376

The ancient layer of Ingush ritual songs

Abstract. The most archaic prayers and songs of the Ingush pagans are represented in the ancient stratum of the Ingush. They were recorded in small numbers in mountainous Ingushetia in the 19th and early 20th centuries in the original language and have come down to us in limited numbers, which increases their value as a rare ethnographic material. These prayer-songs are of considerable interest to a wide range of researchers: ethnographers – as a source of information about traditional cults, rituals and mythological representations of the Ingush; folklorists – as examples of ancient poetic creativity reflecting archaic forms of language and style; cultural scientists – to study the mechanisms of preservation and transmission of spiritual heritage in the absence of a written tradition; historians – as evidence of pre-Islamic and pre-Christian beliefs of the peoples of the Caucasus; religious scholars - in the context of a comparative analysis of pagan cults and their evolution under the influence of world religions. The study of these texts contributes not only to the deepening of knowledge about the traditional culture of the Ingush, but also to the expansion of understanding of pan-Caucasian and universal archetypes in spiritual history.

Key words: Ingush folklore, ritual songs, mythology, paganism, ethnography, priest.

Древний пласт ингушской культуры представляет собой уникальный комплекс мифологических, религиозных и обрядовых традиций, сохранившихся в фольклоре, языке и этнографических практиках. Особый интерес в этом плане представляют архаические молитвы-песни ингушских язычников, записанные в горной Ингушетии в XIX – начале XX веков. Эти тексты являются ценным источником для реконструкции древних верований, социальных институтов и мировоззрения ингушей в доисламский период.

Изучение данного пласта культуры актуально в связи с необходимостью сохранения этнокультурного наследия, а также для понимания эволюции религиозных представлений на Кавказе [5; 8, с. 63-71; 12, с. 562-564]. Несмотря на немногочисленность сохранившихся записей, они содержат ключевые элементы языческого пантеона, ритуальной поэзии и магических практик, что делает их важным объектом междисциплинарного исследования. Предметом изучения выступают древние ингушские молитвы-песни как часть устной традиции, отражающей пантеон божеств и духов (например, культы Дяла, Селы и др.); календарные и жизненные обряды (свадебные, погребальные, аграрные ритуалы); магико-религиозные формулы и заклинания; поэтику и стилистику архаического фольклора. В работе применяется комплексный подход, включающий: филологический анализ – изучение языка текстов, выявление архаизмов, сакральной лексики; сравнительно-исторический метод – сопоставление с материалами по другим кавказским традициям; этнографическая реконструкция – интерпретация молитв в контексте обрядовых практик (по полевым записям и архивным данным).

В настоящем исследовании авторы систематизируют и переводят ранее малоизученные тексты молитв-песен; реконструируют элементы доисламского религиозного культа ингушей; вводят в научный оборот новые полевые и архивные материалы. Работа может служить основой для дальнейших исследований в области кавказоведения, этнолингвистики и истории религии. Отражены различные аспекты духовной культуры народа: языческие представления, мифология, этнография, обычаи, традиции, история. Представлен архаический пласт традиционной культуры ингушей. Из дошедших до наших дней произведений наиболее известны древние моления, тексты, связанные с лечебной магией (заговоры), хозяйственно-бытовой жизнью горцев, календарными обрядами. К ним можно отнести трудовые песни и песни-плачи. Приведем примеры. В конце 19-го века бывший когда-то жрецом при святилище Мятцели на вершине священной для ингушей горы Мяттлоам (Столовая гора) Ганыж Келигов из села Фалхан «пропел» древнюю молитву в присутствии Б. Далгата: «О, высокочтимый Дяла! Свое хорошее дай нам! Как тобою возлюбленным и людьми уважаемым князьям и горным ханам в ответ на их молитву и прославление твоего имени ты даешь свою милость, так и нам дай ее! Дяла! Пусть гость наш будет мирным, пусть хозяин у нас живет благополучно. Во имя гостя и его хозяина дай нам жечь чистый огонь. Пусть пиршественное блюдо будет у нас благодатным. Даруй нам чистое потомство, которое бы содержало очажный огонь в чистоте для хозяина и гостя! Дяла! Своею пулею порazi все несправедное и все несчастья, кружащие над нашим домом, селом. Села! Порazi их молнией, ударь саблю, прострели своим ружьем и избавь нас от них! ...Золотой Мятсела, свою благодать дай нам! Соседствующий с ним

Байни Села, свой достаток дай нам! Божьеликая Тушол, свое хорошее дай нам!» [3, с. 306-307. Цит.: 1, с. 176]. Эта молитва исполнялась в виде протяжной песни-импровизации. Позже они исполнялись лишь прозой, без соответствующей торжественности.

Несмотря на несовершенный перевод с ингушского языка, эти записи являются уникальными и очень ценными для исследователей истории и культуры ингушей. Они произведены в период смены религиозных представлений ингушей, когда небольшая часть ингушских стариков еще помнила языческие обряды и моления. Шиллинг Е.М. в 1930-х годах опубликовал молитву, обращенную к Тушоли: «Худое мы будем откармливать для себя, а откормивши, будем резать тебе (в жертву), божья дочь Тушоли, дай нам благодать свою...Сделай так, чтобы не родившие родили детей, а родившихся оставь в живых. Пошли нам обильного урожая, пошли дождя масляного и солнца лекарственного». [13. Цит.: 1, с. 179].

Такой же молитвой в виде протяжной песни было и обращение к Елте (Елту): «О божий Елт! Гости пришли к тебе. Идя впереди, дай нам самое крупное из рогатых. Наше выстреливающее ружье направь в круглую голову...Жирного тура дай нам, о божий Елт, тучного мясом, плотного салом дай нам. У тебя, при зверях находящемся духе, просим мы, ты у бога проси» [11. Цит.: 1, с. 180].

К очень древним молениям-песнопениям относится и молитва жреца под Новый год: Из чрева вышло, из чрева идет, Озарились земля и небо,
Золотом блещет сиянием яркий, С щедротами идущий
О-о, бог золотой Малх (Солнце)!

Ты приходишь целебным, Ты приходишь масляным.

Дай целебное, чтоб заразные болезни Нас никогда не постигли бы.

Мирное счастье дай нам. Пусть в очагах горит наш чистый огонь... [1, с. 186].

На Новый год дети и подростки пели песни-поздравления:

Пусть будет благословенным ваш Новый год!

Пусть ваша жизнь будет счастливой, Пусть орехи у вас растут крупные,

Пусть скот ваш будет тучным, Пусть куры несут яйца крупные,

Пусть будет халва ваша сладкой, Пусть будет у вас много скота,

Пусть пашни ваши будут плодородными! [1, с. 188]

О праздновании ингушами летнего солнцестояния свидетельствуют праздники в честь Маги-ерды и Гал-ерды. К святилищу приводили животное, предназначенное для жертвы, - корову или козу, где их забивали после соответствующей молитвы. Обязательно приносили с собой и обрядовые хлеба. На треугольной лепешке в середине и на трёх углах выдавливались изображения в виде креста [9]. Треугольным жертвенным хлебцам придавалось большое значение. Об этом пишут Л. Семёнов, Е. Шиллинг, Б. Алборов, Ч. Ахриев. они подчёркивают, что одна из лепёшек должна была быть треу-

гольной. Формы треугольных пирогов приводит в своих записях и Тутаев. Хлебцы треугольной формы или с тремя крестами похожи на «... изображение трёх лиц» [6, с. 226]. Жрец брал в руки треугольную лепёшку (божолг) и произносил молитву: О, Великий боже, Дяла! Да будет на нас милость твоя!

Чтобы род наш сделался великим,

Чтобы наш скот стал многочисленным!

О, золотой Гал-ерды! Кто родился, того сделай счастливым,

А кто ещё не родился, того тоже Поддай благополучно нам.

Кто не является ещё нам родственником,

Чтобы и тот сделался нашим родственником.

Великий Дяла! Не лиши нас родственных связей,

Не сделай нас немощными и бедными,

Избавь от града, молний, ветра, Не погуби напрасно нашего труда» [9].

Участники процесса многократно повторяли имена богов, веря в то, что повторение имени бога задобрит его и исполнит их пожелания. Упоминается и имя бога Гал-ерда. Как отмечает исследователь Зязиков М.М.: «Хал-ерда- бог неба и восходит он к урартскому Халди- бог неба» [5, с. 153]. Жрец после молитвы вырезал ножом крестообразное изображение, находящееся в середине лепешки, и бросал его землю. Здесь мы наблюдаем жертвоприношение перед трапезой – кусочек хлеба бросали на землю. Этот ритуал должен был способствовать хорошему урожаю. Только после этого принимались за ритуальную пищу. Жрец, одетый в специальный костюм (белый бешмет, сверх него чёрная бурка, на голове белая шапка) входил в часовню Баин-сели и выносил оттуда шест, на конце которого были привешены несколько колокольчиков и привязан кусок белой материи. В этом шесте ингуши видели всю святыню, олицетворение Мятцели, и сам шест носил имя Мятцели. Жрец сам поднимался на Столовую гору с шестом на плече. Люди идут за ним. По дороге, если жрец уронит один из колокольчиков, то платит обществу три барана, если совсем потеряет, трехлетнего быка [9]. Не доходя до вершины горы, жрец останавливается в одной из пещер и ставит шест так, чтобы никто не мог его уронить. Народ тоже останавливается на ночь в пещерах. Необходимо отметить специфическую особенность: перед празднеством люди должны были проводить ночь в пещере на горе. Значит, люди ожидали «рождение» солнца, и целую ночь проводили в танцах, радуясь обновлению. Как только наступает рассвет, жрец берёт свою святыню и направляется к вершине горы. Народ следует за ним. Жрец, поставивши шест около часовни Мятцели, принимается за исполнение своей обязанности, которая состоит в произношении молитв перед приношением в жертву баранов, назначаемых для Мятцели. Те, которые поскорее желают принести жертвоприношение, ставят своих баранов около часовни Мятцели на южной стороне, и обращают головы их к востоку.

Затем приглашают жреца и дают ему в руки бокал пива или водки. Жрец, прежде всего, приглашает несколько человек, чтобы они обратились лицом к востоку, и потом троих из них ставит на запад, троих на север, троих на юг. Жрец снимает с себя белую шапку и поворачивается на восток. Он, с бледным лицом, долго глядел на солнце.... [2, с. 142].

Женщины, пришедшие на праздник, видя первые лучи солнца, пели:

Ты восходишь отцом земли, Пусть твой восход будет мирным,

Пусть твой заход будет мирным, Золотое Солнце Бога! [9].

Известный исследователь ингушского фольклора А. Х. Танкиев пишет: «В ингушском календарном фольклоре отдельные жанры исполнялись преимущественно только жрецами. Жрецам же принадлежала руководящая роль...» [8, с. 68].

Важное место в жизни ингушей занимали весенне-полевые работы. Чувствуя свою зависимость от природной среды, крестьянин стремился всеми доступными мерами обезопасить себя и свой труд от неожиданных стихийных бедствий, полагаясь и на магические действия. В ингушском календаре начало весны, т.е. начало сельскохозяйственного года, приурочивалось ко дню весеннего равноденствия (22 марта) и глубоко почиталось народом. День весеннего равноденствия воспринимался ингушами, как и другими народами Северного Кавказа, начальной датой одного из важнейших периодов времени. Момент наступления весеннего равноденствия ингуши определяли по ряду признаков: по величине тени в полдень, по восходу солнца относительно какого-либо ориентира – вершина горы, холма, башни, расположенной высоко в горах, и др. Определив весеннее равноденствие и время выхода плуга, устраивали праздник. Подготавливались к празднику заранее. Праздник старались провести с радостным настроением. Праздничное настроение поднимали украшенные столы, различные угощения. Не обходился такой праздник без состязаний и скачек [9]. После этого собирались жители села и устраивали жертвоприношения, закалывая обычно овец, быков. Приносить в жертву козла опасались, так как считалось, что это вызовет ветер, который помешает работе. Старейшины устраивали общественные моления. К сожалению, тексты таких молитв нам не удалось записать, но записано пожелание, предназначенное этому празднику: *Блаьсти маьрша йоаглийла, Блаьсти беркате хулийла, Ялат маьрша дIадулда, Ялат маьрша чуэцалда*. «Пусть будет весна мирной, Пусть будет весна благодатной, Пусть мирно посеют зерно, Пусть мирно соберут зерно». Спустя три дня после весеннего равноденствия наступало время выхода плуга.

Ингуши, как и многие другие народы Кавказа, большое значение придавали выбору пахаря. Он должен был быть «беркате» /«изобильный, несущий изобилие»/, «хьаьнала кьахьега саг» /«честно трудящийся человек»/. По мнению народа, от него зависело будущее урожая. После того, как были

проведены соответствующие приготовления, пахарь запрягал волов в плуг, и вся процессия отправлялась в поле [9]. Следом за проведением первой борозды делали ритуальный сев. После проведения ритуальной запашки и сева устраивался маленький праздник в доме пахаря.

Обрядовая вспашка, весь ритуал которой насыщен действиями, имевшими магический смысл и символический характер, начиналась с молитвы-благопожелания, которую произносил старший в ритуале – руководитель обряда, обычно жрец: *Б'аьсти маьрша яйталахь, Шу беркате кьоабал делахь, Буртиг хилийталахь, Ялат дебийталахь*. «Пусть будет весна мирной, Пусть будет год счастливым, благословенным, Пусть зерно возрастает, Пусть будет обильным урожай».

Первый весенний дождь считался обладающим целебными свойствами. Все, от мала до велика, выскакивали под дождь и приговаривали: *Везан Даьла, воккхан Даьла дарбан хилийталахь хьалхара дог'а, беркат дахьаш доаг'аш хилийталахь*. «Великий Дяла, Могучий Дяла, пусть будет первый дождь целебным, Несущим изобилие». [9].

Мировоззрение крестьянина, надеющегося на хороший урожай, отражается в песнях земледельцев: *Аьртиг-буртиг, хьажк'ен буртиг, К'а буртиг, берца буртиг, Дог'а делхийталахь, Даьла, Хьувкхийталахь, Везан Даьла*. «Аьртиг-зерно, кукурузы зерно, Пшеницы зерно, проса зерно, дай дождя, Дяла, Уроди урожай, Великий Дяла!».

Почти у каждого ингушского селения были свои почитаемые святилища, куда они ходили молиться перед весенним равноденствием и выходом плуга. В молитвах они обращались не только к святому, которому посвящено данное святилище, но и к богине плодородия и весны – Тушоли [9]. Они просили: *Ираз долаш хилба макха, Беркате хилда ер шу, Ахка хилда д'айха, Й'иза хийла гуйре, Винзавар вергволаш, Ваьр ваха вусаргволаш*. «Пусть будет плуг счастливым, год – урожайным, лето – ясным, а осень – полной, чтобы не родившийся родился, а рожденный остался жить».

Приведенные эпитеты («плуг счастливый», «урожайный год», «лето ясное», «осень полная») дают более четкое представление о символическом мышлении древнего человека [9].

Существовало поверье, что песни и молитвы приносят плодородие полям. Выходя первый раз на поля, на правой лопатке волов маслом рисовали крест. В этом, в частности, проявлялись следы древнего почитания солнца ингушами. Перед ритуальной запашкой выборный пахарь молился, прося у Елты (бог земледелия и охоты) урожая для себя и всего общества, здоровья людям и домашним животным, пил чашку браги, затем брагу выливал в ведро с водой и поил запряженных волов со словами: *Мел долча адамий а вай хьувкхийла ялат, шерч а доахан могаиш хилда*. «Пусть у всего общества и у нас будет урожай, пусть волы и скот будут здоровыми». Благоприятным

в этот день считался ветер, дувший с востока, если же с запада, то волов не запрягали в плуг и не выводили в поле [9].

Бог Елта, по словам И. Дахкильгова, «древнейшее ингушское божество, по всей видимости, первоначально являлось божеством охоты, а словом «елат» называлось мясо, как основной продукт питания. С развитием земледелия таким продуктом стали злаки, и потому Елта приобрёл функции божества урожая» [4, с. 34-35]. В мифе говорится, что некогда жили сын с матерью. Жили они настолько бедно, что мальчику нечего было надеть, была только оборванная одежда. В это время боги были намного ближе к людям, и мальчик решил пойти и попросить у бога урожая. Но приближённые не пропустили его. Возвращаясь домой, он встретил Елта – сына бога. Он дал мальчику пшеницу. «Мальчик с матерью посеяли пшеницу. К великой радости, у них был такой хороший урожай, какого ни у кого из соседей не было: на одном стебле выросло по два колоса». Что только не сделал бог для уничтожения урожая мальчика: послал на поля Мать грома и грозы, затем Мать ветров, но все его усилия были тщетны. Помогал мальчику сам Елта, за что отец выколол ему глаз. С тех пор Елта остался одноглазым. Однако Елта был и богом охоты, управлял дикими зверями [1, с. 23]. Как видим, в мифе Елта играет немалую роль в жизни земледельца. Людям важно было любимыми путями получить благодатный, качественный урожай, и для этого они делали всё от них зависящее, используя молитвы, песни, принося жертвы богам. Вера людей в такие моменты, как выбор пахаря, проведение первой борозды, ритуальный сев давала им силы, надежду на хороший урожай.

Словесных текстов, сопровождающих проведение первой борозды, очень мало. Записанные тексты выражены в форме заклинаний – просьб, желаний. Люди в своих песнях выражали надежду на благодатный урожай: *Длатоссача хана гердех юсте а, Чуэзчача хана вордах юстийла, Герда тлехья ворда хийла, Ворда тлехья ворда хийла, Барт тайна дезал хилба!* «Ранней весной зерно мы мерили гирдами, Пусть возвратится оно осенью к нам возами, Сколько борозд на поле, Столько же возов пшеницы Пусть в наших полях уродится! Семья пусть дружная будет!» [1, с. 29]

Трудовые песни, связанные с началом земледельческого сезона, песни пахарей, сеятелей имели ярко выраженную магическую функцию и произносились с целью вызвать желаемый результат. Песни, исполнявшиеся при севе, носили развлекательный, шуточный характер, что тоже играло немалую роль в жизни земледельца-горца. Песни сеятелей по своей функции однотипны. В них выражены просьбы и желания народа [11, с. 103-110].

Для земледельца важно было получать солнечную теплоту и дождь в меру, т.к. изобилие того или иного не давало желаемых результатов, поэтому люди просят: Пусть будут в равной мере и солнышко и дождь.

Пусть из каждого «герда» будет арба. Как за бороздою идёт борозда,

Пусть так за арбою идёт арба, И пусть в согласии живёт вся семья.

Сеятель в процессе сева говорил: *Хьувкьийла, дебийла, Ялат беркате хилда, Клезига дладийначох, Шортта хьувкьийла*. «Пусть будет урожай Изобильным, плодородным, Из малого зерна Пусть уродится много».

Исполняли и другую песню: *Мирках дистал к1а хилийта, Йокьал, т1о-адал нийса хилийта, Яа сискал ма эшийта, Дезала юкье барт хилийта*. «Пусть много будет зерна, Чтоб мерками его мерить, Пусть поровну приходят ненастные и солнечные дни, пусть хлеба у нас всегда вдоволь будет, Пусть мир и согласие в доме царят» [10, с. 103-110].

Записанных трудовых песен, связанных с земледельческим сезоном, немало. Но даже в этой малой части читатель выявляет конкретность и меткость народного ума. Люди просили у Бога минимальное и необходимое для существования, без которого немислима была жизнь горцев.

По типу, структуре и основной функции песни и молитвы, исполнявшиеся во время пахоты, заклинательные. Центральный момент – пожелание богатого урожая, всё остальное (описания, эпитеты, сравнения, частые повторы) подводят к центральному моменту – желанию получить высокий урожай. В каждой песне даны благопожелания и просьба о богатом урожае. В песнях выражено стремление человека заклясть силы природы, умолишь их сделать добро – так вера древнего человека в магические силы природы легла в основу заклинательных песен [10, с. 103-110].

Ингуши проводили праздник в месяц Тушоли-бутт (апрель), когда «прилетала птица богини угод (тушол-котам)». В основном этого месяца ждали женщины. Отмечался праздник весенним воскресным днём. Женщины готовили специальную пищу для такого торжества. К месту назначения отправлялись девушки и молодые женщины. Жрец выносил из святилища изображение Тушоли и читал поздравления к празднику, а девушки пели заздравные песни. Жрец внимательно слушал песни и по окончании их, поблагодарив, наказывал им сделать три круга вокруг святилища и подняться на гору выше, на полверсты. После этого жрец произносил молитву: *Ялат хьувкьийталахь, доахан дебийталахь, ираз-аьттув дезала хилийталахь, лораделахь тхо унах, дика т1ехье хилийталахь*. «Уроди нам хлеб, размножай скот, Дай благополучия семьям, Спаси нас от чумы, Дай потомство хорошее».

Основные функции Тушоли, как богини плодородия и деторождения, отражаются в следующей молитве: *Давьла йо1 Тушоли, Хьайгар беркат да тхона, Хьа ди лаьрх1а, хьо йолча доаг1а тхо, Хьо йолча тхо ухаргдолаши-раз-аьттув ба тхона. Бер доацачунга бер дайта, Йодаьраш лораде, дахаргдолаш. Беркат дайта тхона, Ялат дебийта, Хьаьна дог1а дайта, Дарбан малх хьажийта*: «Божья дочь Тушоли, Дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, Являемся к тебе; Дай нам благополучие, чтобы Мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы неродившие родили детей,

а родившихся оставь в живых. Пошли нам благодать свою, Урожай обильный, Пошли дождь масляный, Солнце целебное».

М.М. Зязиков считает, что Тушоли является богиней плодородия. Он пишет: «Богиня плодородия Тушоли – единственное божество, которое изображалось в скульптурной форме, причём в сохранившихся скульптурах явно отображается характер культа. Его можно охарактеризовать как достаточно типичный для большинства народов мира культ плодородия» [35, с. 57]. Б. Далгат и Е. Шиллинг называют Тушоли богиней весеннего оплодотворения; Л.П. Семёнов – божеством плодородия, почитавшимся в местной среде с глубокой древности; А.А. Захаров – божеством всякого приплода вообще. В ней легко угадываются изначальные черты покровительницы деторождения. Со временем Тушоли приобрела функции универсальной богини плодородия – дочери Дяла. Люди верили в то, что «...если Тушоли улыбнулась, будет благоприятное лето» – люди ликовали; или напротив: «Тушоли хмурится», тогда охваченные паникой горцы спешили на поля, вытапывали часть посевов, чтобы умилостивить грозную богиню» [7, с. 43].

Для жертвоприношения Тушоли не жалели ничего, резали только тучное, откормленное животное: *Хъайба дикаг1дар кхоаб оаха Мукъа, тхоашта санна, Дерстача, тоаделча урс хьокхаргда, Тушоли, хьона лаърх1а. Хъа ди лаърх1а даъхкад тхо, Хьалха санна хьо йолча, 1а тхона ираз дала деза, балахи г1айг1ахи баккхалахь тха хьамсара мохк. Дог1аи хилийталахь боарама, Малх а воага ца веш, хоза хъажийталахь.* «Скотину лучшую кормим и нежим На воле, как для себя, А тучною станет – её зарежем, Тушоли, мы для тебя. В день твой пришли мы, Как в прошлые годы, К тебе, и ты счастье нам дай, Избавь от горя, беды, недорода Родимый наш край. Дождей, чтобы было ни много, ни мало Чтоб солнце светило, А не сжигало... [11, с. 103-110].

Приведенные примеры показывают, что в обрядовой поэзии ингушей отражены различные аспекты духовной культуры народа. В них представлен архаический пласт традиционной культуры ингушей, языческие представления, мифология, этнография, обычаи, традиции. Исследование древнего пласта ингушской культуры, представленного архаическими молитвами-песнями языческого периода, позволило сделать следующие выводы:

Сохранение архаических элементов: молитвы-песни демонстрируют глубокую древность традиции, восходящей к общекавказскому и, возможно, индоевропейскому культурному слою. В них сохранились следы культа сил природы, аграрной магии и тотемических представлений.

Религиозно-мифологическая система: выявлен сложный пантеон божеств и духов (Дяла, Тушоли и др.), отражающий политеистические верования ингушей. Ритуальные тексты подтверждают связь между космологией, календарными обрядами и социальной организацией древнего общества.

Фольклорно-поэтическая традиция: молитвы-песни обладают устойчи-

вой структурой, включающей заклинательные формулы, эпические обращения и магические повторы, содержит архаичную лексику и фонетические особенности, отражающие историческое развитие ингушского языка.

Перспективы дальнейшего изучения: необходимы новые экспедиционные исследования для выявления утраченных или неопубликованных текстов. Целесообразно применение цифровых методов (корпусный анализ, 3D-моделирование ритуальных объектов) для всестороннего изучения традиции.

Таким образом, древний пласт ингушской культуры, отраженный в языческих молитвах-песнях, является важной частью духовного наследия, требующей дальнейшего комплексного исследования и сохранения.

Библиографический список:

1. Антология ингушского фольклора. Т. 1: Мифы. Обрядовый фольклор. Пер., сост. и коммент. Дахкильгов И.А. Нальчик. 2003. 343 с.
2. Базоркин А. Горское паломничество // Ингуши. Сост. Танкиев А.Х. – Саратов. 1996. С. 142.
3. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // ИИНИИК. – Владикавказ. 1930. Вып.2-3. С. 306-307. Цит.: 1; 176.
4. Дахкильгов И.А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991. 334 с.
5. Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 312 с.
6. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – Магас, 2008. С. 226.
7. Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. – Грозный, 1990. 93, [2] с.
8. Танкиев А.Х. Об ингушской календарной обрядовой поэзии // Календарно-обрядовая поэзия Северного Кавказа. – Махачкала. 1989. С. 63-71.
9. Тумгоева З.М. Праздник весеннего равноденствия и выхода плуга у ингушей // Ученые записки ИнгНИИГН им. Ч. Ахриева. 2008. Вып. I. С. 95-102.
10. Тумгоева З.М. Праздник Тушоли // Ученые записки ИнгНИИГН им. Ч.Ахриева. 2008. Вып. I. С. 103-110.
11. Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.-Л. 1931. Цит.: 1; 180.
12. Оцомиева З.М., Темирбулатова С.М. Лингвокультурная специфика имени собственного в фольклорных текстах (на материале анализа языков Дагестана) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 562-564.
13. Шиллинг Е.М. Культ Тушоли у ингушей. – Орджоникидзе-Грозный. 1934. Цит.: 1; 179.

Reference

1. Anthology of Ingush folklore. Vol. 1: Myths. Ritual folklore. Translated, compiled and commented by Dakhkilgov I.A. Nalchik. 2003. 343 p.
2. Bazorkin A. Mountain pilgrimage // Ingush. Compiled by Tankiev A.Kh. – Saratov. 1996. P. 142.
3. Dalgat B.K. Materials on customary law of the Ingush // IINIIC. – Vladikavkaz. 1930. Issue 2-3. P. 306-307. Cit.: 1; 176.
4. Dakhkilgov I.A. Myths and legends of the Vainakhs. Grozny, 1991. 334 p.
5. Zyzikov M.M. Traditional Culture of the Ingush: History and Modernity Rostov-on-Don: Publishing House of the SKNC VSh, 2004. 312 p.
6. Krupnov E.I. Medieval Ingushetia. – Magas, 2008. P. 226.
7. Madaeva Z.A. Folk Calendar Holidays of the Vainakhs. – Grozny, 1990. 93, [2] p.
8. Tankiev A.Kh. About the Ingush Calendar Ritual Poetry // Calendar and Ritual Poetry of the North Caucasus. – Makhachkala. 1989. P. 63-71.
9. Tumgoeva Z.M. The Festival of the Spring Equinox and the Plowing of the Ingush // Scientific Notes of the IngNIIGN named after Ch. Akhriev. 2008. Issue I. P. 95-102.
10. Tumgoeva Z.M. Tusholi Festival // Scientific Notes of the IngNIIGN named after Ch. Akhriev. 2008. Issue I. P. 103-110.
11. Schilling E.M. Ingush and Chechens // Religious Beliefs of the Peoples of the USSR. Moscow-Leningrad. 1931. Cit.: 1; 180.
12. Otsomieva Z.M., Temirbulatova S.M. Linguocultural Specificity of a Proper Name in Folklore Texts (Based on the Analysis of the Languages of Dagestan) // The World of Science, Culture, Education. 2019. № 2 (75). P. 562-564.
13. Schilling E.M. The Cult of Tusholi among the Ingush. – Ordzhonikidze the Terrible. 1934. Cit.: 1; 179.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Казанина Л.Ю.

Доктор исторических наук, доцент, директор Тульского института (филиала), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Тула.

Шурухнов Н.Г.

Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России. Профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Тула.

Нацистские преступления – без сроков давности¹: зверства фашистов на оккупированной территории

1 В ст. I «Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» (принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г.) говорится: «Никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения:

а) военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и подтверждаются резолюциями 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, а также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 года;

б) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и подтверждаются в резолюциях 3 (I) от 13 февраля 1946 года и 95 (I) от 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида, определяемое в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены».

* © Казанина Л.Ю., Шурухнов Н.Г., 2025.

Тульской области (анализ стенограмм Нюрнбергского процесса и архивных материалов)*

Аннотация. В статье, на основе анализа исследований ученых, материалов Государственного архива Тульской области, стенограмм Нюрнбергского военного трибунала, архивных документов, приводятся конкретные факты убийств, казней, сожжений мирного населения и военнопленных, грабежей граждан, колхозного имущества, угонов и уничтожений скота, птицы, учиненных немецкими фашистами на оккупированной территории Тульской области. Отмечается, что все совершенные нацистами преступления были осуществлены вопреки международным Конвенциям, установившим законы и обычаи сухопутной войны. Авторы, на отдельных фактах, проводят сравнения между немецким и украинским нацизмом, говорят о его истоках, вреде, причиненном России.

Ключевые слова: оккупация Тульской области, немецкие фашисты, мирное население, расстрелы и грабежи населения, сожжение военнопленных и граждан.

Kazanina L. Y.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula.

Shurukhnov N. G.

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula.

Nazi crimes - without statute of limitations: fascist atrocities in the occupied territory of the Tula region (analysis of transcripts of the Nuremberg Trials and archival materials)

Abstract. In the article, based on the analysis of research by scientists, materials of the State Archives of the Tula Region, transcripts of the Nuremberg Military Tribunal, archival documents, specific facts of murders, executions, burnings of civilians and prisoners of war, robberies of citizens, collective farm property, thefts and destruction of livestock, poultry, committed by German fascists in the occupied territory of the Tula region are

given. It is noted that all the crimes committed by the Nazis were committed in defiance of international Conventions that established the laws and customs of land warfare. The authors, using individual facts, draw comparisons between German and Ukrainian Nazism, talk about its origins, the harm caused to Russia.

Key words: occupation of the Tula region, German fascists, civilians, shootings and robberies of the population, burning of prisoners of war and citizens.

Вступление

В мае 2025 г. Россия отметила памятную дату - 80-летие со дня победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим событием своевременно вспомнить отдельные исторические факты, которые вопреки здравому смыслу были пущены в ход немецкими фашистами на российской земле с целью уничтожения всего русского, что создавалось веками.

Говорим об этом и велико сожалеем, так как российский народ вновь столкнулся с фашизмом, но теперь украинским, поддерживаемым руководителями других государств с нацистскими убеждениями. Воспряв, бандеровцы стали уничтожать собственный народ, своих братьев, религию, используя фашистские подходы, националистические методы, проявляя зверства там, где это касалось русского. Не поддается человеческому осознанию звериное отношение к мирным гражданам, медикам, журналистам, старикам, детям, женщинам, военнопленным. При оккупации Курской области укронацисты более шести месяцев держали жителей Николаево-Дарьино в заложниках. В селе находились мирные граждане, которые не успели эвакуироваться в августе 2024 г., однако, несмотря на это, после унижений и издевательств бандеровцы убили почти всех мужчин. Сравнивая это с фактами оккупации фашистами Тульской области в 1941 г., делаем вывод: подобное уже было.

По всей вероятности в годы Великой Отечественной войны и в большей степени после ее окончания советскому народу не удалось искоренить нацизм, спустя время он поднял голову и теперь уже российский солдат – нового поколения ведет с ним непримиримую борьбу. В этой связи хочется сказать нацистам две известные истины: 1) победа всегда на стороне справедливости; 2) преступления нацизма не имеют сроков давности: виновные в очередной раз будут справедливо и строго наказаны. Жаль, что цена этих истин очень дорога.

Специально говорим о зверствах фашистов и укронацистов, их преступная деятельность имеет разрыв более чем в 80 лет, но, к сожалению, время не исправило, не трансформировало внутреннее содержание «людей». Вернее сказать, не сделало их людьми. Как и у прежних фашистов, у них аналогичные зверства и установки. И даже более изощренные, включа-

ющие уничтожение мирного населения² путем сожжения, издевательства над военнопленными, немыслимые членовредительства беспомощных людей. Они действуют вопреки здравому рассудку, игнорируя правовые установки международных актов и договоренностей, которые, как и прежде, были растоптаны. Конвенция о ведении сухопутной войны³, гласит: «Военнопленные находятся во власти неприятельского Правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво» [1, ст. IV, гл. II]. Обращаясь к прошлым и настоящим фашистам, можно сказать: «ведь к вам-то относились и относятся именно так, об этом свидетельствовали немецкие и свидетельствуют украинские пленные.

Как показала история и показывает современность, приведенное прописано не для фашистов, у них свои нравы, значительно худшие, чем звериные. Им чужды человеколюбие, гуманность, сострадание, они запросто топчут правовые установки, постоянно развивающиеся требования цивилизации, ответственность за все преступные действия.

Напомним, что основным вопросом конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (1943 г.)⁴, стран – членов антигитлеровской коалиции, было согласование дальнейшего ведения войны. На начало конференции шел 850-й день Великой Отечественной войны. К этому времени завершились Новороссийско-Таманская операция, битва за Кавказ, Запорожская наступательная операция; 19 октября 1943 г. юго-восточнее г. Кременчуга советские войска продвинулись на 15-20 километров, с боем овладели городом и крупным железнодорожным узлом Пятихатка; освободили более сотни населенных пунктов Украинской ССР, перерезали важнейшую коммуникацию немцев – железную дорогу Днепропетровск-Знаменка. Обозначаем это специально, чтобы сделать отметку в памяти: где российские войска будут находиться к началу переговоров по мирному урегулированию украинского конфликта в 2025 г.

Значение Московской конференции 1943 г. состоит и в том, что на ней решались и другие важные международные вопросы, принимались актуальные решения. Она создала Европейскую консультативную комиссия из представителей СССР, США и Англии⁵, основной задачей которой был

2 Посол по особым поручениям МИД России Родион Мирошник сообщил, что «...за 2024 год из-за ударов ВСУ 4 398 мирных жителей России получили ранения, 785 погибли. ... среди погибших – 50 детей. ...за неделю, с 3 по 9 февраля (2025 г. – курсив наш – Л.Ю., Н.Г.), погибли 6 человек, еще 68 получили ранения».

3 Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной на конференции мира в Гааге 5 (18) октября 1907 г.

4 Конференция проходила в Москве с 19 по 30 октября 1943 г.

5 Местом дислокации Европейской консультативной комиссии был определен Лондон.

контроль над завершением войны и обеспечением выполнения условий капитуляции. Ее детищем была и «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». В тексте документа было сказано: «... Великобритания, Соединённые Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются. Жестокости гитлеровского господства не являются новым фактом, и все народы или территории, находящиеся в их власти, страдали от худшей формы управления при помощи террора. Новое заключается в том, что многие из этих территорий сейчас освобождаются продвигающимися вперёд армиями держав-освободительниц, и что в своём отчаянии отступающие гитлеровцы-гунны удваивают свои безжалостные жестокости. Об этом теперь с особой наглядностью свидетельствуют факты чудовищных преступлений на освобождаемой от гитлеровцев территории Советского Союза, а также на территории Франции и Италии» [2]. Как это похоже на поведение отступающих украинских войск и иностранных наемников, вторгшихся в Курскую область Российской Федерации.

Коллективной мыслью членов конференции было принято обоснованное, справедливое решение о конвоировании германских офицеров, солдат и членов нацистской партии, ответственных за зверства, убийства в страны их оккупации с тем, чтобы нацистов осудили по национальному законодательству этих государств. «Пусть те, кто ещё не обагрил своих рук невинной кровью, – говорилось в Декларации, – учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие» [2].

Европейская консультативная комиссия разработала «Устав международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси»⁶ [3] – в нем содержались правила проведения Нюрнбергского процесса.

В Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала (УНМВТ) содержались определения преступлений против мира, военных и преступлений, посягающих на человечность⁷. Им была установлена ко-

6 Устав был принят 8 августа 1945 г.

7 а) действия фашистов, составляющие «...планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий» - как преступления против мира;

б) «...убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности;

мандная ответственность (ст. 6 УНМВТ), базировавшаяся на принципе армейского единоначалия. Такой подход установил ответственность нацистов за «все действия, совершённые их подчиненными», даже за те, о которых они не знали.

Исследовательская часть

Бесспорно, история – великий учитель, преподающий факты, из которых следует делать обоснованные выводы (чтобы не повторять губительных ошибок предшественников), но только в том случае, когда они не искажаются, не извращаются, не игнорируются. Однако спустя более 82 лет и Великобритания, и США сделали выводы с точностью до наоборот, оказавшись сторонниками нацистского режима на Украине. Где более 11 лет целенаправленно уничтожалось все русское, в том числе и население, особенно в восточных регионах. И делалось и продолжает делаться оружием США, Великобритании и Франции (которая была потерпевшей в войне 1941-1945 гг.), руками украинских нацистов с участием граждан трех названных (и других, поддерживающих нацизм) государств. Террор, зверства, массовые хладнокровные казни, осуществленные украинскими нацистами в Курской области России в 2024 и 2025 г., схожи со зверствами немецких фашистов в различных регионах СССР во время Великой Отечественной войны.

Не избежала оккупации немецко-фашистскими войсками и Тульская область. Это началось осенью 1941 г. 30 сентября после прорыва Брянского фронта, 3 октября немецкие войска взяли г. Орел и продолжили наступление на Тулу. Благодаря 1-му Особому гвардейскому стрелковому корпусу, танковой бригаде, сводному батальону курсантов Тульского оружейно-технического училища, 156-му стрелковому полку НКВД и девяти истребительным батальонам, враг был остановлен у г. Мценска до 14 октября.

С западного направления немецко-фашистские войска 10 октября 1941 г., оккупировали Божениново, Горелово Казначеевского сельского совета, Клешню, Ладерево, Маньшино, Никулино Клешнинского сельского совета Алексинского района Тульской области.

23 октября немцами был взят г. Белёв, 24 октября Чернь и Плавск - южного направления. 28 октября немецко-фашистские войска вошли в г. Щёкино, 29 октября – в Ясную Поляну и Косую Гору. Во второй половине ноября

бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления» - как военные преступления;

с) «...убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет», были отнесены к противоправным деяниям против человечности (ст. 6 УНМВТ).

1941 г. главные силы 2-й танковой армий Гудериана продолжили наступление на Венёв, Каширу, Москву. 24 ноября ими был захвачен г. Венёв, 238-я стрелковая дивизия, опасаясь окружения, 29 ноября оставила Алексин.

«30 октября, оборонявшие Тулу войска Красной Армии, отбили четыре атаки и отстояли город. 2-3 декабря в результате гитлеровцы захватили станцию Ревякино, заняли населенные пункты Кострово, Хомяково, Севрюково перерезали Московское шоссе, и Тула фактически оказалась в окружении на несколько дней, а территория области – в оккупации до 1 декабря 1941 г.» [4, с. 32].

Ориентируясь на исследование, специально проведенное (по архивным материалам) доктором исторических наук Е.В. Симоновой и кандидатом исторических наук И.А. Антоновой, суммируя их данные, приведем общие цифры. С 10 по 31 октября 1941 г. фашистами было оккупировано 1 075 населенных пунктов; с 1 по 10 ноября – 513; с 11 по 20 ноября – 848; с 21 по 30 ноября – 729; с 1 по 10 декабря – 121. Таким образом, фашистской оккупацией было охвачено 3 386 населенных пунктов.

Документы свидетельствуют о том, что «... с 21 по 30 ноября 1941 г. расширилась оккупация Алексинского, Белёвского, Болоховского, Венёвского, Дедиловского, Донского, Дубенского, Ефремовского, Кимовского, Ленинского, Липецкого, Одоевского, Плавского, Сафоновского, Тульского, Узловского, Чернского, Щёкинского районов. С 1 по 10 декабря аналогичная ситуация сложилась в Венёвском, Лаптевском, Ленинском, Сафоновском, Тульском, Щёкинском районах Тульской области» [4, с. 33-34].

«За период оккупации 36 районов Тульской области немецко-фашистские захватчики расстреляли 1 362 человека из числа мирного населения; 62 – повесили; 227 – убили; 119 – ранили; 79 – сожгли; 15 – казнили; 843 человека пленили. Кроме того, на территории некоторых районов Тульской области было зверски расстреляно 687 пленных красноармейцев; 55 – казнено; 140 – сожжено; 274 – убито» [4, с. 72-73; 5]. А ведь международные правовые акты, регламентировавшие обычаи войны ведения сухопутной войны призывали обращаться с военнопленными человеколюбиво - это святое, мы об этом уже говорили.

В целях систематизации информации о злодеяниях фашистов 2 ноября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал специальный Указ «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Комиссия была компетентна «...поручать надлежащим органам, производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к насилиям, звер-

ствам, грабежам, разрушениям и другим преступным действиям гитлеровских оккупантов и их сообщников» [6].

Фиксация фашистских злодеяний на оккупированных территориях военными следователями, должностными лицами государственной безопасности и местных органов государственной власти начала проводиться значительно раньше. В Государственном архиве Тульской области хранится акт «О состоянии музея после освобождения от оккупации» [7], подписанный работниками музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», в котором содержится более подробная фактическая информация о злодеяниях немецких фашистов.

В одной из сводок (датированной 21 декабря 1941 г.) содержится информация «... о повешении 42 жителей поселка Дубна, о сожжении заживо 20 колхозников деревни Прудное, смертельном отравлении 25 колхозников деревни Гертовая, расстреле 50 колхозников деревни Колодезная» [4, с. 37].

В акте комиссии Новопавшинского сельского совета Дубенского района (16 декабря 1941 г.) приводятся следующие факты:

«1 декабря 1941 г. ночью из дома вывели комсомольца Новикова С.И., его родственника Земцова К.М., жестоко избили и расстреляли;

4 декабря немецкие солдаты собрали 15 мужчин и заставили с утра до ночи на себе возить пушки, снаряды⁸ за несколько километров в д. Панковичи. После выполнения задания в течение нескольких часов били рукоятками наганов, прикладами винтовок, поленьями дров до такой степени, пока отдельные не потеряли сознание. С особым усердием били Котова И.Н., Козлова Н.Н., Галкина В.М.;

12 декабря 1941 г. ночью фашисты забрали председателя колхоза Миронина М.Ф., сельского учителя Пузочкина Н.П., его тестя – старика 60 лет Заикина А.П., Фюмоткина М.М., всех без причины длительное время зверски били, а после избиения расстреляли;

15 декабря пытали девочку Гольцову Тамару (15 лет), задавая вопросы о военных в г. Туле, ее обороне;

16 декабря в 4 часа утра убили колхозного пастуха Якунина И.Д., труп бросили в ручей под мост. И в этот же день немцы чинили повсеместные грабежи, мародёрства» [8].

Представители Бредихинского сельского совета Дубенского района в акте от 22 декабря 1941 г. информировали о следующих событиях:

8 «Государство может привлекать военнопленных к работам... Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям» (ст. VI «Положения о законах и обычаях сухопутной войны» («Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны», подписана на конференции мира в Гааге 5 (18) октября 1907 г.)).

«1) 12 декабря 1941 г. немецко-фашистская банда заехала на колхозное гумно д. Красавки, забрала весь овес, увезла с собой Ермакову А.С., Ермакову М.И., Выборнова И.Н. и многих других, которые переносили сено. С гумна заехали в деревню и силой оружия стали выгонять из домов жителей, кто не подчинился, стреляли в окна. В окно дома колхозника Гришаева В.И. произвели 8 выстрелов, убили его и двух детей. Всех насильно выдворенных из домов погнали впереди себя в бой на наши войска, в качестве живого щита;

2) 12 декабря 1941 г. немецкие войска при отступлении заехали в д. Яньково, убили Русакову М.И., ее сына Русакова И.П., Леонова И.А., Гришина Е.Т. и двух бойцов, шедших из оккупации, подожгли колхозное гумно;

12 декабря немецко-фашистский самолет снизился над д. Красавкой и произвел бомбардировку, в результате которой было уничтожено 4 дома, убито 5 и тяжело ранено 10 человек. Среди убитых: Выборнова М.П., ее дочь 12 лет Валентина, колхозница Гришаева Н.М., Гришаев М.Г. и один боец, шедший из оккупации» [9].

В акте, составленном военным следователем Дубенского района Митрошкиным, говорилось о том, что:

«...19 ноября 1941 г. в 14 часов дня немецкими солдатами у своего дома был взят председатель колхоза им. Сталина с. Протасова Морозов Г.И. и доставлен в штаб на допрос в с. Березово. Допрос сопровождался издевательствами, истязаниями и избиениями, в результате чего у него была пробита голова, лицо было в синяках, тело в отеках. После допроса Морозова отвели в холодное помещение и оставили под охраной немецких солдат. 20 ноября 1941 г. Морозов стоял на полу в холодном помещении в нижней рубашке, в брюках, без шапки, лицом к стене, противоположной окнам. В таком положении он простоял одни сутки. В этот день в 18 час. 30 мин. в помещение, где находился Морозов, пришел комендант немецко-фашистских войск, приказал ему одеться и обуться. Под конвоем немецких солдат его вывели на колхозный луг, находящийся в 100 м от с. Березово, подвели к заранее вырытой яме и расстреляли, кое-как забросав землей. Яма была вырыта на болотистом месте, и труп покойного Морозова затянуло грязью. Семье и родным Морозова фашистские варвары не разрешали похоронить его на кладбище...» [10].

В Одоевском районе⁹ фашисты расстреляли гражданина Щербакова Т.М. только за то, что он хотел предотвратить пожар в собственном доме. [11]. Избивали малолетних детей, кричащих в жилище убитой Митиной (86-ти лет), в доме Кузина М.И., Ждановой А.А., наносили побои 3-летним

⁹ В статье приводятся немногочисленные факты из двух оккупированных районов Тульской области, так как их территории известны одному из авторов публикации.

детям, попавшим под их ноги [12]. 70-летнего Свиридова Ф.П. расстреляли за отказ снять со своих ног валенки и отдать немецкому офицеру [13]. Гражданина Кочергина Ф.И. отказавшегося добровольно передать фашистам «с собственного плеча» шубу, жестоко избили и силой забрали одежду. Позднее пошили из нее рукавицы, рукава один из солдат надел на ноги.

Немецкое командование требовало от местного населения неукоснительно соблюдать комендантский час: не выходить из жилища после наступления сумерек; сдать оружие и радиоприемники; сообщать о скрывающихся бойцах и командирах Красной Армии, партизанах; работать «во избежание наступления разрухи». За невыполнение требований оккупанты брали местных жителей в заложники, расстреливали за укрывательство партизан «или похожих на них элементов».

При освобождении г. Ефремова был обнаружен немецкий приказ, в котором давались такие установки: «...населенные пункты на прежней позиции и перед новой позицией полностью разрушать. Всякое проявление мягкотелости в этом отношении стоит нам крови. Поэтому в своих действиях быть беспощадными. С гражданским населением обращаться по тем же принципам, как и до сих пор. Всех мужчин, способных носить оружие, задерживать и отправлять на сборные пункты военнопленных. Женщин и детей с опорных пунктов передовой линии оттеснять на запад, а с опорных пунктов второй линии по усмотрению частей сгонять в одно место. Противник пытается заслат в наш тыл разведчиков, переодетых в гражданское платье, пеших или на санях. По всем мужчинам и женщинам, появляющимся на участке дивизии пешком, на санях или на лыжах, открывать огонь без предупреждения. Скот и продукты питания забирать с собой. Где нет возможности для транспортировки живого скота или большое расстояние не позволяет увезти его с собой, скот убивать, а мясо везти с собой»¹⁰. В приказе командующего 6-й армией вермахта говорилось: «Население должно бояться наших мероприятий больше, чем мероприятий партизан»¹¹ [14, с. 51-52].

Истоки жестокости, бесчеловечности, мародёрства, разбоя, уничтожения мирного населения исходили из государственной идеологии о «превосходстве немецкой расы». Разработав в 1940 г. «План Барбаросса» (нападения на СССР), нацисты составили директивы, которые ориентировали на разрушение русских городов, населенных пунктов, промышленных предприятий, электростанций. При этом поощрялись любые зверства, массовое уничтожение мирного населения, разграбление и колонизация захвачен-

10 Приказ от 12 декабря 1941 г. № 324/12 по 101-му немецкому автомобильному полку 18-й танковой дивизии. ГАТО.

11 Приказ командующего 6-й армией вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау о борьбе с партизанами.

ных территорий. Особое внимание уделялось борьбе с партизанами и их пособниками, уничтожению (любыми средствами) живой силы и техники Красной Армии.

На Нюрнбергском процессе заместитель главного обвинителя от СССР полковник Ю.В. Покровский привел следующий факт: «...в деревне Поповка Тульской области немцы, загнав в сарай 140 пленных красноармейцев, подожгли их. В огне погибло 95 человек» [15, с. 96-97]. В числе разрушенных фашистами городов СССР назывался г. Епифань (имевший большое историческое значение) Тульской области и сотни деревень [16, с. 506].

Нацисты, находясь на оккупированной территории Тульской области, грабили граждан, разоряли личные подворья, коллективные хозяйства ради собственной наживы и обеспечения себя продуктами питания. Это в условиях войны обрекало граждан на голодное существование, обнищание и гибель. В своем докладе помощник Главного обвинителя от СССР Л.Р. Шейнин указал: «Повсеместный характер запланированного гитлеровским правительством разбоя, на котором германское командование стремится построить снабжение своей армии и тыла, характеризуется следующими фактами. Только по 25 районам Тульской области оккупанты отобрали у советских граждан 14 048 коров, 11 860 свиней, 28 459 овец, 213 678 кур, гусей и уток и уничтожили 25 465 пчело-семей» [17, с. 258].

Изощренность фашистских захватчиков состояла и в том, что они насильно захватывали мирных жителей, объявляли их военнопленными, по режиму содержания приравнивали к таковым, отправляли как рабов на принудительные работы. Уже в начале войны Советское правительство имело множество доказательств подобной преступной деятельности фашистской военщины. В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 января 1942 г. (СССР-51/2) отмечалось, что «...мирных жителей, насильно отправленных на принудительные работы, германские власти объявляют «военнопленными» и приравнивают по режиму содержания к таковым. Установлено, что в донесениях штабов германских армий, попавшие в руки немцев крестьяне и другие мирные жители угоняются на принудительные работы, автоматически зачисляются в категорию «взятых военнопленных», чем искусственно и незаконно увеличивают число «военнопленных...» [18, с. 534].

Помощник Главного обвинителя от СССР Н.Д. Зори привел следующий факт: «Близ города Плавска Тульской области был организован лагерь, где совместно содержались военнопленные и гражданское население из окрестных деревень. Там советские мирные жители подвергались нечеловеческим истязаниям и мукам. Среди заключенных имелись и подростки, и старики, и женщины. Питание составляли две картофелины в сутки. Смертность в лагере достигала 25-30 человек в сутки» [19, с. 534].

Л.Н. Смирнов, помощник Главного военного обвинителя от СССР, во время судебного заседания над нацистскими преступниками констатировал следующее:

1. «8 декабря 1941 г. (курсив наш – Л.Ю. и Н.Г.) гитлеровцы прикрывали свое отступление из деревни Ямное Тульской области гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и принудили идти впереди своих войск во время боев с наступающими частями Красной Армии» [20, с. 98]. В данном случае речь шла об использовании мирного населения в качестве живого щита для наступления и отступления собственных вооруженных сил.

2. «В селе Воскресенское Дубенского района *Тульской области* (курсив наш – Л.Ю. и Н.Г.) гитлеровцы использовали в качестве мишени трехлетнего мальчика и по нему производили пристрелку пулемета» [20, с. 94].

Освобождение территории Тульской области началось 1 декабря 1941 г. 112-я танковая дивизия прорвала немецкие позиции, освободила населенные пункты Кострово, Хомяково и Севрюково и сняла угрозу блокирования Московского шоссе (об угрозе окружения Тулы мы говорили выше). В результате начавшегося 5 декабря контрнаступления Красной Армии под Москвой двинулись и войска левого фланга Западного и правого фланга Юго-Западного фронтов.

«7 декабря войска вермахта предприняли очередную попытку взять Тулу, но уже 8-го они были отброшены. Начался период освобождения тульских городов и сел. За десять дней уходящего 1941 г. было освобождено 10 населенных пунктов Ивановского района. С 11 по 20 – 1610, а с 21 по 31 декабря 1941 г. – 910 населенных пунктов» [4, с. 33-34]. К 5 января 1942 г. советские войска отбросили врага на 200-250 км от Тулы.

Оккупация территории Тульской области немецкими нацистами продолжалась почти два месяца, для чего были задействованы главные ударные силы вермахта. Сказались изнурительные бои, ожесточенное сопротивление подразделений Красной Армии, народного ополчения, непривычность к русским морозам, отсутствие надлежащего обмундирования, отставание тылового обеспечения, в том числе и техники. И конечно самое главное – сплоченность, мужество, стойкость, самопожертвование советского народа, жителей Тульской области, вставших на защиту родного города.

Заключительная часть

1. Приведенные факты – это малая толика, совершенная немецкими нацистами, но и они ввергают в шок. Можно представить, какой бы процветающей и могущественной державой был Советский Союз, если бы фашизм не поднял голову, а его идеологи-подонки не возомнили превосходство немецкой расы, «самой чистой и могущественной на земле»,

которой должны были бы служить все народы. Следует напрячь воображение, чтобы увидеть, какими бы были города, села, как высоко поднялся научно-технический прогресс, если бы сотни тысяч представителей генофонда СССР не остались лежать в сырой земле, не увидев прекрасного, что предписано человеку.

2. Устав Международного военного трибунала был разработан Европейской консультативной комиссией на основе Московской декларации 1943 г. и служил основным правовым документом Нюрнбергского и последующих судебных процессов по делам нацистов¹² [21, с. 77-78]. Позднее в национальных судах состоялись судебные процессы по делам о преступлениях нацистов, совершивших различные конкретные противоправные деяния. «В СССР было осуждено – 17 175, ЧССР – 16 000; Австрии – 13 625; ГДР – 12 874; ФРГ и Западном Берлине – 6 465 (на 31.12.1982); Польше – 5 385; Франции – 4 891; США – 1 517; Нидерландах – 204; Дании – 80; Норвегии – 80» [21, с. 78-79].

«Международный военный трибунал признал преступными: руководящий состав нацистской партии (НСДАП), тайную полицию (гестапо), охранные отряды (СС), службу безопасности (СД)» [21, с. 78].

3. Бандеровской украинской клике – Зеленскому, Порошенко, Сырскому, Турчинову, Яценюку, Авакову, Залужному, Резникову, Кулебе, Ермаку, Умерову и многим другим следовало думать, прежде чем принимать решения об уничтожении своего народа, российских военнослужащих, мирных жителей, превращении городов в военные укрепления, а проживающих граждан в живой щит. Справедливое возмездие уже наступает, все впереди и для лидеров нацистского украинского режима.

Как и прежде, одна из задач следователей Следственного комитета Российской Федерации, должностных лиц Федеральной службы безопасности, МВД, Национальной гвардии, МЧС, а также органов местного самоуправления, состоит в том, чтобы обстоятельно фиксировать, сохранять информацию о зверствах украинских националистов [22, с. 144-152]. Это потребует, чтобы предъявить вновь созданному международному трибуналу по Украине, мы уверены, что это будет.

Библиографический список:

1. Конвенция, Декларация и Заключительный Акт, подписанные на конференции мира в Гааге 5 (18) октября 1907 г.
2. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства // КонсультантПлюс: официаль-

12 Нюрнбергский трибунал «... приговорил 12 главных военных преступников (Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Кальтенбруннера, Штрейхера, Йодля, Заукеля, Зейсс-Инкварт, Бормана (заочно) к смертной казни через повешение; Гесса, Функа, Редера – к пожизненному заключению; Широха, Шпеера, Нейрата, Деница – к тюремному заключению на срок от 10 до 20 лет.

- ный сайт. // URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 13.02.2025).
3. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // КонсультантПлюс: официальный сайт. // URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 14.02.2025).
4. Симонова Е.В., Антонова И.А. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны // Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тульская область. Сборник документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Д.Н. Антонов; сост. И.А. Антонова, Ю.Ф. Смирнов, В.М. Лысак. – М.: 2020. С. 29-51.
5. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-2515. Оп. 1. Д. 951. Л. 10.
6. Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.11.1942 № 160/17 // КонсультантПлюс: официальный сайт. // URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 19.02.2025).
7. ГАТО. Ф. П – 177. Оп. 8. Д. 53. Л. 97-100.
8. ГАТО. Ф. Р-2515. Оп. 1. Д. 5. Л. 172-172 об.
9. ГАТО. Ф. Р-2515. Оп. 1. Д. 5. Л. 117-117 об.
10. ГАТО. Ф. Р-2515. Оп. 2. Д. 20. Л. 126-126 об.
11. ГАТО. Ф. 2515. Оп. 2. Д. 6. Л. 43
12. ГАТО. Ф. 2515. Оп. 2. Д. 6. Л. 47.
13. ГАТО. Ф. 2515 Оп. 2. Д. 6. Л. 30-32.
14. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны // Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тульская область. Сборник документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. Д.Н. Антонов; сост. И.А. Антонова, Ю.Ф. Смирнов, В.М. Лысак. – М.: 2020. 568 с.
15. Убийство и жестокое обращение с военнопленными. Выступление заместителя Главного обвинителя от СССР Ю.В. Покровского. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 13 и 14 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1990. Т. 4. С. 88-157.
16. Разрушение городов и сел, промышленности, транспорта и связи. Выступление помощника Главного обвинителя от СССР М.Ю. Рогинского. Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1990. Т. 4. С. 489-515.
17. Разграбление общественной и частной собственности. Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Л.Р. Шейнина. Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 20 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1990. Т. 4. С. 230-404.
18. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1990. Т. 4. С. 645 с.
19. Политика рабского труда. Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Н.Д. Зори. Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 22 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1990. Т. 4. С. 516-539.
20. Преступления против мирного населения. Выступление помощника Главного обвинителя от СССР Л.Н. Смирнова. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 14, 15, 18 и 19 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1990. Т. 5. С. 80-187.
21. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. – М.: 1987. Т. 1. С. 656 с.
22. Шурухов Н.Г. Фиксация совершения преступлений против мира и безопасности человечества для последующего использования в уголовном судопроизводстве // Юридическая гносеология, 2025. № 1. С. 144-152.

Reference

1. Conventions, Declaration and Final Act signed at the Peace Conference in The Hague on October 5 (18), 1907.
2. Declaration on the Responsibility of the Nazis for the Atrocities Committed // ConsultantPlus: official website. // URL: <http://www.consultant.ru> (13.02.2025).
3. Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Major War Criminals of the European Axis Countries // ConsultantPlus: official website. // URL: <http://www.consultant.ru> (14.02.2025).
4. Simonova E. V., Antonova I. A. No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the Tula region during the Great Patriotic War // Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the

- Great Patriotic War. Tula region. Collection of documents / ed. of the series E.P. Malysheva, E.M. Tsunaeva; ed. D.N. Antonov; compiled by I.A. Antonova, Yu.F. Smirnov, V.M. Lysak. – M.: 2020. P. 29-51.
5. State Archives of the Tula Region (GATO). F. R 2515. Op. 1. D. 951. L. 10.
6. On the formation of an extraordinary state commission to establish and investigate the atrocities of the German fascist invaders and their accomplices and the damage they caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 02.11.1942 No. 160/17 // ConsultantPlus: official website. // URL: <http://www.consultant.ru> (19.02. 2025).
7. GATO. F. P - 177. Op. 8. D. 53. L. 97-100.
8. GATO. F. R 2515. Op. 1. D. 5. L. 172-172 ob.
9. GATO. F. R 2515. Op. 1. D. 5. L. 117-117 ob.
10. GATO. F. R 2515. Op. 2. D. 20. L. 126-126 ob.
11. GATO. F. 2515. Op. 2. D. 6. L. 43
12. GATO. F. 2515. Op. 2. D. 6. L. 47
13. GATO. F. 2515 Op. 2. D. 6. L. 30-32
14. No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the Tula region during the Great Patriotic War // Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Tula region. Collection of documents / rep. ed. series E.P. Malysheva, E.M. Tsunaeva; resp. ed. D.N. Antonov; comp. I.A. Antonova, Yu.F. Smirnov, V.M. Lysak. – M.: 2020. 568 p.
15. Murder and Cruel Treatment of Prisoners of War. Speech by Deputy Chief Prosecutor from the USSR Yu.V. Pokrovsky. Transcript of the sessions of the International Military Tribunal of 13 and 14 February 1946 // Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes. – Moscow: 1990. Vol. 4. P. 88-157.
16. Destruction of cities and villages, industry, transport and communications. Speech by Assistant Chief Prosecutor from the USSR M. Yu. Roginsky. Transcript of the session of the International Military Tribunal of 22 February 1946 // Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes. – Moscow: 1990. Vol. 4. P. 489-515.
17. Plunder of public and private property. Speech by Assistant Chief Prosecutor from the USSR L. R. Sheinin. Transcript of the session of the International Military Tribunal of February 20, 1946 // Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes. – Moscow: 1990. Vol. 4. P. 230-404.
18. Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes. – Moscow: 1990. Vol. 4. 645 p.
19. The policy of slave labor. Speech by Assistant Chief Prosecutor from the USSR N.D. Zori. Transcript of the session of the International Military Tribunal of February 22, 1946 // Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes. – Moscow: 1990. Vol. 4. P. 516-539.
20. Crimes against the civilian population. Speech by Assistant Chief Prosecutor from the USSR L.N. Smirnov. Transcript of the sessions of the International Military Tribunal of 14, 15, 18 and 19 February 1946 // Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes. – Moscow: 1990. Vol. 5. P. 80-187.
21. Nuremberg Trials: collection of materials: in 8 volumes – Moscow: 1987. Vol. 1. 656 p.
22. Shurukhnov N.G. Recording the commission of crimes against the peace and security of mankind for subsequent use in criminal proceedings // Legal Epistemology, 2025. № 1. P. 144-152.

Карпец Ф.В.

Аспирант, ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет, учитель истории ГБОУ «Бауманская инженерная школа» № 1580.

Крымскотатарский фактор в турецко-российских отношениях в 2014–2022 годы

Аннотация. Непримируемая позиция Турецкой республики по вопросу воссоединения Крыма с Россией, произошедшего в результате Крымской весны и референдума 16 марта 2014 г., определила её сближение с Украиной, привела к формированию военно-политического альянса между двумя странами и усилению политики сдерживания России в Черноморском регионе. Главным фактором данных процессов послужил крымскотатарский вопрос. При этом отношения между Турцией и Россией, не только не прервались, но и продолжили развиваться по всем возможным направлениям, в том числе и в данном вопросе. В ходе исследования автор делает вывод о том, что, несмотря на формальную поддержку Украины в вопросе её «территориальной целостности», Турция признала новую реальность, сложившуюся в Черноморском регионе «де-факто». Хронологические рамки данного исследования охватывают период от Крымской весны и возвращения Крыма в состав Российской Федерации до начала Специальной военной операции России против киевского режима. **Цель** исследования: глубокий анализ роли крымскотатарского фактора в политике Турции и России в 2014–2022 гг. для формирования понимания его значения в новой геополитической реальности. **Методологической базой** исследования являются системный, конструктивистский и геополитический подходы.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, крымскотатарский вопрос, «мягкая сила», пантюркизм, неоосманизм, неоисламизм, национализм, Меджлис крымскотатарского народа, Крымская весна.

Karpets F. V.

Postgraduate Student of State Autonomous Educational Institution of Higher Education MSPU, history teacher, Bauman Engineering School № 1580.

The Crimean tatar issue in the politics of turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022

Abstract. The irreconcilable position of the Turkish Republic on the issue of the reunification of Crimea with Russia, which occurred as a result of the Crimean Spring and the referendum of March 16, 2014, determined its rapprochement with Ukraine, the formation of a military-political alliance between the two countries and the strengthening of the policy of containing Russia in the Black Sea region. The main factor in these processes was the Crimean Tatar issue. At the same time, relations between Turkey and Russia not only did not break off, but also continued to develop in all possible directions, including this issue. In the course of the study, the author concludes that, despite the formal support of Ukraine in the issue of its “territorial integrity”, Turkey recognized the new reality that has developed in the Black Sea region “de facto”. The chronological framework of this study covers the period from the Crimean Spring and the return of Crimea to the Russian Federation to the beginning of the Special Military Operation of Russia against the Kyiv regime. **The relevance** of the study is due to the need for a deep analysis of the role and place of the Crimean Tatar factor in the policies of Turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022. **The purpose of the study:** to analyze the role of the Crimean Tatar factor in the policies of Turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022 to form an understanding of its significance in the new geopolitical reality. **The methodological basis** of the study is the systemic, constructivist and geopolitical approaches.

Key words: Crimea, Crimean Tatars, Crimean Tatar issue, “soft power”, pan-Turkism, neo-Ottomanism, neo-Islamism, nationalism, Mejlis of the Crimean Tatar people, Crimean Spring.

Введение

Первые два десятилетия XXI в. характеризуются беспрецедентным расширением и углублением экономических, политических, культурных связей между Турецкой республикой и её соседями в Черноморском регионе, в первую очередь – с Россией. В основе её внешней политики в эти годы лежала концепция министра иностранных дел, а затем премьер-министра Турции профессора Ахмеда Давутоглу «Ноль проблем с соседями». Следуя положениям этой концепции, Турция усиливала свои позиции и постепенно становилась региональным лидером за счёт получения всевозможных предпочтений от улучшения отношений с соседними странами. Нельзя сказать, что данная политика снимала с повестки многочисленные проблемы в этих отношениях, однако, как писал Давутоглу в одной из своих статей об отношениях с Россией, «в переговорах, стороны стараются их деликатно обходить, сосредоточившись на решении тех вопросов, которые представляют взаимный интерес¹. Данный подход, казавшийся конструктивным, и, приносящий очевидно позитивные результаты, не мог, однако, разрешить противоречий, многие из которых шли из глубины веков. Неудивительно, что на фоне вступления мира в фазу усиления международной напряжённости

1 Давутоглу Ахмед. Внешняя политика Турции и Россия: региональный подход к глобальному миру // Россия в глобальной политике.– М.: 2010. Том 8. № 1. С. 64.

сти во втором десятилетии XXI века, эти проблемы с новой силой заявили о себе. Примечательно, что это могло привести одновременно к ухудшению отношений с одними странами и улучшению – с другими. И, если находящиеся на высоте и вступившие в состояние стратегического партнёрства в 2000-е гг. отношения с Россией подверглись серьёзному испытанию, то турецко-украинские отношения пережили виток беспрецедентного усиления сотрудничества. Главным узлом противоречий и одновременно стимулом к развитию здесь явилась ситуация вокруг Крыма, сложившаяся в 2014 г. в результате Крымской весны и возвращению полуострова в состав Российской Федерации.

За последние годы вышло значительное количество исследований на тему крымскотатарского вопроса в турецко-российских и турецко-украинских отношениях, как российских, так и зарубежных учёных. В данной работе использовались труды российских исследователей - В.А. Аваткова, К.Н. Ахмадеева, А.В. Баранова, А.В. Болдырева, Е.В. Гросфельд, В.В. Харабуга, Н.Э. Демешко, А.А. Ирхина, армянского – И. Мурадяна, турецких – Ф. Эрекера, У. Озера, Д. Сезера, Ф. Айдын, С. Озчелика, американского – Б.Г. Уильямса. В качестве источниковой базы использованы нормативные акты (в том числе международные), документы Меджлиса крымскотатарского народа², материалы российских и турецких СМИ.

Ход и результаты исследования

Не следует забывать, что события весны 2014 г. стали кульминацией длительного и сложного процесса, проходившего на полуострове с конца 80-х гг. Оторванный от России в результате политических интриг в 1954 г. Крым, в конце XX – начале XXI вв. вновь стал местом и в то же время объектом одновременно политического и межэтнического противостояния. Права на полуостров, предъявляли теперь три силы – Украина, формально им владеющая, но не имеющая на него эффективных рычагов воздействия, русское население, представляющее собой этническое большинство в республике (по состоянию на 2001 г. – 60,2 %) ³, но лишённое фактической поддержки погрязшей во внутренних проблемах России, а также крымскотатарская община, малочисленная (по состоянию на 2001 г. – 10,2%) ⁴, но чрезвычайно активная и при этом пользующаяся

2 Запрещённая в России экстремистская организация.

3 Национальный склад населения Украины та його мовни ознаки. За даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року. – Київ: Держ.ком.статистики України, 2003. С. 24.

4 Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения – 2001 г. [Электронный ресурс]. // URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality>

поддержкой стремительно усиливающейся Турции. На протяжении всего периода с 1991 по 2014 гг. на полуострове наблюдалась политизация этничности, выражавшаяся в вялотекущем межнациональном конфликте, переходящем периодически в открытое противостояние.

Русскоязычное большинство после распада Советского Союза должно было быть доминирующей силой на полуострове. Русских по состоянию на 2001 г. в Крыму было 60,2 %, украинцев же – 23,9⁵. Стоит отметить, при этом, что большинство украинцев на полуострове продолжали обладать «двойной идентичностью», не отделяя себя от русской культуры, несмотря на последовательную политику её подавления, проводимую украинскими властями. Это обстоятельство способствовало тому, что на полуострове складывается сильное пророссийское движение, которое имело в середине 90-х, после победы в 1994 г. на выборах в парламент избирательного блока «Россия», вполне реальные шансы на реализацию своих целей по реинтеграции Крыма в состав Российской Федерации, и, лишь отсутствие политической воли ельцинского правительства помешало этому процессу. Москва в то время, в крымском вопросе, довольствовалась лишь договорённостью с украинскими властями об аренде российским Черноморским флотом военно-морских баз в Севастополе в обмен на льготные условия покупки российского газа, сохранив тем самым российское военное присутствие на полуострове. Тем не менее, русское движение Крыма не прекращало активной деятельности, продолжая демонстрировать неприятие, как политике официального Киева, так и активности весьма пассионарной крымскотатарской диаспоре. При этом, если между русским и украинским населением Крыма культурных различий практически не наблюдалось, то иным образом дело обстояло с крымскими татарами, демонстрировавшими враждебность этническому большинству полуострова не только ввиду языковой, религиозной, ментальной инаковости, но и вследствие шедших из глубины веков претензий и стремления к восстановлению своих попранных, по их мнению, прав и исторической справедливости.

Резкое увеличение крымскотатарской общины в Крыму за счёт возвращения крымскотатарского народа, депортированного по указу И.В. Сталина в Центральную Азию в 1944 г.⁶, на историческую родину, превращает крымскотатарский вопрос в серьёзный конфликтогенный фактор как внутри самого полуострова, так и в международных отношениях в Черноморском регионе. В 1991 г. был проведён «II Курултай крымскотатарского народа», на котором был создан представительный орган – «Меджлис крымскота-

5 Там же.

6 Ахмадеев К.Н. Крымскотатарское сообщество современной России: проблема самоопределения: дис. ... канд. политич. наук. – СПб.: 2018. С. 96

тарского народа»⁷, который возглавил известный диссидент и активист крымскотатарского национального движения Мустафа Джемилев. «Меджлис» ставит вопрос о «восстановлении национальных и политических прав крымскотатарского народа и реализации его права на свободное национально-государственное самоопределение на своей национальной территории»⁸. Это, по понятным причинам, вступало в противоречие как с украинским суверенитетом над Крымом, так и с интересами русскоязычного населения полуострова, поскольку, по факту речь шла о создании крымскими татарами в Крыму собственного национального государства. Отметим, что ни крымскотатарские псевдо-государственные «органы», ни их учредительные документы не получили официального признания украинских властей, что оставляло их деятельность, по сути, за пределами законности и придавало им маргинальный характер. Для достижения поставленной цели, руководством «Меджлиса» была поставлена задача: переселить на полуостров достаточное количество крымских татар из стран СНГ (не менее 250 тыс.) и Турции, где численность крымскотатарской диаспоры по некоторым данным достигает 5 млн. (!) человек⁹ с тем, чтобы уравнять численность крымскотатарского населения Крыма с русским¹⁰. Выполнение этой задачи было очевидно нереально, однако финансовую и моральную поддержку крымскотатарское движение находит именно в Турции, с её историческими, культурными и кровными связями с крымскотатарским народом, а также высоким уровнем пантюркистских настроений, выражающихся в стремлении к объединению всех тюркских народов под эгидой Турецкой республики. Не в последнюю очередь это касалось и народа принадлежащего некогда Османской империи Крыма. Формально отрицая намерение политического поглощения Крыма¹¹, Турецкая республика начала действовать в данном направлении средствами «мягкой силы» – вместе с предоставлением гуманитарной и финансовой помощи, она через культурные и образовательные организации и программы культивировала положительный образ Турции, способствовала формированию общетюркской национальной идентичности, а по факту насаждала среди крымскотатар-

7 Запрещённая в России экстремистская организация.

8 Положение о Меджлисе крымскотатарского народа. Принято в новой редакции с учётом дополнений и изменений на третьей сессии IV Курултая крымскотатарского народа, г. Симферополь, 12 сентября 2004 г. // Alem-I Medenie. Qırım halqinin medeniyet hazinesi [Электронный ресурс]. // URL: <https://medeniye.org/node/37> (Дата обращения: 20.01.2024)

9 Williams B.G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. P. 227.

10 Карпец Ф.В. Крымскотатарский фактор в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. – М.: 2024. № 3 (55). С. 117.

11 Ereker F., Özer U. Crimea in Turkish-Russian Relations: Identity, Discourse, or Interdependence? Athens Journal of Social Sciences. Volume 5. Issue 4. P. 379.

ской молодёжи идеи турецкого национализма¹².

Следует отметить, что идеи эти находили в крымскотатарском сообществе живой отклик. Не следует забывать, что родиной турецкого национализма, в его этнической вариации – пантюркизма (пантуранизма), является именно Крым. Его создатель и первый идеолог – Исмаил Гаспринский (Гаспарылы) происходит именно отсюда, и считается национальным героем крымскотатарского народа. Основной идеей пантюркизма является объединение всех тюркоязычных народов в единое государство – Великий Туран, под эгидой, соответственно, Турции. После распада СССР, когда его бывшие тюркские республики получили независимость, воплощение данного проекта в жизнь стало представляться возможным. На протяжении последних трёх с половиной десятилетий Турция средствами «мягкой силы» вела активную деятельность в данном направлении, главным результатом которой является, создание в 2009 г. Тюркского совета, преобразованного в 2021 г. в Организацию Тюркских Государств, куда входят Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, а также Венгрия, Туркменистан и Северный Кипр в качестве наблюдателей. И, хотя целью Организации декларируется глубокая экономическая и культурная интеграция, не скрывается также и идея о создании общетюркской «Армии Турана»¹³. Крым, а также тюркские регионы России (Татарстан, Башкортостан) также находились всё это время в фокусе внимания турецкой «мягкой силы», однако после Крымской весны и охлаждения отношений России и Турции в результате «самолётного кризиса» 2015 г., деятельность турецких «просветительных» организаций была в них запрещена. При этом пантюркизм является не единственной внешнеполитической идеологемой Турции. Находящаяся у власти в Турции с 2002 г. Партия справедливости и развития во главе с Р.Т. Эрдоганом, придерживается консервативной вариации турецкого национализма¹⁴, для которой главным фактором, определяющем турецкую идентичность является ислам. Поэтому Турция претендует также и на лидерство в исламском мире в рамках идеологемы неоисламизма, а также на покровительство всем государствам Ближнего востока в рамках идеологемы неоосманизма.

Крымскотатарское сообщество, в котором с конца 80-х гг. XX в. идёт активный процесс «нацбилдинга», так или иначе, подходит под все эти пара-

12 Ирхин А.А., Демешко Н.Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 3. С. 45.

13 Единая армия тюркских государств. Для чего и против кого? // Спутник-Армения 14.01.2022 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://am.sputniknews.ru/20220114/edinaya-armiya-tyurkskikh-gosudarstv-dlya-chego-i-protiv-kogo-37549819.html> (Дата обращения: 23.02.2025)

14 Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. The University of Utah Press. Salt Lake City. 2016. 3 p.

метры и является благодатнейшей почвой реализации пантюркистского националистического проекта. Стоит упомянуть, например, разработку крымскотатарской письменности на основе турецкого варианта латинского шрифта¹⁵, которая по замыслу руководителя проекта, профессора Стамбульского университета Турана Язгана, являлась «наиболее эффективным способом ослабления влияния России»¹⁶. Данная деятельность вызывала обеспокоенность, прежде всего в Российской Федерации и русскоязычной среде Крыма, ведь очевидно, как писала российская пресса в середине 90-х гг., посредством подобных действий, создавалась «благоприятная ситуация для образования в ближайшем десятилетии еще одной исламской республики – на юге Украины. Не исключено, что Крым в таком случае может ожидать участь Кипра»¹⁷. Пример средиземноморского острова, где после вторжения в 1974 г. турецкой армии, была создана марионеточная Турецкая Республика Северного Кипра, действительно рисовал для русского населения Крыма довольно мрачные перспективы.

Наиболее благоприятные условия для реализации подобного сценария начали складываться в начале в Крыму 2014 г., когда в результате государственного переворота на Украине, известного как «евромайдан», было свергнуто законное правительство В.Ф. Януковича, а к власти пришли прозападные силы. Крым, также, как и восточные территории Украины отказался признавать легитимность новой власти, что поставило государство на грань распада. На фоне этих событий, в радикальных кругах турецкой политической элиты, стал обсуждаться вопрос гипотетического вмешательства Турции в ситуацию. В турецком медиапространстве всплыл несуществующий в реальности пункт Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. между Российской и Османской империями, согласно которому, Крымское ханство, передавалось России якобы при условии невозможности передачи полуострова третьей стороне, что давало основание Турции предъявить на него права уже по факту распада СССР и его вхождения в состав Украины в 1991 г. Подобные «вбросы», по мнению их авторов, очевидно, способствовали бы легитимации интервенции.

15 Turk dunyasi aratirmalari vakfi bakani sayin prof. dr. Turan Yazgan, 20 mayis 1992 Bahcesaray, Kirim (Письмо председателя Меджлиса крымскотатарского народа председателю Фонда тюркских исследований проф. Турану Язгану, 20 мая 1992 г.) // Крымскотатарское движение. Т. 3. 1991–1993 гг: сборник документов / под ред. М.Н. Губогло // Центр по изучению межнациональных отношений РАН. – М.: 1996. С. 249.

16 *Рябцев О.В.* Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения): дис. ... канд. политич. наук. Ростов-на Дону: 2008. С. 73.

17 Сегодня на полуострове проживает более 200 тыс. крымских татар. Уплывёт ли Крым в Турцию? // «Аргументы и факты» 05.10.1994 г. [Электронный ресурс]. // URL: <https://archive.aif.ru/archive/1643080> (Дата обращения: 25.10.2023)

Впрочем, как показала история, такой вариант развития событий был практически нереализуем по нескольким причинам. Во-первых, на момент начала «евромайдана» и Крымской весны, поддержка среди населения Крыма идеи присоединения республики к Турции была минимальна. По результатам опроса жителей Симферополя, проведённого Центром этносоциальных исследований, 37% горожан хотели бы видеть Крым в составе Российской Федерации, 10,5% – независимой республикой, 32% – республикой в составе Украины, 8,3% – областью Украины, 4,8% – крымскотатарской автономией в составе Украины, 4,3 – самостоятельной крымскотатарским государством, 0,5% – вилайетом в составе Турции¹⁸. Даже если предположить, что в случае вторжения, респонденты лояльные «турецкому» будущему полуострова объединились бы со сторонниками различных форм крымскотатарской государственности, их число на общем фоне представлялось бы недостаточным для обеспечения внутренней поддержки оккупации. Во-вторых и в-третьих, как автор данного исследования уже отмечал в статье «Крымскотатарский вопрос в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг.», развитию событий подобным образом не позволило бы осуществиться наличие в Крыму российских военно-морских баз и теснейшие экономические связи Турции и России, разрыв которых стал бы сильнейшим ударом по турецкой экономике (как это вскоре показали российские санкции, введённые против Турции в результате «самолётного» кризиса лета 2015 г.).

Поэтому реакция Турции на взятие Крыма под контроль российскими вооружёнными силами и референдум 16 марта 2014 г. о присоединении полуострова к России была запоздалой, сдержанной и непоследовательной. В феврале министр иностранных дел Турции А. Давутоглу заявил, что «Турция находится в состоянии мобилизации, чтобы сделать все необходимое для защиты прав наших сородичей в Крыму», но уже в марте, в ответ на прямой призыв украинского посольства «оказать политическую, экономическую и, при необходимости, военную помощь» Украине¹⁹, он отметил, что «Турция не позволит напряженной обстановке в Крыму стать причиной кризиса в отношениях между Турцией и Россией». Очевидно, что вступление в конфронтацию с Россией в планы турецкого руководства не входило. Однако, раздражение, вызванное вторжением в сферу своих, по его мнению, интересов, а также сведением многолетней работы по интеграции

18 Баранов А.В. Политическая самоорганизация русского сообщества как предпосылка «Крымской весны» // Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны» / Под ред. А. Власова. – М.: Из-во «Аспект Пресс». 2020. С. 193.

19 Ахмет Давутоглу исключает турецко-российский кризис вокруг ситуации в Крыму // МК-Турция 04.03.2014. // URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2014/03/04/ahmet-davutoglu-isklyuchaet-turecko-rossijskij-krizis.html> (Дата обращения: 31.01.2025).

Крыма в турецкое геополитическое пространство влияния к нулю, скрыть было невозможно. 17 марта 2014 г. на совместной пресс-конференции с бывшим председателем Меджлиса и депутатом Верховной рады Украины М. Джемилевым, Давутоглу решительно заявил о нелегитимности крымского референдума и непризнании суверенитета России над полуостровом, а также о поддержке территориальной целостности Украины²⁰.

Что касается самого крымскотатарского сообщества, то для большей его части возвращение Крыма «под крыло» Российской Федерации мыслилось абсолютно неприемлемым. Многовековая вражда и депортация 1944 г. породили историческую травму, наличие которой исключало саму возможность любого позитивного взаимодействия. К украинскому государству крымские татары также больших симпатий не испытывали, однако по отношению к нему, риторика «Меджлиса крымскотатарского народа», как представительства сообщества, под влиянием изменившихся обстоятельств, меняется кардинально. Если до воссоединения Крыма с Россией, «Меджлис» в своих учредительных документах²¹, позиционировал крымских татар как отдельную нацию с перспективами на отделение от Украины и создание собственного национального государства, ища и находя в этом поддержку у Турции, то теперь – как один из народов Украины, заявляя о своей поддержке её территориальной целостности. Не имея сил самостоятельно сопротивляться мощи России, крымскотатарское сообщество предпочло выбрать для себя «из двух зол» меньшее, надеясь, апеллируя к международному праву, найти международную поддержку в своём стремлении к возвращению более для себя предпочтительного, чем сложившееся положение вещей, статус-кво.

В свою очередь, украинское правительство, десятилетиями игнорировавшее проблемы крымскотатарской диаспоры и, вполне резонно, воспринимавшее её как угрозу собственному суверенитету над Крымом, стремясь удержать ускользающий из рук полуостров, стало разыгрывать ту же карту, пытаясь «использовать крымских татар в качестве элемента в системе противодействия реинтеграции Крыма в геополитическое пространство РФ»²², а также дискредитировать имидж России, обвиняя её в репрессиях против

20 Турция не признала крымский референдум // МК-Турция 18.03.2014 г. // URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2014/03/18/turciya-ne-priznala-krymskij-referendum.html> (Дата обращения: 31.01.2025)

21 Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа. Провозглашена на I сессии II Курултая крымско-татарского народа 28 июня 1991 г. // О Крыме: достопримечательности Крыма, культура, история. // URL: <https://www.qrim.ru/about/docs/QirimIndependence> (Дата обращения: 03.11.2023).

22 Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Турецкая республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 г. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Том 22. № 4. С. 762.

коренного населения полуострова. В кратчайшие сроки на правительственном уровне активизируются взаимодействия с не признаваемым ранее и считавшимся маргинальным Меджлисом крымскотатарского народа. Принимается ряд законодательных актов, направленных на повышение статуса и реабилитацию крымских татар, в том числе закон «О коренных народах Украины»²³, признавший за крымскими татарами, караимами и крымчаками широкие культурные, экономические, образовательные и языковые права. Сталинская депортация 1944 г. была признана «геноцидом крымскотатарского народа»²⁴, а 18 мая объявлялся днём борьбы за права крымскотатарского народа и днём памяти жертв геноцида²⁵. Более того, на перспективу «деокупации Крыма и возвращения его территории в правовое поле Украины»²⁶ была начата работа по созданию так называемой «Крымскотатарской автономной республики Украины» с собственными государственными органами и конституцией. Готовность внести в конституцию Украины соответствующие изменения подтвердили в июне 2016 г. президент П. Порошенко²⁷, а затем в августе 2019 г. – президент В. Зеленский. Покровительствующая же крымским татарам, являющаяся членом НАТО и имеющая множество исторических противоречий с Россией Турция, теперь превращалась для Украины в важнейшего союзника в регионе. Главной предпосылкой сближения Украины с Турцией стал, таким образом, по словам турецкого историка Д. Сезера, «общий страх перед возрождающейся «Российской империей»»²⁸. При этом, для Турции сложившаяся ситуация открыла ряд беспрецедентных возможностей. В первую очередь это касается расширения её политического, экономического, а также военного могущества в регионе.

Ещё в 2011 г., с созданием Турцией и Украиной Стратегического совета высокого уровня, отношения между двумя странами достигли стратегиче-

23 Закон України «Про корінні народи України» // Верховна Рада України. // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1616-20#Text> (Дата обращения: 01.11.2021)

24 Постанова Верховної Ради України «Про визнання геноциду крымскотатарського народу» // Верховна Рада України. // URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/792-19#Text> (Дата обращения: 01.11.2021).

25 Там же.

26 *Гроссфельд Е.В., Харабуга В.В.* Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 г.) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Том 3 (69). № 2. Симферополь: 2017. С. 58.

27 Киев создаёт крымско-татарскую автономию // TURAN 28.06.2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://turanaz.ru/v-mire/kyev-sozdaet-krymsko-tatarskuiu-avtonomiiu> (Дата обращения: 06.03.2025)

28 *Sezer D.B.* Ukraine, Turkey and the Black Sea Region. Harvard Ukrainian Studies, Vol. 20, Ukraine in the world: Studies in the International Relations and Security Structure of a Newly Independent State. 1996. P. 90.

ского партнёрства. Теперь же, когда в результате Крымской весны и восстановления суверенитета России над Крымом, позиции двух стран максимально солидаризируются, эти отношения выходят на ещё более высокий уровень. Турция выразила твердую поддержку перспективе членства Украины в НАТО и выступила за получение Украиной Плана действий по членству в ближайшем будущем, а также способствовала взаимодействию вооруженных сил Украины с вооруженными силами союзников по НАТО²⁹. Турецкая республика заняла непримиримую позицию непризнания суверенитета России над Крымом и прекратила с полуостровом всякое авиационное и морское сообщение. В общественном пространстве началось муссирование темы нарушения прав человека в «оккупированном» Крыму, причём всякое административное или уголовное производство (в том числе за участие в исламской радикальной организации Хизб ут-Тахрир³⁰) в отношении крымскотатарского населения стало представляться как репрессии по этническому признаку³¹. Более того, сложившееся положение вещей способствовало формированию подобия военно-политического альянса между Турцией и Украиной. Украина становится рынком сбыта и «полигоном» для динамично развивающейся турецкой военной промышленности. В 2019 г. на Украину из Турции была поставлена партия из новейших беспилотных летательных аппаратов Bayraktar TB2 и 200 высокоточных ракет, при этом контракт включал в себя обучение обслуживающего персонала для данной техники в Турции. Вскоре беспилотники были испытаны в ходе учений МО Украины в акватории Чёрного моря³². «Байрактары» сразу же стали использоваться для разведки позиций войск ДНР и ЛНР в ходе конфликта на Донбассе, а 26 октября 2021 г., впервые с турецкого беспилотника был запущен боеприпас, поразивший артиллерийское орудие Д-30 1-й Славянской бригады ДНР³³. По факту это было одно из первых боевых применений БПЛА на Украине (ранее турецкие ударные беспилотники получили «боевое крещение» в Ливии и Сирии³⁴, а затем в ходе армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 г.³⁵). Вскоре бес-

29 *Aydin Filiz Tutku*. Turkey's Policy in the Russian-Ukrainian Crisis. Seta Analysis. February 2022. № 77. 11 p.

30 Признана в России террористической организацией.

31 *Демешко Н.Э., Ирхин А.А.* Турецкая республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 г. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Том 22. № 4. 202. С. 760.

32 *Аватков В.А.* Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. Т. 4. № 4 (3). С. 223.

33 Как в Донбассе применяются турецкие беспилотники и чем это грозит // Ак Жайнык 29.10.2021 // URL: <https://azh.kz/ru/news/view/80400> (Дата обращения: 06.02.2025)

34 Там же.

35 В Турции подсчитали эффективность дронов «Байрактар» в Карабахской во-

пилотники станут одним из важнейших видов современного вооружения.

Следует отметить, что Турция, вооружённая, до недавнего времени, главным образом, натовской военной техникой, как представляется, ощущает зависимость от партнёров по блоку, что противоречит статусу региональной державы, к которому она стремится последние десятилетия. Поэтому производство собственного вооружения и испытание его в реальных боевых условиях, является для неё насущной необходимостью не только для укрепления суверенитета в пределах собственных границ, но и для расширения его за их пределы, на пространства, которые она рассматривает, согласно идеологемам пантюркизма, неоосманизма и неоисламизма, как сферу своих законных интересов. К этим территориям, напомним, относятся все земли, относившиеся некогда к Османской империи и страны с тюркоязычным населением, будь то Сирия, Азербайджан или юг Украины. Турция там использует всякую возможность для применения, а значит изучения возможностей своего новейшего вооружения, и поставкам его в государства, которые рассматривает как союзников (постоянных или временных), при этом устанавливая и расширяя своё военное присутствие.

Безусловно, не в последнюю очередь, данная деятельность Турции направлена и на сдерживание России, возвращение влияния которой не только на государства бывшего СССР, но и за их пределы (Сирия) воспринимается ею как угроза. Не следует забывать, что недоверие к России как к историческому противнику, который веками вёл экспансию на территорию Турции, присутствовал в турецком обществе всегда. Именно это недоверие в 1952 г. заставило Турцию вступить в НАТО и держать самую большую среди стран Альянса сухопутную армию на евразийском континенте. Поэтому, неудивительно, что стремительно возросшая внешнеполитическая активность России во втором десятилетии XXI века пробудила в Турции дремлющие тревоги. Турецкий историк и политик крымскотатарского происхождения Хакан Кырымлы, комментируя слова В.В. Путина о том, что Крым является стратегически важной базой для России, задаётся вопросом: «базой для нападения на кого»³⁶? Историк Филиз Айдын идёт дальше, заявляя, что после «аннексии» Крыма Россией безопасность Турции находится под угрозой и, что «стратегически Крым также важен для Турции как Кипр»³⁷. Ещё один турецкий исследователь Сезай Озчелик, рассматривая «крымский гибридный конфликт», выска-

йне // МК.RU 01.05.2021 // URL: <https://www.mk.ru/politics/2021/05/01/v-turcii-podschitali-effektivnost-dronov-bayraktar-v-karabakhskoy-voyne.html> (Дата обращения: 06.02.2025)

36 Aydin F.T. Crimean Tatars and Russia's Annexation of Crimea. Turkish Policy Quarterly. Fall. 2014. Vol. 13. № 3. P. 91.

37 Там же.

зывает мысль, что «оккупация» Россией Крымского полуострова является частью политики «двойного сдерживания», осуществляемого Россией в отношении Турции. По мнению автора, политика эта заключается в военном присутствии РФ у южных границ Турции (Сирия) и усилении её военного потенциала на севере (Крым и Черноморский регион). Союзнические отношения России с Арменией и Ираном, Озчелик также относит к этой политике, рассматривая их как сдерживание Турции на северо-востоке и востоке соответственно³⁸.

Получение Россией в 2014 г. в своё распоряжение военно-морских баз Крыма и большей части ВМФ Украины подтолкнуло Турцию к наращиванию военно-морской мощи, что привело к настоящей «гонке вооружений» в Черноморском регионе. В Турции была запущена программа модернизации ВМФ и на вооружение были приняты новые ударные десантные корабли, поступили беспилотные летательные аппараты собственного производства, современные системы ПВО российского производства (С-400)³⁹. В декабре 2019 г., принимая участие в церемонии спуска в воду подлодки PiriReis, президент Турецкой республики Р.Т. Эрдоган анонсировал скорое поступление ещё шести аналогичных подводных лодок в ВМС страны⁴⁰. Помимо расширения своего корабельного парка на Чёрном море, Турция усиливает позиции строительством новой военно-морской базы в Сюрмене, в 150 км от Грузии, вдобавок к уже имеющимся двум в Синопе и Самсуне. В 2019 г. Турция потратила рекордные 14% своего военного бюджета на развитие ВМС⁴¹. В Черноморский же флот Российской Федерации с 2014 по 2020 г. поступило более 30⁴² (по другим данным – 50⁴³) единиц новейших боевых кораблей и катеров. В ходе программы модернизации он стал доминирующей силой не только на Чёрном море, но и в Восточном Средиземноморье, базируясь в сирийском Тартусе. Ко всему этому следует добавить постоянное присутствие и участвовавшие

38 *ÖZÇELİK S.* The analysis of the Crimean Tatars since 2014 Crimean hybrid conflict. CES Working Papers – Volume XII, Issue 1. 2020. P. 52.

39 Перспективы модернизации военно-морских сил стран Черноморского региона (06.07.2020) // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/perspektivymodernizatsii-voenno-morskikh-sil-stran-chernomorskogo-regiona/> (Дата обращения: 04.03.2025)

40 *Болдырев А.В.* К вопросу о состоянии турецких ВМС в 1991–2019 гг. // Восточная аналитика. № 4. – М.: Институт востоковедения РАН. 2020. С. 109.

41 Там же.

42 Перспективы модернизации военно-морских сил стран Черноморского региона (06.07.2020) // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/perspektivymodernizatsii-voenno-morskikh-sil-stran-chernomorskogo-regiona/> (Дата обращения: 04.03.2025)

43 День Черноморского флота России (13.05.2022) // РИА новости [Электронный ресурс]. // URL: <https://ria.ru/20220513/flot-1787880669.html> (Дата обращения: 04.03.2025)

военные учения в акватории Чёрного моря кораблей НАТО⁴⁴ – в 2014 г., например, их было проведено три, включая крупнейшие – «Си Бриз» совместно с украинским ВМФ. При этом предложение Румынии создать «общенатовскую» флотилию на Чёрном море в 2016 г. Турция не поддержала⁴⁵.

Тут следует отметить, что на протяжении предыдущих десятилетий Турция, совместно с Россией, последовательно отстаивали свои позиции на Чёрном море, не допуская туда стремящихся расширить своё влияние в регионе американцев. Будучи членом НАТО, Турция, тем не менее, не заинтересована в появлении здесь третьей, помимо её самой и России, мощной силы, опасаясь, что это может ослабить её влияние и пошатнуть статус региональной державы. Принятая в 1936 г. Конвенция Монтрё, установившая правовой режим Черноморских проливов и запрещающая присутствие в акватории Чёрного моря военных судов нечерноморских государств более, чем на 21 день, соблюдается Турцией неукоснительно. В 2006 г. Турция отказывает США в предложении создать на её черноморском побережье военно-морскую базу⁴⁶, а в 2008 г., в разгар российско-грузинского конфликта запрещает проход через проливы Босфор и Дарданеллы идущей на помощь Грузии американской эскадре с «гуманитарной помощью» на бортах (переделанные из танкеров плавучие госпитали «Мэсси» и «Комфорт»), водоизмещением 65 и 70 тыс. тонн соответственно, значительно превышали предельный тоннаж в 45 тыс. тонн, допущенный Конвенцией Монтрё⁴⁷, до того момента, пока российская армия не достигла решающих успехов в военных действиях против грузинских вооружённых сил. Руководствуясь собственными интересами, турецкое руководство не побоялось тем самым испортить свои отношения с США, вызвав нештучный дипломатический скандал. И несмотря на то, что с 2014 г. присутствие натовских военных кораблей в Чёрном море принимает ротационный характер и становится практически постоянным, ни один из них (кроме единичного случая в 2014 г., когда американский фрегат «Тейлор» задержался в турецком порту Самсун из-за поломки винта) не остаётся в акватории

44 *Болдырев А.В.* Ротационная политика НАТО на Чёрном море в 2014–2015 годах и российско-турецкие отношения // Россия и Турция в новой политической среде / Материалы Третьей международной конференции экспертов-тюркологов (МГИМО г. Москва, 27 марта 2015) / Гл. ред. А.А. Орлов, отв. Ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский, А.В. Федорченко. – М.: ИМИ МГИМО МИД России. 2015. С. 52

45 *Аватков В.А., Гудев П.А.* Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник РУДН. Серия: политология. – М.: Том 23. № 3. 2021. С. 356.

46 *Мурадян И.* Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Чёрное море. – Ереван: Антарес. С. 8.

47 Турция не пропускает американские корабли с помощью для Грузии // Российская газета [Электронный ресурс]. // URL: <https://rg.ru/2008/08/18/turcia-usa.html> (Дата обращения: 05.03.2025)

дольше, чем допущенный Конвенцией Монтрё срок в 21 день. Когда же в 2016 г. был поставлен вопрос о создании крупной флотилии стран НАТО, Турция его решительно отклонила. Таким образом, несмотря на, казалось бы, непримиримую позицию по Крыму, Турция продолжает демонстрировать солидарность с Россией в вопросе недопустимости расширения присутствия НАТО в Черноморском регионе.

Схожая ситуация сложилась и в позиции Турции по крымскотатарскому вопросу. Турция продолжает рассматривать крымских татар как своих оторванных от родины «граждан», а потому стремится защищать их интересы. В августе 2015 г. в Анкаре состоялся II Всемирный конгресс крымских татар, поднявший вопрос нарушений прав соотечественников в «оккупированном» Крыму и принявший решение создать в Стамбуле центр правовой помощи преследуемым землякам⁴⁸. В 2021 г. Турция приняла активное участие в международном (более 40 стран-участниц) саммите «Крымская платформа», прошедшем в Киеве. Целью мероприятия было привлечение внимания мировой общественности «незаконной аннексии» Крыма, нарушениям прав крымских татар в Крыму российскими властями и призыв к «деколонизации» и «деокупации» полуострова⁴⁹. Украинские власти, таким образом, осуществили попытку вынести крымскотатарскую проблематику на международный уровень и сделать её вопросом мировой повестки.

Турция продолжает реализовывать гуманитарные инициативы, такие как строительство жилья для покинувших родину крымских татар в Киеве, Николаеве и Херсоне, ведёт культурно-просветительскую работу через Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА) и культурный центр им. Юнуса Эмре⁵⁰. Реализация пантюркистского проекта средствами «Мягкой силы» в крымскотатарской среде, таким образом, не прекращается. Однако, обращает на себя внимание и то, что, муссируя тему нарушений прав крымскотатарского народа в Крыму и декларативно осуждая «аннексию» полуострова, турецкое руководство, тем не менее, сохраняет диалог с Россией и по данной проблематике. На пятом заседании Совета сотрудничества высшего уровня между РФ и Ту-

48 Демешко Н.Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. ... канд. политич. наук. Симферополь: 2020. С. 133.

49 Turkey calls for diplomacy to resolve Crimea issue // Anadolu Ajansi 23.01.2021 // URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-calls-for-diplomacy-to-resolve-crimea-issue/2343701> (Дата обращения: 21.02.2025)

50 Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Турецкая республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 г. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Том 22. № 4. 2022. С. 767.

репкой республикой (ССВУ), прошедшем 1 декабря 2014 г. президенты стран В.В. Путин и Р.Т. Эрдоган, помимо прочего, обсудили положение крымских татар, причём турецкий лидер, не отказываясь от официальной позиции своей страны, выказал удовлетворение сложившимся положением вещей. «Наши братья, крымские татары, сейчас имеют права, которых раньше у них не было. В частности, крымскотатарский язык теперь имеет статус государственного. Во время переговоров мой коллега Владимир Путин подчеркнул, что Россия думает об интересах и благе не одного человека или группы людей, но обо всем народе, это очень важно. Мы поддерживаем такую позицию», - отметил турецкий лидер⁵¹. Уже спустя полтора года после возвращения Крыма в состав Российской Федерации, вновь зашла речь о возвращении на полуостров турецкого бизнеса. В ноябре 2016 г. турецкая делегация в составе депутатов, представителей политических кругов, неправительственных организаций и бизнес-сообщества посетила строительную площадку строящейся Соборной мечети в Симферополе⁵². А 8 марта 2019 года президент России В. Путин сообщил, что пригласил президента Турции Р. Эрдогана на открытие этой важной для всех мусульман святыни, и тот положительно отнесся к данному предложению⁵³. Всё это указывает на постепенную нормализацию взаимодействия Турции и России в отношении крымскотатарского вопроса. Не следует забывать, что, несмотря на многократное повторение слов о непризнании суверенитета России над Крымом и необходимости «деокупации» Крыма, Турция в данном вопросе ограничивается устной риторикой и не предпринимает никаких действий по дестабилизации ситуации на полуострове, развивая при этом сотрудничество с Россией по всем направлениям. Создаётся впечатление, что риторика эта носит скорее «ритуальный» характер и направлена на солидаризацию с позицией союзников по НАТО и партнёров из стран ЕС, куда Турция стремится уже не один десяток лет. Немаловажно для турецкого руководства также и сохранение внутренней электоральной поддержки миллионной диаспоры крымских татар, проживающей внутри самой Турции. Директор Центра изучения современной Турции Юрий Мавашев считает, что популизм турецкого руководства по крымскотатарскому вопросу направлен именно

51 Путин и Эрдоган обсудили положение крымских татар // РИА новости 01.12.2014 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20141201/1036043853.html> (Дата обращения: 27.02.2025)

52 Делегация из Турецкой республики посетила строительную площадку комплекса Соборной мечети в Симферополе // Совет муфтиев ДУМ РФ 25.11.2016 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://muslim.ru/articles/287/16580/> (Дата обращения: 13.03.2025)

53 Турецкие парламентарии намерены принять участие в открытии Соборной мечети Крыма // ТАСС 28.01.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/7621053> (Дата обращения: 13.03.2025)

на получение голосов избирателей на выборах, а также поддержки в том числе из числа фундаменталистов⁵⁴. Нельзя при этом сказать, что в политике Турции здесь лежит противоречие. Между турецким и крымскотатарским народами существует теснейшая связь, обусловленная историческими, национальными, религиозными, культурными факторами. Турция заинтересована в процветании крымскотатарского народа, поэтому, если в его жизни происходят позитивные изменения, она не может это не приветствовать. С другой стороны, Турция не намерена отказываться от своих, опять же, исторически обусловленных амбиций, особенно на фоне успехов в реализации пантюркистского проекта на других направлениях (беспрецедентное сближение с Азербайджаном и государствами Центральной Азии). Риторика Турции в отношении возвращения Крыма в состав Российской Федерации остаётся традиционно негативной, но может измениться в одночасье, вслед за обстоятельствами. Если предположить, что Россия, в свою очередь, предложит Турции признать, например, суверенитет Северного Кипра, ситуация может поменяться кардинально. Поддержку «территориальной целостности Украины», таким образом, следует понимать не как искреннюю позицию, а как ситуативное и временное обстоятельство, вытекающее из интересов текущего момента. На протяжении долгих лет Турция вела работу на расширение своего влияния на Крым и поддерживало крымскотатарское движение в его явно сепаратистских устремлениях. Поэтому, представляется сомнительным, что вопрос незыблемости границ Украины для неё является чем-то священным. Очевидно, что в своей риторике Турция преследует вполне конкретные цели.

При этом отношения с Россией для Турции остаются наиболее важным направлением внешней политики и, так же, как и с Украиной давно достигли уровня стратегического партнёрства. Две державы сотрудничают теснейшим образом, в том числе и в военно-технической сфере – не следует забывать, что небо над Турцией находится под защитой российских систем ПВО С-400. Везде же, где у Турции и России существовали политические разногласия, будь то Черноморские проливы, Сирия или Южный Кавказ, две страны успешно договаривались, разделяя сферы влияния и деятельности и, «не наступая друг другу на ноги»⁵⁵ сочетали соперничество и сотрудничество одновременно. Политика обеих стран, охарактеризованная историком Ф. Айдын, как «конкурентное сотрудничество» предельно взвешенна, и они за десятилетия теснейшего взаимодействия научились

54 На что Турция претендует в Крыму // dzen.ru 19.10.2020 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://dzen.ru/a/X41O7VKE4zbliXXk> (Дата обращения: 27.02.2025)

55 Aydin F.T. Turkey's Policy in the Russian-Ukrainian Crisis. *Seta Analysis* / February 2022. № 77. P. 11.

находить точки соприкосновения даже там, где это кажется невозможным. Крымскотатарский вопрос тут не является исключением.

По пути на переговоры с В.В. Путиным в Сочи 29 сентября 2021 года, президент Эрдоган повторил непризнание Турцией российской «аннексии» Крыма. В то же время, 29 ноября 2021 года, Турция предложила выступить посредником между Украиной и Россией для разрешения кризиса на Донбассе. Предложение вызвало положительную реакцию на Украине, но было скептически встречено в России. К этому моменту в Москве уже, очевидно, сформировалось мнение о бесперспективности переговоров с неоднократно нарушавшим Минские соглашения киевским режимом, даже при посредничестве дружественной обеим сторонам Турции. Ситуация находилась в тупике и, очевидно, требовала силового решения, поэтому миротворческие усилия Турции оказались невостребованными. Начавшаяся 24 февраля 2022 г. Специальная военная операция России против киевского режима, радикальным образом изменила конфигурацию в регионе и вывела международные отношения в принципиально новую геополитическую реальность для всех их участников.

Заключение.

На протяжении всего описываемого периода Турция демонстрировала намерение быть прагматичным игроком, главным интересом которого было и остаётся укрепление своих позиций как региональной державы, сочетая методы как «жесткой», так и «мягкой» силы. В экономически и геополитически важном Черноморском регионе, залогом успеха для Турции является стабильность, основанная на системе сдержек и противовесов. Изменения в конфигурации, произошедшие здесь в 2014 г. были восприняты Турцией как нарушение этой стабильности, поэтому формально она и настаивает на необходимости возвращения первоначального статус-кво. Развивая же отношения с Россией по всем возможным направлениям, Турция демонстрирует признание сложившегося положения вещей «де-факто» и стремится извлечь из него максимальную выгоду, в том числе, развивая военно-техническое сотрудничество с Украиной. Крымскотатарский вопрос и дальше будет оставаться камнем преткновения в её отношениях как с Украиной, так и с Россией, однако, вряд ли он будет решающим фактором, определяющим развитие этих отношений.

Результатами данного исследования стали следующие выводы:

- Турция и Украина солидаризировались в вопросе непризнания суверенитета России над Крымом, в результате чего произошло расширение их военно-технического сотрудничества;
- Украина использует крымскотатарский вопрос в качестве средства получения международной поддержки против России;

- Турция продолжает оказывать поддержку крымскотатарскому сообществу и не отказывается от реализации пантюркистского проекта;
- Оказывая военно-техническую помощь Украине, Турция осуществляет сдерживание России и укрепляет свои позиции в Черноморском регионе;
- Военно-политический «альянс» Турции с Украиной представляется зыбким, ввиду различий в интересах и целях двух стран;
- Развивая отношения с Россией, в том числе сохраняя с ней диалог по крымскотатарскому вопросу, Турция «де-факто» признаёт её суверенитет над полуостровом.

Библиографический список:

1. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник РУДН. Серия: политология. – М.: Том 23. № 3. 2021. С. 356.
2. Аватков В.А. Геополитическое измерение турецко-украинских отношений // Постсоветские исследования. Т. 4. № 4 (3). С. 219-225.
3. Национальный склад населения Украины та його мовні ознаки. За даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року. – Київ: Держ.ком.статистики України, 2003. Ч. 1. 219 с.
4. Баранов А.В. Политическая самоорганизация русского сообщества как предпосылка «Крымской весны» // Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны» / Под ред. А. Власова. – М.: Из-во «Аспект Пресс»: 2020. 478 с.
5. Болдырев А.В. К вопросу о состоянии турецких ВМС в 1991–2019 гг. // Восточная аналитика. № 4. – М.: Институт востоковедения РАН, 2020. С. 105-113.
6. Болдырев А.В. Ротационная политика НАТО на Чёрном море в 2014–2015 годах и российско-турецкие отношения // Россия и Турция в новой политической среде / Материалы Третьей международной конференции экспертов-тюркологов (МГИМО г. Москва, 27 марта 2015 г.) / Гл. ред. А.А. Орлов, отв. Ред. В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский, А.В. Федорченко. – М.: ИМИ МГИМО МИД России. 2015. С. 51-67.
7. Гросфельд Е.В., Харабуга В.В. Деятельность Меджлиса крымско-татарского народа по созданию в Крыму национальной государственности крымских татар (2017 г.) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – Симферополь: 2017. Том 3 (69). № 2. С. 55-64.
8. Демешко Н.Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. ... канд. политич. наук. – Симферополь: 2020. 365 с.
9. Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Турецкая республика и Украина: использование крымско-татарского вопроса во внешнеполитическом курсе после 2014 г. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – М.: 2022. Том 22. № 4. С. 755-770.
10. Ирхин А.А., Демешко Н.Э. Крымский аспект российско-турецких отношений: факторы «мягкой и жесткой силы» // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 3. С. 37-49.
11. Карпец Ф.В. Крымскотатарский фактор в турецко-украинских отношениях в 1991–2014 гг. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. – М.: 2024. № 3 (55). С. 112-130.
12. Мурадян И. Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Чёрное море. – Ереван: Антарес, 2008. 744 с.
13. Aydin F.T. Crimean Tatars and Russia's Annexation of Crimea. Turkish Policy Quarterly. Fall 2014. Vol. 13. № 3. P. 81-92.
14. Aydin F.T. Turkey's Policy in the Russian-Ukrainian Crisis. Seta Analysis. February 2022. № 77. 12 p.
15. Ereker F., Özer U. Crimea in Turkish-Russian Relations: Identity, Discourse, or Interdependence? Athens Journal of Social Sciences. Volume 5. Issue 4. P. 371-388.
16. Özçelik S. The analysis of the Crimean Tatars since 2014 Crimean hybrid conflict. CES Working Papers – Volume XII, Issue 1. 2020. P. 42-64.
17. Sezer D.B. Ukraine, Turkey and the Black Sea Region. Harvard Ukrainian Studies, Vol. 20, Ukraine in the world: Studies in the International Relations and Security Structure of a Newly Independent State. 1996. P. 79-101.
18. Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. The University of Utah Press. Salt Lake City. 2016. 221 p.

Reference

1. Avakov V.A., Gudev P.A. Geopolitics of Russian-Turkish relations in the Black Sea region // Bulletin of RUDN. Series: political science. – M.: Vol. 23. № 3. 2021. P. 356.
2. Avakov V.A. Geopolitical dimension of Turkish-Ukrainian relations // Post-Soviet studies. Vol. 4. № 4 (3). P. 219-225.
3. National composition of the population of Ukraine and its language signs. According to the data of the All-Ukrainian population census of 2001. – Kyiv: State Statistics Committee of Ukraine, 2003. Part 1. 219 p.
4. Baranov A.V. Political Self-Organization of the Russian Community as a Prerequisite for the “Crimean Spring” // The Right of Crimeans to Self-Determination: Prerequisites and Evolution of the “Crimean Spring” / Ed. by A. Vlasov. – M.: Publishing House “Aspect Press”: 2020. 478 p.
5. Boldyrev AV On the State of the Turkish Navy in 1991-2019 // Eastern Analytics. № 4. – M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 105-113.
6. Boldyrev AV NATO’s Rotational Policy in the Black Sea in 2014-2015 and Russian-Turkish Relations // Russia and Turkey in the New Political Environment / Proceedings of the Third International Conference of Experts in Turckology (MGIMO, Moscow, March 27, 2015) / Ed. in Chief A.A. Orlov, resp. Ed. V.A. Avatkov, S.B. Druzhi-lovsky, A.V. Fedorchenko. – M.: IMI MGIMO MID of Russia. 2015. P. 51-67.
7. Grosfeld E.V., Kharabuga V.V. Activities of the Mejlis of the Crimean Tatar people to create national statehood of the Crimean Tatars in Crimea (2017) // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. – Simferopol: 2017. Vol. 3 (69). № 2. P. 55-64.
8. Demeshko N.E. International political opposition to the integration of the Crimean Tatars into the geopolitical space of Russia: dis. ... candidate of political sciences. – Simferopol: 2020. 365 p.
9. Demeshko N.E., Irkhin A.A. The Turkish Republic and Ukraine: the use of the Crimean Tatar issue in foreign policy after 2014 // Bulletin of RUDN. Series: International Relations. – M.: 2022. Vol. 22. № 4. P. 755-770.
10. Irkhin A.A., Demeshko N.E. The Crimean aspect of Russian-Turkish relations: factors of “soft and hard power” // Prospects. Electronic journal. 2019. № 3. P. 37-49.
11. Karpets F.V. The Crimean Tatar factor in Turkish-Ukrainian relations in 1991-2014 // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Historical sciences. – M.: 2024. № 3 (55). P. 112-130.
12. Muradyan I. Regional policy of the USA and Great Britain: Turkey – Iran – South Caucasus – Black Sea. – Ye-revan: Antares, 2008. 744 p.
13. Aydin F.T. Crimean Tatars and Russia’s Annexation of Crimea. Turkish Policy Quarterly. Fall 2014. Vol. 13. № 3. P. 81-92.
14. Aydin F.T. Turkey’s Policy in the Russian-Ukrainian Crisis. Seta Analysis. February 2022. № 77. 12 p.
15. Ereker F., Özer U. Crimea in Turkish-Russian Relations: Identity, Discourse, or Interdependence? Athens Journal of Social Sciences. Volume 5. Issue 4. P. 371-388.
16. Özçelik S. The analysis of the Crimean Tatars since 2014 Crimean hybrid conflict. CES Working Papers – Volume XII, Issue 1. 2020. P. 42-64.
17. Sezer D.B. Ukraine, Turkey and the Black Sea Region. Harvard Ukrainian Studies, Vol. 20, Ukraine in the world: Studies in the International Relations and Security Structure of a Newly Independent State. 1996. P. 79-101.
18. Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity. The University of Utah Press. Salt Lake City. 2016. 221 p.

Цао Ханьюань

Аспирантка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Современные отголоски придворной музыки династии Мин*

Аннотация. В витрине Сокровищницы Дворцового музея тихо выставлен набор позолоченных бронзовых колокольчиков династии Мин, а узоры облачных драконов на поверхности колоколов сияют под светом уже 600 лет. Эти спящие ритуальные инструменты никогда бы не подумали, что на сцене Пекинского международного музыкального фестиваля 2021 года композитор Тан Дунь воспроизвел их звуковой спектр с помощью цифровых технологий, позволив древнему Хуанчжун Далу вступить в диалог с современной симфонией сквозь время и пространство. Этот постмодернистский музыкальный эксперимент просто раскрывает уникальное существование придворной музыки династии Мин в современном культурном поле – это не образец в музее и не символ ретроизма, а живая традиция, которая продолжает участвовать в строительстве современной цивилизации.

Ключевые слова: придворная музыка династии Мин, влияние.

Cao Hanyuan

Postgraduate student of Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Contemporary echoes of Ming dynasty court music

Abstract. In the display cabinet of the Treasure House of the Palace Museum, a set of Ming Dynasty gilded bronze chimes are quietly displayed, and the cloud dragon patterns on the surface of the bells are shining under the light for 600 years. These sleeping ritual instruments would never have thought that on the stage of the 2021 Beijing International Music Festival, composer Tan Dun reproduced their sound spectrum with digital technology, allowing the ancient Huangzhong Dalu to engage in a dialogue with modern symphony across time and space. This postmodern music experiment just reveals the unique existence of Ming Dynasty court music in the contemporary cultural field - it is neither a specimen in a museum nor a symbol of retroism, but a living tradition that continues to participate in the construction of modern civilization.

Key words: Ming Dynasty court music, influence.

* © Цао Ханьюань, 2025.

In the “History of Ming Dynasty·Arts and Literature”, Zhonghe Shao Music and Danbi Da Music are the most common court music. Zhonghe Shao Music is the royal music used for court meetings, banquets, etc. in the Ming and Qing Dynasties. Zhonghe Shao Music is a type of court music in the Ming Dynasty, which can be used in two court rituals: court congratulations and banquets. During the court congratulation ceremony, the band of Zhonghe Shao Music was placed on the east and west sides of the main hall by the Jiaofangsi, and the dance team was placed on the east and west sides of the palace steps. During the banquet ceremony, the Jiaofangsi placed the band of Zhonghe Shao Music inside the hall and the band of Da Music outside the hall. At the beginning of this year, the author saw the Zhonghe Shao Music Band on display in the Wumen Exhibition Hall of the Forbidden City, including the golden double dragon button cloud dragon pattern chime bells, gold lacquer painted cloud dragon pattern drums, Zhongni-style qin, jasper painted with gold cloud dragon pattern chime, black lacquer painted cloud dragon pattern zither, wooden painted 祝, wooden painted 敌, etc. As can be seen from the names, most of the musical instruments are gorgeous and rich, with more gold lacquer and cloud dragon patterns, representing the majesty of the royal family. When playing, the music starts with the beating of the dagger, and the music stops with the beating of the drum. At the end of each song, the Jian drum is beaten, and all the music stops; when the drum is beaten, all the music resumes. Danbi Dayue, in the early years of Hongwu, was named because the band was set up on the red wall in front of the Fengtian Hall. It was a special band for the ministers to perform rituals during the court meeting. In the twelfth year of Hongwu, its musical instruments included two Xizhu, two Dagu, two Yun, two Fangxiang, two Xiao, four Touguan, four Di, four Sheng, one Zhanggu, and one Clapper. In the Qing Dynasty, all the emperors, empress

Figure 1. Gilded Bronze Chimes.

dowagers, and empresses used it when they received congratulations in the palace and performed rituals in the palace. It is also mentioned in the “History of Ming Dynasty-Arts and Literature” that “Danbi Dayue was established in the third year of Hongwu... The Empress Dowager and the Empress Dowager used it together on the first and fifteenth days of the lunar month...”

The Contemporary Transformation of the Ritual and Music Gene

The court music system of the Ming Dynasty inherited the Zhou rituals, with “Zhonghe Shao Music” as the core, and built a complete music system covering different occasions such as sacrifices, court meetings, and banquets [1]. According to the “Taichang Xukao” preserved in the Taichang Temple, there were more than 100 sets of sacrificial music revised during the Jiajing period alone, forming a strict system of “eight-tone harmony and five-tone harmony”. This feature of the deep integration of music and ritual has been given a new interpretation in contemporary public cultural space. At the opening ceremony of the 2016 Hangzhou G20 Summit, the editing and directing team integrated the rhythm system of the Ming Dynasty “Zhonghe Shao Music” with Jiangnan silk and bamboo music, and used modern sound, light and electricity technology to reconstruct the audio-visual landscape of “ritual and music complement each other”, showing the ability of Chinese traditional culture to respond to the proposition of modernity.

In terms of musical form, the “Twelve-tone equal temperament” theory of Ming Dynasty court music was systematized by Zhu Zaiyu [2]. It not only ap-

Figure 2. Zhonghe Shaole.

peared earlier than the Western equal temperament theory, but also became the cornerstone of the modern music system. The Ming Dynasty qin and se ensemble “Wen Wang Cao” [3, 4] restored by the Central Conservatory of Music in recent years has confirmed through sound measurement technology that its scale structure is surprisingly consistent with the modern piano temperament. This resonance across time and space has made Ming Dynasty court music no longer a dusty score, but a living musical DNA.

Artistic experiment of deconstruction and reconstruction

Contemporary artists’ re-creation of Ming Dynasty court music demonstrates a pioneering attitude towards deconstructing tradition. In his symphonic poem “Yongle” [5], young composer Gong Tianpeng combined the Taoist music elements of “The Great Ming Imperial Xuanjiao Music” [6] with the language of expressionist music, using dissonant intervals to simulate the sound waves of the Yongle bell. This kind of creation is not a simple collage of elements, but rather a process of heterogeneous treatment of timbre and rhythm to implant modern people’s spiritual anxiety into the matrix of traditional music.

Figure 3. Qin from the Ming Dynasty.

The intervention of digital technology has opened up a new dimension for the restoration of ancient music. The “Ancient Music Resound” project, jointly developed by the Palace Museum and Tencent, uses AI algorithms to analyze the gongche notation of the Ming Dynasty and successfully restores the performance scene of “The Music of the Imperial Ancestral Temple for Heavenly Sacrifice”. When 3D holographic projection reproduces the rituals of Ming Dynasty music and dance, the boundary between virtual and reality is broken, and traditional ritual music obtains the existence form of cyberspace. This technology empowers

谱例 1 《迎神》

巍巍道德显至灵，阴阳斡运
化育成。冥冥窈窕非常名，
超离浩劫能长生。乘云驭颺
来太清，苹系荐祀鉴衷诚。

谱例 2 《献供》

妙运神化二气中，甄陶群生
普圣功。昭兹扬灵降璇穹，
琼轮紫盖纷若从。神祇鉴歆
福来崇，穰穰简简被无穷。

Figure 4. The Great Ming Imperially Composed Mystical Music.

Figure 5. Taoist music of the Divine Music of the Cave.

Figure 6. Emperor Xianzong Enjoying Pleasure.

the court music of the Ming Dynasty to break free from the limitations of material carriers and transform it into an infinitely renewable digital heritage.

The modern construction of cultural identity

In the field of intangible cultural heritage protection, Ming Dynasty court music is undergoing a paradigm shift from academic research to cultural practice. The “Ming Dynasty Yayue Restoration Project” hosted by the Chinese Academy of Arts has gradually reconstructed a complete system from instrument production to performance techniques by examining 207 existing Ming Dynasty music relics and 43 music score manuscripts [7]. This academic practice not only has musicological value, but also shapes the cultural memory of contemporary people in the process of reconstruction. Ming Dynasty music elements in the popular culture field show a diversified trend. The film and television drama “The Glory of the Ming Dynasty” mixes court banquet music with electronic music to create a historical soundscape that modern audiences can perceive; the background music in the online game “Painting Reality: A Thousand Mountains of Wonderful Brushstrokes” cleverly uses the melodic characteristics of Ming Dynasty sacrificial music. These cultural products use postmodern techniques such as appropriation and parody to integrate traditional music elements into contemporary aesthetic experience and complete the implicit construction of cultural identity.

Conclusion

In the East Side Hall of the Zhongcui Palace in the Forbidden City, there

Figure 7. The splendor of the Ming Dynasty.

are musical instruments such as the cloud gong and the sheng pipe used in the Ming Dynasty court. These silent cultural relics form a wonderful echo with the “ancient music” played on the mobile phones of tourists outside the exhibition hall, witnessing the continuous flow of traditional music genes in the body of contemporary culture. From the red walls and yellow tiles of the Forbidden City to the bit torrents of digital space, the court music of the Ming Dynasty has always been in dialogue with the cultural context of each era, proving that the true tradition is never a solidified past tense, but a never-ending present tense. This endless inheritance mechanism is precisely the deepest vitality of China’s ritual and music civilization.

Библиографический список / Reference

- Li Shunhua, *Ritual Music and Drama in the Early and Middle Ming Dynasty*, Shanghai, Shanghai Ancient Books Publishing House, 2006. P. 10-11.
- Shen Shixing, *Ming Hui Dian*, Beijing: Zhonghua Book Company, 1989. P. 2-3.
- Wang Chaohong, *A Study of Ming and Qing Dynasty Playwrights*, Appendix, Beijing: China Social Sciences Press, 2006. P. 461-46.
- Wang Qi, *Continuation of General Examination of Literature*», Beijing: Modern Publishing House, 1986. P. 30-31.
- Ji Huang, *The Imperially Commissioned Continuation of the Comprehensive Examination of Literature*, Beijing: Modern Press, 1986. P. 7-8.
- Research on Taoist Ritual Music in the Ming Dynasty // m.fx361.com 2018. May 13 // URL:<https://m.fx361.com/news/2018/0513/3506390.html> (30.03.2025).
- History of Ming Dynasty” Volume 74, Records № 50, Official Positions III, written by Zhang Tingyu et al. (Qing Dynasty), Zhonghua Book Company, 1974 edition.

Суфэйнуэр Сайфудин

Докторант школы языка и литературы китайских этнических меньшинств. Китайский университет Минцзу города Пекин, Китай.

Культурный обмен между цивилизациями уйгуров и Центральных равнин в XI веке*

Аннотация. “*Кутадгу билиг*” — эпическое поэтическое произведение, созданное на древнеуйгурском языке в период правления династии Караханидов, в XI веке, в контексте китайской истории. Поэма, объединяя изысканные этнические поэтические формы с глубокими философскими размышлениями, раскрывает социальную действительность древнеуйгурского народа, демонстрируя его открытость и инклюзивность в культурном плане. С точки зрения пространственного охвата, “*Кутадгу билиг*” является выдающимся примером взаимодействия и взаимовлияния восточной и западной цивилизаций, связанных Великим Шелковым путем, что обуславливает его роль как репрезентативного образца для изучения культурного обмена. В историческом плане поэма возникла в период, когда режим Караханидов обрел независимость от тюркского владычества и переживал переход от кочевого земледелия к феодальному устройству. Анализ произведения предоставляет ценные сведения об идеологических переменах, которые претерпело уйгурское государство в период смены династий, и способствует пониманию процесса постепенной интеграции уйгурского народа в китайское национальное пространство.

Ключевые слова: Кутадгу Билиг, Культура Центральных равнин, древняя уйгурская культура, культурный обмен, культурная интеграция.

Sufeinuer Saifuding

Doctor of School of Chinese Ethnic Minority Languages and Literatures, Minzu University of China, Beijing China.

Cultural exchange between Uyghur and central plains civilizations in the 11th century

Abstract. *Kutadgu Bilig* is a long poem written in the Uyghur language (Old Uyghur) during the 11th-century Kara-Khanid Dynasty in Chinese history. Integrating

* © Суфэйнуэр Сайфудин, 2025.

elegant ethnic poetic forms with profound philosophical insight, the work reflects the deep social realities of the ancient Uyghur people and embodies their open and inclusive cultural disposition. Spatially, the poem represents a remarkable product of the encounter and interaction between Eastern and Western civilizations at the core of the Silk Road—making it a representative case study for the exploration of cultural exchange. Temporally, the work emerged during a period when the Kara-Khanid regime had separated from Turkic rule and was transitioning from a nomadic-agricultural economy to a feudal one. Its study provides valuable insights into the ideological transformations experienced by the Uyghur state during dynastic shifts and contributes to understanding how the Uyghur people gradually integrated into the broader Chinese national community.

Key words: Kutadgu Bilig, Central Plains culture, ancient Uyghur culture, cultural exchange, cultural integration.

1. Introduction

In the 11th century, the thinker and poet of the Kara-Khanid Dynasty, Yusuf Khass Hajib, completed his literary masterpiece, the epic poem *Kutadgu Bilig*, in the Uighur language between 1069 and 1070. *Kutadgu Bilig* presents an idealized vision of a blissful homeland, outlining an intelligent and civilized society through the story of a wise ruler governing his country. The author conveys his political views through the dialogues of four fictional characters: the King, the Minister, the Minister's Son, and the Recluse. These four characters symbolize four distinct concepts: the King represents absolute justice and social order in the state, the Minister symbolizes the happiness and fortune of the people, the Minister's Son embodies human wisdom, and the Recluse is a metaphor for the afterlife and contentment. The fundamental values of life and the basic structure of social and political systems are presented to the reader through their conversations. Yusuf Khass Hajib wrote, "I have named this book *Kutadgu Bilig*, wishing it to guide readers towards happiness." Through the relationship between knowledge and happiness, the poem also integrates the value and meaning of life. The work primarily consists of dialogue in verse form, totaling over 13,000 lines, with 80 chapters in the main text, along with two prefaces and three appendices. The content is rich, the style innovative, and the artistic value is high. The work is deeply imbued with humanistic spirit and holds significant importance in the reform of Uighur culture. It is a monumental achievement in the history of Uighur literature and philosophy, offering profound insights into cultural exchanges between the Uighurs and other ethnic groups. This work also occupies an important place in the literary history of China. This paper focuses on the depiction and background of *Kutadgu Bilig*, with an emphasis on the cultural exchange between the Uighur people and the Central Plains during this period.

2. Analysis of the Current Research Status

As an international subject of study, research on *Kutadgu Bilig* began over two centuries ago and has since spread worldwide. The study of *Kutadgu Bilig* in China, however, started much later than that of international scholars in this field. Nevertheless, in the past thirty years, with the continuous development and deepening of domestic academic research, the study of *Kutadgu Bilig* in China has made significant progress, yielding abundant research results. In the early stages, research on *Kutadgu Bilig* was largely conducted by foreign scholars, who focused mainly on the issues of the book's versions and translations. In more recent times, the emphasis has shifted to interpretations of the Western cultural elements contained within the work. Around the mid-20th century, with the gradual publication of Chinese translations of the text, the language barrier and other limitations were overcome, allowing domestic scholars to delve deeper into the study of *Kutadgu Bilig*. This has led to strong development in the research, covering areas such as textual translation, academic activities, and interdisciplinary interpretations. Among the most studied aspects of *Kutadgu Bilig* is the comparison between it and the literary works of various other cultures, such as the *Analects*, the *Great Learning*, the *Four Books*, *The Art of War*, *Zizhi Tongjian*, and Neo-Confucianism of the Northern Song Dynasty. While the content is too specific and the themes discussed are largely similar, these studies collectively argue that the writing of *Kutadgu Bilig* was influenced by the Confucian and Daoist cultures of the Central Plains. This conclusion forms the premise of the discussion in this paper. On this basis, this study will explore the cultural structure and the intercultural exchanges between different ethnic groups.

2.1 Cultural Integration

Kutadgu Bilig is the product of the ancient wisdom of the Uighur people and an outstanding literary work of significant historical relevance. Such a work has deep roots in the traditional culture of the Uighur people. The historical period depicted in *Kutadgu Bilig* coincides with the time of the Uighur migration to the west, when they settled north of the Tianshan Mountains, strategically located at the crossroads of the Silk Road. During this period, the Uighurs were influenced by the diverse cultures surrounding them, and as a result, the work presents a multi-layered cultural structure.

Liu Bin argues that the cultural background of the creation of *Kutadgu Bilig* primarily includes three aspects: First, the frequent appearance of Uighur proverbs, sayings, and other traditional elements in the work reflects that the traditional Uighur culture and ethnic consciousness dominate the ideological core of the text. Second, the work embodies the integration of Central Plains Han culture with Uighur traditional culture. The author clarifies in the preface that the book is “adorned with the words of philosophers from the Qin region and

the poetry of scholars from the Ma Qin era”. Third, the work was influenced by various external factors, including religion, literature, and language.

Lang Ying points out, “In this immortal poetic work, it reflects the ideas and customary forces that dominated the Uighur people in the 11th century, revealing the behavioral patterns, ways of thinking, life interests, and value orientations of the Uighurs during that time. *Kutadgu Bilig* embodies the Uighur cultural tradition, continuing and promoting the cultural heritage of the Uighur people.” The author analyzes this argument from four aspects: the concepts and beliefs presented in *Kutadgu Bilig*, its writing style, and the development of traditional culture [1].

Liu Bin, from a linguistic perspective, interprets *Kutadgu Bilig* through the lens of the “theory of common belonging”. He argues that researchers should not view *Kutadgu Bilig* merely as a typical linguistic specimen, but should consider the language within the specific historical context in which it was produced [2].

Zhang Fengwu believes that in past research, scholars have tended to trace the ideological core of *Kutadgu Bilig* back to the Arab-Persian cultural system, neglecting the influence of Central Plains culture. He attempts to argue that *Kutadgu Bilig* was primarily conceived and produced within the historical context of Chinese traditional culture [3].

Chen Hengfu focuses on exploring the relationship between *Kutadgu Bilig* and Central Plains culture. He compares *Kutadgu Bilig* with works such as *Tai Gong Jia Jiao* and *Bai Xing Zhang*, arguing that the level of Islamization in 11th-century Uighur society was not very high, and that the influence of Central Plains cultural traditions on Uighur culture should not be overlooked [4].

2.2 Ethnic and Cultural Exchange Between the Han and Uighurs in History

In 1877, the German geographer F. von Richthofen first defined the “Silk Road” in his work *China’s Historical Travels* [5], referring to it as “the trade route primarily for silk between Han China and Central and South Asia, as well as India”. Following this, with scholars’ ongoing research into related archaeological findings, the basic connotation and scope of the “Silk Road” were expanded to include both the overland and maritime Silk Roads. The emergence and development of the Silk Road not only facilitated material exchanges but also had a profound and indelible impact on promoting ethnic interactions. The Kara-Khanid Dynasty was situated at the crossroads of China and Central Asia along the ancient Silk Road. The flourishing economy during the Silk Road period undoubtedly facilitated cultural exchanges between the ethnic groups along the route.

Li Wei and Yao Luqing believe that, throughout the long course of historical development, Chinese culture has met the needs for communication, interaction, and integration with surrounding ethnic groups on both spiritual and practical

levels, thus promoting cultural exchange. The increasing attraction between different ethnic groups gradually formed a sense of national identity with common characteristics shared among multiple ethnicities.

Reyhan Kader analyzes that, within the context of the “Belt and Road” initiative, China should rely on the classical heritage of relevant ethnic groups and their cultural diversity to foster a cultural dialogue atmosphere based on mutual learning and shared appreciation of heritage. *Kutadgu Bilig* offers pathways for contemporary people to improve moral cultivation, enhance governance, and build a harmonious society. At the same time, the ideas contained in this work represent ethical values widely respected by various countries and ethnic groups, providing momentum for the protection of intangible cultural heritage and the sustainable development of society, environment, and economy, driven by cultural harmony and shared heritage [6].

In summary, scholars have long emphasized the study of the ideological origins of *Kutadgu Bilig*, and the research trends can be divided into two main categories. The majority of researchers believe that the ideas in *Kutadgu Bilig* primarily stem from Western Arab-Islamic civilization, with fewer contributions from Central Plains civilization. However, some researchers strongly argue that *Kutadgu Bilig* is closely connected to traditional Chinese culture. The debate between these two perspectives has persisted since the 1970s and remains unresolved to this day. This paper suggests that the distinctiveness of each culture can be set aside, and, based on existing research, we should explore the feasibility and advantages of different civilizations serving the same regime. The goal is to argue that *Kutadgu Bilig* represents a fusion of multiple cultures. The proportion of Eastern and Western cultures in the work is not the central focus; rather, it is the different roles these cultures play, reflecting the author’s cultural inclination—specifically, his active alignment with the outstanding culture of the Central Plains. This paper will use this as a starting point to demonstrate that *Kutadgu Bilig* is an excellent work that selects and incorporates the best elements of both Eastern and Western cultures, showcasing the cultural interaction and exchange between the Han and Uighur peoples in the 11th century, which holds significant research value.

3. Historical Foundations of Cultural Exchange between the Kara-Khanid Dynasty and Han Chinese Civilization

3.1 Geographical Context

In 744 CE (the third year of the Tianbao reign of the Tang Dynasty), the Uyghur tribes—long engaged in nomadic migrations across the upper reaches of the Yenisei River and the Baikal region—formed an alliance with the Karluks and other groups to overthrow the Second Turkic Khaganate. This coalition established the Uyghur Khaganate, which maintained close ties with the Tang

Dynasty and emerged for the first time as an independent political force on the historical stage. During this period, the Uyghurs constructed more than twenty cities in the Northern Desert region, with their dominion extending across the Mongolian Plateau, southern Siberia, and the Junggar Basin. The capital city, Karabalgasun, located in the Orkhon River basin, became a vital political, cultural, and economic hub. Owing to its favorable geographic location and accessible transportation routes, the region engaged in frequent and significant exchanges with the cultural heartland of the Central Plains. The Northern Desert in ancient China was historically a concentration zone for northern nomadic tribes, including the Xiongnu, Rouran, Xianbei, Turks, and Uyghurs. Due to geographical proximity, cultural interactions between these nomads and the Central Plains were a constant historical phenomenon—whether through peaceful exchanges or violent conflict. In 840 CE (the fifth year of the Kaicheng reign under Emperor Wenzong of Tang), the Uyghur Khaganate was destroyed by the Kirghiz. As a result, the Uyghur people split into four major groups and migrated on a large scale: one group moved south to settle near the Great Wall in present-day Hebei Province, while the other three migrated westward into regions such as the Hexi Corridor, the Turpan Basin, and the area west of the Pamir Mountains in Central Asia. These migrating Uyghur groups subsequently established distinct political entities, including the Hexi Uyghur Kingdom, the Gaochang Uyghur Kingdom, and the Kara-Khanid Dynasty. During this period, the Uyghur people became widely distributed across various regions of historical China. Although each branch assimilated into different cultural frameworks, they shared one commonality: all came under the influence of Central Plains civilization to varying degrees. Situated in Central Asia, the territory controlled by the Kara-Khanid Dynasty occupied a strategically significant position along China's western passage. The Uyghur communities that retained elements of Central Plains cultural tradition arrived in this region, maintaining cultural ties with the Chinese heartland. At the same time, they integrated their own ethnic heritage with the achievements of other advanced civilizations, thereby creating a brilliant legacy of cultural synthesis.

3.2 Historical Foundations of Sino-Uyghur Relations

“The Uyghurs, a powerful Turkic ethnic group, were not only adept at warfare but also skilled in maintaining harmonious relations with surrounding peoples.” [7] The historical records of friendly interaction [7] between the Han Chinese and Uyghur peoples can be traced as far back as the Shang-Yin period. During the era of the Northern Desert dominance, the historical documentation of active contact between the Uyghur Khaganate and the Han-led central authorities of the Central Plains is abundant. In particular, during the

7th century CE, successive leaders of the Uyghur Khaganate adhered to a consistent political strategy of “allying with the Central Plains and competing for supremacy in the Northern Desert”. With the support of the Tang Dynasty, the Uyghurs launched a series of military campaigns aimed at consolidating control over both northern and southern desert territories. Through coordinated military and political collaboration, the Uyghur tribes emerged as the dominant force in the region around 646 CE. During this time, the tribal chieftains, led by Tumidu, personally traveled to pay homage to Emperor Taizong of Tang (Li Shimin), pledging allegiance to the imperial court. In recognition of their loyalty, the Tang court granted the Uyghur Khaganate a degree of autonomous rule. Over the following decades, the Uyghurs and Tang China developed a mutually beneficial relationship marked by military cooperation and political alliance. Notably, five Tang princesses entered into matrimonial alliances with the Uyghur Khaganate, symbolizing deep interethnic ties. Such close contact enabled the Uyghur people to be continuously and profoundly exposed to the advanced culture of the Han Chinese. The influence of Han civilization became deeply embedded in the collective historical consciousness of this once predominantly nomadic population, sowing the seeds of intellectual and cultural development that would flourish in later generations. It can therefore be inferred that when the westward-migrating Uyghurs later reconstructed the political, economic, and cultural systems of the Kara-Khanid Dynasty, they inevitably and perhaps even unconsciously incorporated elements of the most sophisticated cultural framework they had previously encountered—namely, the culture of the Central Plains. *Kutadgu Bilig*, as a monumental treatise on governance and political philosophy, contains numerous parallels with Chinese political thought that may initially appear coincidental. However, from a historical and cultural perspective, these commonalities are entirely reasonable and can be traced back to the deep-rooted historical interactions between the Uyghurs and Han Chinese.

4. Cultural Exchange between Han and Uyghur Civilizations as Reflected in *Kutadgu Bilig*

4.1 The Author's Reference to the Central Plains Regime

Kutadgu Bilig mainly presents the author's political philosophy through long allegorical poems. The ideas of Central Plains culture contained in the work are rarely expressed directly or explicitly; rather, the similarities in content can be discerned by comparing the two systems of thought. However, the author does not deny or avoid the origins of his ideas. In the author's self-statement in the preface of *Kutadgu Bilig*, Yusuf openly admits:

“This book is extremely precious,

It is adorned with the maxims of philosophers from the land of Qin

And the poetry of scholars from the Ma Qin era;
Those who read this book,
Those who transmit its verses,
Will be even more precious than the book itself.” [8]

He also states:

“The author is a devout believer born in Balasagun,
He completed this book in Kashgar,
And presented it to the monarch of the East, Toghrul Bughra Khan.” [8]

These two short passages appear immediately after the opening praise to Allah. To understand their meaning, the key lies in clarifying the specific references of the terms “Qin”, “Ma Qin”, and “Peach-Blossom Stone”. This has sparked much academic discussion. According to the Compendium of the Turkic Dialects, another monumental Uyghur work from the 11th century, “Peach-Blossom Stone—this is the name of Ma Qin. Qin is four months’ journey from Khitan. Qin was originally divided into three parts: Upper Qin in the east is Peach-Blossom Stone; Middle Qin is Khitan; Lower Qin is Balasaghun. And Balasaghun is Kashgar. But today, Peach-Blossom Stone is called Ma Qin, and Khitan is called Qin.” [9] Based on this, Russian scholar V. V. Barthold proposed: “Qin refers to northern China, and Ma Qin refers to southern China. The term ‘Peach-Blossom Stone’ is used only for Ma Qin, also called Upper Qin. Middle Qin refers to central China ruled by the Khitan. Lower Qin refers to the southern region of Xinjiang.” [10] Additionally, some modern scholars, from the perspective of phonetics, argue that “Peach-Blossom Stone” is a transliteration of “Tuoba”. Since the Tuoba clan was powerful in northern China from the Wei and Jin dynasties through the Tang, and had a profound influence on Central Asia, “Peach-Blossom Stone” came to be used as a synonym for the Central Plains or the Han people.

What is thought-provoking is that the “Peach-Blossom Stone Bughra Khan” mentioned in the text is clearly not a ruler of the Central Plains regime, but the leader of the Kara-Khanid Dynasty. According to the analysis of Reyhan Kader in her work, due to the long-standing alliance and intermarriage between the Tang Dynasty and the Uyghur regime—and because the Uyghurs once helped the Tang court survive the An Lushan Rebellion and restore its rule—the rulers of the Kara-Khanid Dynasty consistently regarded themselves as having an uncle-nephew relationship with the Han Chinese rulers. As such, they believed they had the right to consider “Peach-Blossom Stone” as part of their own sphere of influence. [11]

In summary, from the author’s reference to the Central Plains in *Kutadgu Bilig*, one can observe the Uyghur people’s sense of closeness to and admiration for Central Plains culture during the 11th-century Kara-Khanid period. This laid a solid foundation for further cultural exchange and integration between the two

ethnic groups and brought Uyghur culture into closer affinity with the culture of the motherland.

4.2 Frequent Commercial Exchanges

E. Malov stated, “We know that pastoral peoples (Turks, Uyghurs, Mongols, and others) always strove to engage with neighboring agricultural communities in order to obtain products they themselves lacked.” [12] First, out of the need for survival, nomadic peoples were generally adept at interacting with agricultural civilizations, and the most direct expression of this was exchange. Clearly, the Uyghurs who migrated westward to the Western Regions did not erase their inherent commercial instincts. Second, the Kara-Khanid Dynasty was located at a strategic chokepoint on the Silk Road connecting China and Central Asia, bordering the trade routes of various commercial states in Central Asia to the west, and adjacent to the resource-rich and economically advanced Han Chinese regime to the east. Under the influence of such an open historical and geographical environment, the vivid commercial scenes described by Khass Hajib in Kutadgu Bilig are not difficult to imagine:

“The brown earth is draped in green silk,

The Khitan caravans once more display brocades from Peach-Blossom Stone.”

“Some bring precious gifts from the East,

Others hasten from the West, offering their sincere hearts.” [8]

Due to the ease of travel and communication, the Kara-Khanid Dynasty sent delegations to the Song Dynasty more than fifty times, and they were received with favor by the Song rulers. They transported frankincense to the Song court and brought back silk fabrics, garments, gold and silver utensils, and tea. However, economic exchange inevitably led to cultural exchange. Such commercial interactions, being mutually beneficial and conducive to peaceful coexistence, were able to develop over a long period of time. This provided ample opportunity for sustained and smooth cultural exchange between the two peoples.

(3) Mutual Understanding and Integration of the Two Cultures

The Uyghur Khaganate drew inspiration from the cultural system of the Central Plains and, based on the cultural needs of its own people, carried out historically significant reforms to its ethnic culture. These reforms were largely successful. Being adjacent to the Central Plains and regarding its culture as an important point of reference, the Uyghur people achieved remarkable progress. This transformation brought ancient Uyghur society to a more civilized stage on a spiritual level, thereby fostering considerable cultural confidence.

“The book records the wise words of sages,

Like strings of pearls radiating brilliance.

The emperor of the East—the monarch of Ma Qin,

A worldly talent, wise and erudite,

All wish to claim this book as their own,
 To store it in their treasure houses and cherish it deeply,
 Unwilling to let it fall into other hands,
 Treated as a national treasure, passed on to future generations.”
 “The scholars and sages of Qin and Ma Qin
 All praise this book as extremely elegant.”
 “In the eastern lands, among the Turks and the Qin people,
 There is no book that can compare with this one.
 Whoever writes such a fine book again,
 I shall offer praise and deep gratitude.
 In cities and courts throughout the world,
 People have given this book their own names.
 The sages and philosophers of every nation
 Call it according to their own customs.
 The people of Qin call it *The Imperial Book of Rites*,
 The people of Ma Qin call it *The Intimate Counsel of the State*,
 The people of the East hold it in high esteem,
 Referring to it as *The Adornment of Kings*.” [8]

From this passage, two key points can be identified. First, Yusuf deliberately paid attention to the development and dynamics of Central Plains culture. Since there are no clear biographical records of the author, Yusuf Khass Hajib, in either Chinese historical texts or Uyghur sources, scholars have long been unable to determine whether his writing was influenced by Han Chinese culture based on his personal life experience. This article argues that the content of this passage indicates that, after the publication of *Kutadgu Bilig*, the Uyghur people had accessible channels through which they could learn about how people from various regions of the Central Plains evaluated the work, and that there were individuals capable of accurately translating the interpretations of different ethnic groups. This demonstrates that cultural exchange between the Han and Uyghur peoples was frequent during this period. The text also mentions that “he [Yusuf] left his homeland and wandered in many places in order to compose this poem.” What were these “many places”? Clearly, among the few regions mentioned in the work, the Central Plains appears prominently in the list. Therefore, it is highly probable that Yusuf consulted Central Plains civilization during the writing process, and may even have visited the Central Plains specifically for this purpose.

Second, the cultural exchange between the Han and Uyghur peoples during this period was bidirectional. In the first preface, the author wrote, “This book is extremely precious; it is adorned with the maxims of philosophers from the land of Qin and the poetry of scholars from the Ma Qin era.” When this statement is compared with the citations discussed earlier, one can discern an internal logic:

the work draws upon the sayings and poetry of scholars from Qin and Ma Qin, and the completed work is then regarded by the people of those regions as a unique and invaluable treasure. From the fact that the author was aware of the dissemination of *Kutadgu Bilig* in the Central Plains, it can be inferred that this work, which absorbed elements of Han Chinese culture, was recognized as an outstanding literary achievement. If it had merely been a replica of Han works, it would not likely have attained such recognition. *Kutadgu Bilig* incorporated Han cultural elements into the structure of Uyghur cultural tradition, integrating intellectual contributions from multiple ethnic groups. Its innovation and philosophical depth were key to its acceptance by the culturally advanced peoples of the Central Plains. Moreover, scholarly research has shown that the author's claims are not mere self-praise. In 1990, a collection of maxims attributed to Genghis Khan and titled *Kutadgu Bilig* was published abroad. The publisher regarded the collection as an imitation of Yusuf's original work. [13] This further confirms that *Kutadgu Bilig*, as an outstanding and enduring literary classic, reflects the bidirectional cultural exchange between the Han and Uyghur peoples in the 11th century and, to a certain extent, contributed to the integrated development of the cultures of China's various ethnic groups.

5. The Ideological Connotation of Han-Uyghur Cultural Exchange in *Kutadgu Bilig*

5.1 *Kutadgu Bilig* Promoted Cultural Integration between the Han and Uyghur Peoples

Scholars have long attached great importance to the study of the ideological origins of *Kutadgu Bilig*. Most researchers believe that the ideas contained in *Kutadgu Bilig* primarily originate from Western Arab-Islamic civilization, with relatively little influence from Central Plains civilization. Another group of scholars, however, strongly argue that *Kutadgu Bilig* has an inseparable connection with traditional Chinese culture. The debate between these two perspectives has persisted since the 1970s and remains unresolved to this day. This article contends that the distinctiveness of each culture may be set aside. On the basis of existing research, it is possible to examine the feasibility and advantages of different civilizations serving the same regime, in order to argue the following point: *Kutadgu Bilig* embodies a form of multicultural integration, in which the relative proportions of Eastern and Western cultural elements are not the central issue. What matters is the distinct roles played by each culture within the text.

According to the research of Lang Ying and other scholars, *Kutadgu Bilig* was produced during the Islamic cultural period of Kashgar. Due to geographic proximity and shared religious beliefs, the work inevitably bears strong traces of Islamic culture. On the surface, it reflects the cultural atmosphere of the

Arab-Islamic peoples as well as the academic ideas and scholarly methods of Muslim intellectuals. Both the form and content of the work are largely influenced by Islamic poetry, while its rhetorical techniques and use of astronomical knowledge reflect the influence of Persian culture. [14] From this, it is evident that although *Kutadgu Bilig* appears to be closely linked to Islamic culture, this connection is largely superficial. Most of its features rooted in Central Asian civilization pertain to its structure, linguistic expression, and stylistic framework. However, its deeper ideological content draws from other sources. In this regard, an increasing number of modern scholars have sought textual evidence of similarities between *Kutadgu Bilig* and the culture of the Central Plains, conducting extensive comparative studies. Building on this foundation, this paper further argues that the political wisdom and ethical essence embodied in *Kutadgu Bilig* are largely consistent with the theoretical foundations of Chinese Confucian and Daoist traditions—particularly those represented by Northern Song Confucianism. As mentioned earlier, the influence of Central Plains Han culture on Uyghur culture has a long history. Compared with the Arab-Islamic civilization, it had the advantage of being an earlier and more established presence. As a result, elements of Han Chinese culture are deeply embedded in the ideological core of the Uyghur people, profoundly shaping their implicit behavioral patterns.

This point can also be observed in the structure of the text. The work is divided into three main parts: the first part consists of the opening eleven chapters, which primarily offer praise to Allah; the second part, from chapter twelve to chapter eighty-five, constitutes the main narrative of the story; the third part includes the final three appendices, which mainly consist of lyrical poems expressing the author's personal emotions. Among these, the first and third parts reflect the adoption of an Islamic cultural framework, while much of the ideological content in the second part can be traced to influences from Central Plains culture. This method of using an Islamic cultural exterior to express inner ideas derived from Central Plains civilization reflects a writing approach of "Western form, Chinese content". In *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*, American cultural theorists Kroeber and Kluckhohn stated that "culture consists of explicit and implicit patterns of behavior, and the core of culture is traditional (i.e., historically acquired and selected) ideas, especially the values they convey". In the context of *Kutadgu Bilig*, Central Plains culture undoubtedly constitutes the "implicit" aspect of the Uyghur cultural identity that the author intended to convey. Although this implicit culture is expressed in a subtle and reserved manner, it is more likely to represent the core values the author aimed to express. By wrapping the true cultural message in a Western stylistic form, the author facilitated the local readers' understanding and acceptance of Central Plains culture. This integration of Uyghur traditional

culture with Central Plains civilization was achieved in a natural and seamless way, producing a silent yet profound influence.

5.2 The Inherent Cultural Affinity Between Uyghur Culture and the Culture of the Motherland

From the perspective of Chinese history, the relationship between Central Plains culture and the cultures of surrounding ethnic groups has always been one of mutual exchange and mutual influence. While Central Plains culture continuously spread outward, the cultures of other ethnic groups also exerted influence on it. The two were interconnected, not only enriching the cultures of neighboring peoples but also making Central Plains culture increasingly inclusive and comprehensive. In this way, culture broke through regional boundaries and continued to integrate and develop. As a result, modern scholars of national culture have proposed a theory that the Chinese nation possesses a distinct “pluralistic unity” character, and its culture likewise reflects a clear “pluralistic unity” quality.

The attitude of the Uyghur people toward Central Plains culture as reflected in Kutadgu Bilig was neither one of wholesale adoption nor mechanical transplantation. Rather, it involved deliberate selection, followed by integration with indigenous culture, resulting in interpretations that aligned with the region’s religious beliefs and historical disposition. For example, the text states:

“The king is born as the master of the state,
From childhood he learns noble and virtuous deeds.
Whomever the Almighty grants the throne,
He also bestows the wisdom to govern.
Whomever the Almighty shapes into a king,
He likewise grants him intellect and wings to rise.
The affairs of the state are the affairs of the sovereign,
Only the ruler can truly comprehend them.” [8]

The admonition given by Wisdom to the king clarifies the monarch’s responsibility to the state and emphasizes the importance of wisdom. This undoubtedly aligns with the traditional Confucian philosophy of governance in Han Chinese culture. However, a clear distinction lies in the fact that Wisdom believes the ruler’s authority comes from the Almighty, that his wisdom is likewise granted by the Almighty, and that his actions must be accountable to the Almighty. As the ultimate source of power and the supreme overseer, the Almighty restrains the monarch—a concept deeply rooted in the cultural characteristics of the Uyghur people. While Confucianism also upholds the idea of “divine right of kings”, it focuses more on deepening royal authority to inspire reverence among the people, rather than emphasizing strict con-

straints on royal power. This demonstrates that the Uyghur approach to Central Plains culture was one of selective adaptation and integrated development. Upholding an open and proactive attitude toward absorbing advanced culture, the Uyghurs embraced inclusiveness and formed a cultural character that both reflected their ethnic identity and maintained a strong cultural affinity with the broader national tradition. Fei Xiaotong once wrote in *The Pattern of Pluralistic Unity of the Chinese Nation*, “The process of forming the pluralistic unity of the Chinese nation was achieved gradually, beginning with cohesion centers in each region, which independently formed preliminary unified entities.” *Kutadgu Bilig*, embodying this very idea, shows that Uyghur thought had, to a certain extent, developed its own system, becoming a brilliant “unit” within the pluralistic unity of the Chinese nation. This unique pattern of Uyghur culture facilitated smoother interaction with the Central Plains in later periods and, objectively, promoted the reintegration of Uyghur culture into the national cultural system, making it one of the invaluable components of Chinese civilization.

6. Conclusion

Located at the intersection of Eastern and Western civilizations, the Kara-Khanid Kingdom has left behind a rich cultural legacy of the Uyghur people. Among this legacy, *Kutadgu Bilig* stands out as the most brilliant jewel, delivering invaluable cultural insights. This paper has analyzed the cultural exchange between the Han and Uyghur peoples as reflected in *Kutadgu Bilig* during the 11th century from three perspectives: historical background, textual analysis, and ideological connotation, and has arrived at the following conclusions. First, *Kutadgu Bilig* represents a form of multicultural integration; the proportion of Eastern and Western cultural elements is not the central focus, but rather the different roles they play within the work. Second, although the author’s ideas are generally presented within the framework of Arab-Islamic culture, the governing philosophy and structural logic expressed in the work are rooted in the essence of Central Plains Han culture, embodying the principle of “Western form, Chinese content”. Third, after absorbing and integrating the cultures of various ethnic groups, Uyghur culture developed into an outstanding cultural system with distinct ethnic characteristics. This culture shares an inherent kinship with the national culture, and as it reintegrated into Central Plains civilization, it further enriched the pluralistic unity of Chinese culture.

Cultural exchange is a process of two-way interaction. *Kutadgu Bilig*, written in the Uyghur language and embodying the core of Confucian and Daoist thought from the Central Plains, was disseminated among various ethnic groups in Central Asia. While Central Plains culture continuously spread outward, ancient Uyghur culture also flowed into the interior, constantly enriching Central

Plains culture itself. The Uyghur people of the Kara-Khanid Dynasty not only served as agents of cultural exchange but also took on the role of cultural integrators. They voluntarily positioned themselves as a melting pot of Eastern and Western civilizations, fusing together cultural elements from both sides to produce an outstanding cultural synthesis. Through literary works, they presented an ideal model of cultural integration and exchange.

Библиографический список / References

- Lang Y. Kutadgu Bilig and Uyghur culture. Kashi Shifan Xueyuan Xuebao, 1990. № 4. P. 53-60.
- Liu B. Research on Kutadgu Bilig and historical comparative linguistics: A commentary on the theory of common belonging. Xinjiang Shehui Kexue, 1989. № 6. P. 61-66.
- Zhang F. A preliminary discussion on the Chinese cultural background of Kutadgu Bilig. Xibei Shifan Daxue Xuebao, 1987. № 4. P. 75-83.
- Chen H. Kutadgu Bilig yu zuguo chuantong wenhua [Kutadgu Bilig and traditional culture of the motherland]. Xinjiang Shehui Kexue, 1990. № 4. 108-123.
- Daz S., Garca-Lapresta J.L., Momtes S. Consistent models of transitivity for reciprocal on a finite ordinal scale. Information Sciences, 2008. № 178 (13).
- Kader R. Mutual learning and heritage sharing in the “Belt and Road” initiative: On the cultural bridge role of Uyghur classical heritage and intangible cultural heritage. Xibei Minzu Yanjiu, 2017. № 3. P. 28-38.
- Le Coq A.V. The underground cultural treasures of Xinjiang. (C. Haitao, Trans.). Urumqi: Xinjiang Renmin Chubanshe. 1999.
- Yusuf Khass Hajib. Kutadgu Bilig (2nd ed.). Beijing: Minzu Chubanshe. 2000.
- Mahmud al-Kashgari. Compendium of the Turkic Dialects. Beijing: Minzu Chubanshe. 2002.
- Barthold V.V. Zhongya jianshi [A short history of Central Asia. (G. Shimin, Trans.). Urumqi: Xinjiang Renmin Chubanshe. 1980.
- Kader R. A thousand-year exploration of Eastern wisdom. (G. Shimin, Trans.). Urumqi: Minzu Chubanshe. 2009.
- Li G. Cultural exchange between the Han and Uyghur peoples in Kutadgu Bilig. Xibei Minzu Xueyuan Xuebao (Zhaxue Shehui Kexue Ban), 1990. № 1. 70 p.
- Barthold V.V. On Uyghur literature and its influence on the Mongols. In B.B. Barthold wenji [Collected works of B.B. Barthold]. Beijing: Kexue Chubanshe. 1968.
- Lang Y. A preliminary discussion on the multilayered cultural structure of Kutadgu Bilig. Zhongyang Minzu Xueyuan Xuebao, 1987. № 1. 96 p.
- Kader R. The cultural pursuit of Kutadgu Bilig. Beijing: Zhongguo Minzhu Fazhi Chubanshe. 2016.
- Fei X. The pattern of pluralistic unity of the Chinese nation. Beijing: Zhongyang Minzu Daxue Chubanshe. 1999.
- Geertz C. Wenhua de jieshi [The interpretation of cultures]. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe. 1999.
- Zhou Z. Wenming zhijian shuangxiang liudong de tongdao—Ping Sichou zhi lu yu Dongxifang wenhua jiaoliu [A two-way channel of civilizations—Review of Silk Road and Cultural Exchange between East and West]. Guangming Ribao. (2015, December 22).
- Li W., & Yao L. “Yidai yilu” fazhan zhong de minzu jiaoliu yu hexin jiazhi rentong [Ethnic exchange and core value identification in the development of the “Belt and Road” initiative]. Qilu Xuekan, 2016. № 1.

Дегтярева А.А.

Аспирант. Благовещенский государственный педагогический университет.

Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области)*

Аннотация. В статье исследуется динамика культурного взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики в конце XX – начале XXI веков на примере Амурской области как приграничного региона. Рассматриваются исторические особенности российско-китайских культурных связей, анализируется эволюция форм гуманитарного сотрудничества от двусторонних соглашений 1990-х годов до современных механизмов взаимодействия. Особое внимание уделяется многообразию сфер культурного диалога, включающих изобразительное искусство, образование, здравоохранение и спорт. Исследуется роль приграничных территорий как «полигонов» для формирования новых культурных практик и преодоления межкультурных барьеров. Анализируются вызовы культурного взаимодействия, связанные с языковыми различиями, ментальными особенностями и необходимостью преодоления исторически сложившихся стереотипов. Рассматривается влияние информационных технологий на развитие культурных связей и формирование модели «двух городов – двух культур» на примере Благовещенска и Хэйхэ. Делается вывод о стратегическом значении культурного диалога для укрепления российско-китайских отношений и формирования устойчивой основы для долгосрочного сотрудничества.

Ключевые слова: культурное взаимодействие, российско-китайские отношения, Амурская область, приграничное сотрудничество, гуманитарные связи, межкультурная коммуникация, культурная дипломатия, Дальний Восток, провинция Хэйлунцзян, культурный диалог.

Degtyareva A.A.

Graduate Student. Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region)

* © Дегтярева А.А., 2025.

Abstract. This article examines the dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th to early 21st centuries, using the Amur Region as a borderland case study. It explores the historical features of Russian-Chinese cultural ties and analyzes the evolution of humanitarian cooperation forms from bilateral agreements of the 1990s to contemporary interaction mechanisms. Special attention is given to the diversity of cultural dialogue spheres, including visual arts, education, healthcare, and sports. The role of border territories as “testing grounds” for the formation of new cultural practices and overcoming intercultural barriers is investigated. The article analyzes challenges in cultural interaction related to language differences, mentalities, and the need to overcome historically ingrained stereotypes. It also considers the impact of information technologies on the development of cultural ties and the formation of the “two cities – two cultures” model, exemplified by Blagoveshchensk and Heihe. The study concludes on the strategic importance of cultural dialogue for strengthening Russian-Chinese relations and establishing a sustainable foundation for long-term cooperation.

Key words: cultural interaction, Russian-Chinese relations, Amur Region, cross-border cooperation, humanitarian ties, intercultural communication, cultural diplomacy, Russian Far East, Heilongjiang Province, cultural dialogue.

Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века характеризуются интенсификацией культурного взаимодействия, особенно в приграничных регионах. Амурская область, непосредственно граничащая с провинцией Хэйлунцзян, представляет собой уникальный случай межкультурного диалога, который развивается на фоне геополитических трансформаций и экономической интеграции двух стран. Анализ культурного взаимодействия в данном регионе позволяет выявить специфические механизмы и формы межкультурной коммуникации, которые формируются под влиянием исторических, географических и социально-экономических факторов.

Дальневосточная региональная культура обладает особым своеобразием, обусловленным пограничным положением и многовековой историей контактов с азиатскими цивилизациями [6]. Процессы глобализации и регионализации создают новые условия для культурного взаимодействия, требующие переосмысления традиционных подходов к межкультурному диалогу.

Формирование культурных связей между Амурской областью и сопредельными китайскими территориями имеет глубокие исторические корни, восходящие к XVII веку, когда российско-китайские гуманитарные контакты зарождались через взаимную торговлю и первые посольства. Приамурье традиционно выполняло функцию форпоста России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что определило специфику его культурного развития.

Географическое положение региона способствовало формированию уникального культурного пространства, где восточные и западные традиции находились в постоянном взаимодействии [8].

На Дальнем Востоке тесное гуманитарное взаимодействие возникает во второй половине XIX века, что ознаменовалось началом становления китаеведческого образования в регионе. Несмотря на складывание контактной зоны в Приамурье, становилась все более очевидной разница двух культур, невозможность их смешения и взаимной ассимиляции. Эта специфика межкультурного взаимодействия стала определяющим фактором в формировании особого типа культурных связей, характеризующихся взаимным влиянием при сохранении культурной идентичности каждой стороны.

Река Амур на протяжении столетий служила не только естественной границей, но и важной транспортной артерией, связывающей различные культурные миры. Это обстоятельство создавало объективные предпосылки для культурного обмена, который продолжался даже в периоды политической напряженности между двумя странами. Водный путь по Амуру способствовал установлению и поддержанию культурных контактов, создавая основу для долгосрочного межкультурного диалога [10].

После Октябрьской революции характер культурного взаимодействия претерпел значительные изменения. На территории российского Дальневосточного региона для китайского населения реализовывался комплекс мер, направленных на развитие интернационалистических взглядов: учреждались издательские структуры, культурно-досуговые объединения, театральные коллективы, коллективные хозяйства, образовательные учреждения рабочей молодежи, партийные школы, трудовые союзы и сельскохозяйственные артели. Данные предприятия являлись стремлением к формализации кросс-культурного диалога через идейно-политическую призму, что кардинально отличало их от ранее существовавших моделей культурного обмена [9].

Особым социокультурным явлением 1920-1940-х гг. в контактной дальневосточной зоне стала русская эмиграция в провинцию Хэйлунцзян. Это явление создало уникальную ситуацию, когда русская культура получила возможность развиваться в китайском культурном контексте, что привело к формированию специфических форм культурного синтеза. Особое значение в формировании культурных связей имел опыт русского Харбина, где сформировалось уникальное этнокультурное сообщество. Литература русского Харбина стала ярким примером синтеза восточных и западных культурных традиций, оказав значительное влияние на развитие дальневосточной региональной культуры в целом [7].

Активно развивалось советско-китайское гуманитарное сотрудни-

чество в 1950-е гг. 15 августа 1949 г. было создано Хэйхэское общество дружбы, что ознаменовало начало нового этапа в развитии культурных связей между регионами. Этот период характеризовался попытками создания институциональной основы для культурного взаимодействия, что способствовало систематизации и расширению форм межкультурного диалога.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов произошло снятие пограничных ограничений, что способствовало интенсификации связей между сопредельными регионами обеих стран. Культурно-гуманитарное сотрудничество при этом не рассматривалось как самостоятельное направление, а развивалось в рамках общего процесса расширения межтерриториальных взаимоотношений. В 1990-е годы в Российской Федерации наблюдался дефицит комплексных стратегических концепций и общегосударственных программ по вопросам культурного обмена, что негативно сказывалось на региональной активности. Координация гуманитарных проектов осуществлялась силами территориальных органов власти, что обуславливало формирование особого локального характера данного взаимодействия [4].

В начале XXI в. гуманитарная сфера стала объектом внимания на государственном уровне, что ознаменовало переход от стихийных форм культурного взаимодействия к системному подходу в развитии межкультурных связей. Способы сотрудничества, спонтанно сформировавшиеся в заключительное десятилетие XX столетия, обретают систематизированный облик, зачастую превращаясь в отличительную особенность территории. Амурский регион, располагаясь в пограничной зоне как составная часть дальневосточного приграничного пространства, выступает представителем своего государства на мировой сцене, являясь передовым рубежом России в восточном направлении [5].

Культурно-гуманитарные связи между Амурским регионом и провинцией Хэйлуцзян отличаются особой спецификой, порожденной стратегическим соседством – пограничным расположением обеих территорий и их территориальной близостью, что обусловило формирование разнообразных масштабных и устоявшихся культурных практик. В их числе необходимо отметить «Российско-Китайскую выставку культуры и творчества», праздник «Детство на Амуре», водную эстафету «Дружба», амурский хоккейный турнир и прочие мероприятия, которые стали подлинным символом сопредельных территорий. [17].

Появляются новые формы сотрудничества, возрастает интенсивность контактов. Формирование российско-китайского культурно-гуманитарного партнерства находилось под прямым воздействием социально-экономической ситуации обеих держав в рассматриваемый временной отрезок.

В завершающем десятилетии XX столетия КНР, реализуя курс «реформирования и либерализации», выстраивала тактику сотрудничества, преимущественно не генерируя собственных предложений, а интегрируясь в уже функционировавшие в России механизмы и векторы развития [11]. С наступлением XXI века Китай перешел к более инициативной роли в гуманитарном партнерстве, декларируя доктрины «экспансии культуры за рубеж» и «национальной культурной мягкой силы».

Российская Федерация, преодолев кризисное состояние 1990-х годов, обрела возможности для укрепления культурно-гуманитарного компонента во взаимоотношениях с Китайской Народной Республикой. Нормализация экономической ситуации в России в начальный период XXI столетия и трансформация приоритетов российской международной политики, в совокупности с экономическим подъемом КНР и расширением его геополитического воздействия, обеспечила переход к качественно новому этапу двусторонних государственных связей, что повлекло трансформации в культурно-гуманитарном партнерстве на межтерриториальном уровне.

Совместная декларация о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 18.12.1992 г. [14] и Соглашение между кабинетами министров РФ и КНР о культурном партнерстве от 18.12.1992 г. [15] заложили нормативную базу для формирования культурных взаимосвязей на межгосударственном уровне. Значимой вехой явилось заключение «Меморандума о воплощении Плана мероприятий по расширению российско-китайского партнерства в гуманитарной области» в столице России 06.12.2012 [12]. Культурно-гуманитарное партнерство России и Китая в начальный период XXI столетия отличается, в противоположность завершающему десятилетию XX века, значительно большим многообразием и повышенной систематизацией гуманитарных взаимосвязей.

В конце XX – начале XXI века культурное взаимодействие между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян охватывает различные сферы общественной жизни. Художественная сфера демонстрирует наиболее яркие примеры межкультурного синтеза, где традиционные формы искусства обогащаются за счет взаимного влияния [8]. В настоящее время взаимодействие культур приобретает тотальный характер, захватывая в свою орбиту все сферы общественного и личного бытия, а также различные феномены культуры. Одним из наиболее плодотворных является диалог культур в художественной сфере.

На творческую деятельность жителей дальневосточного региона воздействуют такие аспекты, как территориальная удаленность от столичных центров, приграничное расположение и непосредственная близость к

альтернативной художественной культуре. Необходимо подчеркнуть, что творчество представляет собой не только инструмент конструирования представлений о «постороннем». Природа художественного творчества, его эстетическая суть изначально сокращает разрыв между «своим» и «чужим». Жизненная реальность, трансформируясь в художественную форму, ослабляет недоверие и потенциальную угрозу по отношению к иному, способствуя сближению с ним.

Изобразительное искусство Приамурья отражает влияние китайских художественных традиций, что проявляется в тематике произведений, использовании символики и технических приемах. Художники региона активно изучают и адаптируют элементы китайской живописи, создавая произведения, которые можно охарактеризовать как результат межкультурного диалога. Анализируя художественное наследие дальневосточных творцов, создававшееся в условиях соседства с КНР, необходимо подчеркнуть, что центральными в нем выступают исторически значимые для территории события. Региональные художники наиболее часто воплощают следующую тематику: военные столкновения – блокада Албазинской крепости, боевые действия 1900 года и русско-японского противостояния; заключение Айгуньского соглашения; процесс колонизации Маньчжурии и китайское направление российской эмиграции [2]. Достаточно выразительно представлены суровые условия девяностых годов и значение трансграничной народной коммерции.

Обнаруживаются образцы произведений, которые можно определить как исследовательские по своей природе. Творцы, изучая неизвестную им культурную среду, повседневность и обычаи граничащего этноса сквозь призму личного миропонимания и наследия, деятельно содействуют созданию представления об «ином». В данном контексте важно акцентировать роль художественного творчества как органичного явления и необходимой предпосылки для слияния и взаимного культурного обмена между цивилизациями, вступившими во взаимодействие на дальневосточных территориях.

Музыкальная культура также демонстрирует тенденции к взаимообогащению. Динамика межкультурного взаимодействия в музыке проявляется в появлении новых жанров и форм, сочетающих элементы русской и китайской музыкальных традиций. Это особенно заметно в творчестве композиторов и исполнителей, работающих в приграничном регионе. Интенсивно процедура культурного обмена в данном регионе реализуется в гуманитарной и творческой сферах. Результатом подобных связей становится расширение тематического спектра искусства, - в российское творчество включаются новые мотивы, фабулы, персонажи [3]. Происходит динамичное усвоение отечественными мастерами методов, стиливых ха-

рактистик альтернативной художественной школы.

Литературная сфера характеризуется появлением произведений, отражающих специфику межкультурного взаимодействия. Концепт «толпа» в творчестве китайских писателей и русских авторов дальневосточного региона приобретает особые коннотации, связанные с опытом культурного пограничья [19]. Благодаря созданию образа «другого» средствами искусства расширяются возможности взаимопонимания, что способствует расширению и эффективности культурного диалога.

Региональная культурная среда Дальневосточного региона, формирующаяся в зоне пересечения двух цивилизационных систем, представляет собой уникальное пространство для создания результативных механизмов взаимодействия между РФ и КНР. Культурное поле пограничных территорий функционирует как специфическая экспериментальная площадка, где зарождаются «культурные новообразования», наиболее успешные из которых интегрируются в систему единой национальной культуры [16].

Современный этап российско-китайского культурного взаимодействия характеризуется институционализацией гуманитарного сотрудничества. Образовательная сфера становится одним из главных каналов культурного обмена, создавая основу для долгосрочного развития межкультурных связей. Материалы международных конференций свидетельствуют о возрастающем интересе исследователей к изучению специфики культурных контактов в дальневосточном регионе [18].

Анализ выявляет ряд проблем, связанных с различиями в ментальности и ценностных ориентациях. Показательным является взаимодействие терапевтической практики России и Китая, где сталкиваются принципиально различные подходы к пониманию здоровья. Стереотипы межкультурного взаимодействия создают барьеры для развития полноценного диалога культур [1].

Развитие информационных технологий открывает новые возможности для культурного обмена. Геополитическая миссия научно-образовательного пространства XXI века предполагает активизацию культурных контактов как основы устойчивого развития межгосударственных отношений. Городские центры Благовещенск и Хэйхэ демонстрируют модель «двух городов – двух культур», которая может служить примером для других пограничных территорий [13].

Таким образом, российско-китайское культурное взаимодействие в дальневосточном регионе представляет собой уникальную модель межкультурного диалога, формирующуюся в условиях культурного пограничья. Анализ показывает, что несмотря на существующие барьеры, связанные с различиями в ментальности и ценностных ориентациях, развитие институциональных форм гуманитарного сотрудничества, активизация

образовательных обменов и использование современных информационных технологий создают прочную основу для углубления взаимопонимания между двумя народами. Опыт приграничных городов, таких как Благовещенск и Хэйхэ, демонстрирует перспективность модели «двух городов – двух культур» и может служить образцом для других регионов. В условиях глобализации именно такие локальные культурные контакты становятся важнейшим фактором укрепления межгосударственных отношений и основой для устойчивого развития российско-китайского стратегического партнерства в XXI веке.

Библиографический список:

1. Афонсенко Е.В. Психологические проблемы межкультурного взаимодействия на приграничных территориях Дальнего Востока России и северо-востока Китая // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2012. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-problemy-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-prigranichnyh-territoriyah-dalnego-vostoka-rossii-i-severo-vostoka-kitaya> (Дата обращения: 30.06.2025).
2. Ван Байбэй. Влияние советского изобразительного искусства на развитие китайской пейзажной живописи (на примере творчества Сун Хуэймина, Цзинь Чжилина, Чжао Кайкуня) // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2023. № 3 (16). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovetskogo-izobrazitel'nogo-iskusstva-na-razvitiie-kitayskoy-peyzazhnoy-zhivopisi-na-primere-tvorchestva-sun-hueyminyatszin> (Дата обращения: 29.06.2025).
3. Ван Чжан. К вопросу о межкультурной коммуникации в российской и китайской музыкальной науке // Вестник музыкальной науки. 2024. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-rossiyskoy-i-kitayskoy-muzykalnoy-nauke> (Дата обращения: 29.06.2025).
4. Верченко А.Л. Значение образования Общества советско-китайской дружбы для советско-китайских отношений // Modern oriental studies. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-obrazovaniya-obschestva-sovetsko-kitayskoy-druzhby-dlya-sovetsko-kitayskih-otnosheniy> (Дата обращения: 29.06.2025).
5. Газзов А.С. Гуманитарная сфера в гражданском обществе: проблемы и тенденции развития // Проблемы востоковедения. 2017. № 1 (75). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-sfera-v-grazhdanskom-obschestve-problemy-i-tendentsii-razvitiya> (Дата обращения: 29.06.2025).
6. Горобец Л.А. Своеобразие взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Л.А. Горобец; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. – Екатеринбург, 2015. 20 с.
7. Залеская О.В. Влияние русской культуры на традиции и обычаи китайского населения Харбина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян, 21–28 мая 2018 года / отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – Вып. 8. – Благовещенск-Хэйхэ, Чанчунь, Шэньян: Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. С. 239-244.
8. Залеская О.В. Гуманитарное взаимодействие в сфере культуры между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян в конце XX – начале XXI вв. / О.В. Залеская, Янь Мэйвэй // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-vzaimodeystvie-v-sfere-kulturny-mezhdu-amurskoy-oblastyu-i-provintsiey-heyhluntszyan-v-kontse-xx-nachale-xxi-vv> (Дата обращения: 29.06.2025).
9. Кулинич Н.Г. Культурно-просветительная работа среди китайских иммигрантов в городах Дальнего Востока в 1920-1930-е годы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2012. № 4 (84). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitelnaya-rabota-sredi-kitayskih-immigrantov-v-gorodah-dalnego-vostoka-v-1920-1930-e-gody-1> (Дата обращения: 29.06.2025).
10. Латушко Ю.В. Историко-культурные ландшафты Амура в современной нанайской культуре (по материалам полевого исследования 2019 г.) / Ю.В. Латушко, А.П. Самар, Е.Г. Белая, А.В. Левченко // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4 (51). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnye-landshafty-amura-v-sovremennoy-nanayskoy-kulture-po-materialam-polevogo-issledovaniya-2019-g> (Дата обращения: 29.06.2025).
11. Лепя Т.П. Россия и Китай: таможенное и экономическое взаимодействие // Известия БГУ. 2017. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-tamozhennoe-i-ekonomicheskoe-vzaimodeystvie> (Дата обращения: 29.06.2025).

12. Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере (Подписан в г. Москве 06.12.2012) // СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 26.06.2025).
13. Осин С.М. Информационные технологии: новые горизонты для коммуникации и культуры / С.М. Осин, Г.М. Кириллов // Вестник науки. 2024. № 12 (81). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnyeh-technologiy-novye-gorizonty-dlya-kommunikatsii-i-kultury> (Дата обращения: 30.06.2025).
14. Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Принята в г. Пекине 18.12.1992) // СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 26.06.2025).
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о культурном сотрудничестве (Заключено в г. Пекине 18.12.1992) // СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 26.06.2025).
16. Чжан Цзяньвэнь. Влияние китайской культуры на формирование языка и письменности нанайцев на Дальнем Востоке // МНКО. 2020. № 2 (81). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-kitayskoy-kultury-na-formirovaniye-yazyka-i-pismennosti-nanaytsev-na-dalнем-vostoke> (Дата обращения: 30.06.2025).
17. Янь М. Приграничные гуманитарные связи Амурской области и провинции Хэйлунцзян в 2000-е гг. // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации : материалы XII Международной научно-практической конференции, Чита, 27 марта 2020 года / Забайкальский государственный университет. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. С. 194-202.
18. Янь Цзин Особенности развития культурно-гуманитарного сотрудничества России и Китая / Янь Цзин, Хань Вэйе // Science Time. 2022. № 10 (106). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kulturno-gumanitarnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya> (Дата обращения: 30.06.2025).
19. Ярощая Ю.А. Отражение специфики культурного пространства пограничья в современной дальневосточной прозе // Известия Восточного института. 2016. № 4 (32). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-spetsifiki-kulturnogo-prostranstva-pogranichya-v-sovremennoy-dalnevostochnoy-proze> (Дата обращения: 30.06.2025).

Reference

1. Afanasenko E.V. Psychological problems of intercultural interaction in the border areas of the Russian Far East and north-east China // Bulletin of BSU. Education. Personality. Society. 2012. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-problemy-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-na-prigranichnyh-territoriyah-dalnego-vostoka-rossii-i-severo-vostoka-kitaya> (30.06.2025).
2. Wang Beibei The influence of Soviet fine art on the development of Chinese landscape painting (based on the works of Song Huimin, Jin Zhilin, Zhao Kaikun) / Wang Beibei // Fine art of the Urals, Siberia and the Far East. 2023. № 3 (16). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-sovetskogo-izobrazitel'nogo-iskusstva-na-razvitiye-kitayskoy-peyzazhnoy-zhivopisi-na-primere-tvorchestva-sun-hueyminya-tszin> (29.06.2025).
3. Wang Zhang. On the Issue of Intercultural Communication in Russian and Chinese Musical Science // Bulletin of Musical Science. 2024. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-mezhkulturnoy-kommunikatsii-v-rossiyskoy-i-kitayskoy-muzykalnoy-nauke> (29.06.2025).
4. Verchenko A.L. The Importance of the Formation of the Soviet-Chinese Friendship Society for Soviet-Chinese Relations // Modern oriental studies. 2022. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znamenie-obrazovaniya-obschestva-sovetsko-kitayskoy-druzhby-dlya-sovetsko-kitayskih-otnosheniy> (06.29.2025).
5. Gayazov A.S. Humanitarian Sphere in Civil Society: Problems and Development Trends // Problems of Oriental Studies. 2017. № 1 (75). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-sfera-v-grazhdanskom-obshchestve-problemy-i-tendentsii-razvitiya> (29.06.2025).
6. Gorobets L.A. The Peculiarities of Interaction between the Cultures of Russia and China in the Far Eastern Region: author's abstract. dis. ... candidate of cultural studies: 24.00.01 / L.A. Gorobets; [Place of protection: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin]. – Ekaterinburg, 2015. 20 p.
7. Zaleskaya O. V. The Influence of Russian Culture on the Traditions and Customs of the Chinese Population of Harbin // Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Blagoveshchensk-Heihe, Changchun, Shenyang, May 21-28, 2018 / ed. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. - Issue 8. - Blagoveshchensk-Heihe, Changchun, Shenyang: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2018. P. 239-244.
8. Zaleskaya O. V. Humanitarian interaction in the sphere of culture between the Amur Region and Heilongjiang Province in the late 20th - early 21st centuries / O. V. Zaleskaya, Yan Meiwei // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2024. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-vzaimodeystvie-v-sfere-kultury-mezhdu-amurskoy-oblastyu-i-provintsiiy-heyluntszyan-v-kontse-xx-nachale-xxi-vv> (29.06.2025).
9. Kulnich N.G. Cultural and educational work among Chinese immigrants in the cities of the Far East in the

- 1920-1930s // Bulletin of the RSUH. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies. 2012. № 4 (84). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-prosvetitel'naya-rabota-sredi-kitayskih-immigrantov-v-gorodah-dalnego-vostoka-v-1920-1930-e-gody-1> (29.06.2025).
10. Latushko Yu.V. Historical and cultural landscapes of the Amur in modern Nanai culture (based on field research materials of 2019) / Yu.V. Latushko, A.P. Samar, E.G. Belaya, A.V. Levchenko // Oikumena. Regional studies. 2019. № 4 (51). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-kulturnye-landshafty-amura-v-sovremennoy-nanayskoy-kulture-po-materialam-polevogo-issledovaniya-2019-g> (29.06.2025).
11. Lepa T.P. Russia and China: customs and economic interaction // Bulletin of BSU. 2017. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-kitay-tamozhennoe-i-ekonomicheskoe-vzaimodeystvie> (29.06.2025).
12. Memorandum on the implementation of the Action Plan for the development of Russian-Chinese cooperation in the humanitarian sphere (Signed in Moscow on 06.12.2012) // SPS "Consultant Plus Prof" (26.06.2025).
13. Osin S.M. Information technologies: new horizons for communication and culture / S.M. Osin, G.M. Kirillov // Bulletin of science. 2024. № 12 (81). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-novye-gorizonty-dlya-kommunikatsii-i-kultury> (30.06.2025).
14. Joint Declaration on the Fundamentals of Relations between the Russian Federation and the People's Republic of China (Adopted in Beijing on 18.12.1992) // SPS "Consultant Plus Prof" (26.06.2025).
15. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Cultural Cooperation (Concluded in Beijing on 18.12.1992) // SPS "Consultant Plus Prof" (26.06.2025).
16. Zhang Jianwen. The Influence of Chinese Culture on the Formation of the Language and Writing of the Nanai People in the Far East // MNKO. 2020. № 2 (81). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kitayskoy-kultury-na-formirovanie-yazyka-i-pismennosti-nanaytsev-na-dalnem-vostoke> (30.06.2025).
17. Yan M. Border Humanitarian Ties of the Amur Region and Heilongjiang Province in the 2000s // Actual Problems of the Development of the PRC in the Process of Its Regionalization and Globalization: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Chita, March 27, 2020 / Transbaikal State University. – Chita: Transbaikal State University, 2020. P. 194-202.
18. Yan Jing Features of the Development of Cultural and Humanitarian Cooperation between Russia and China / Yan Jing, Han Weiye // Science Time. 2022. № 10 (106). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-kulturno-gumanitarnogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya> (30.06.2025).
19. Yarotskaya Yu.A. Reflection of the Specifics of the Cultural Space of the Borderland in Modern Far Eastern Prose // Bulletin of the Eastern Institute. 2016. № 4 (32). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-spet-sifiki-kulturnogo-prostranstva-pogranichya-v-sovremennoy-dalnevostochnoy-proze> (30.06.2025).

Актуальные вопросы исторических наук

Actual questions of historical sciences

Рябова Е.Л.

Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Человек на границе: специфика фигуры таможенника*

Аннотация. Само понятие «граница» заключается в себя смыслы, показывающие его сложность, отражающую состояние одновременно и перехода, и заграждения. Конкретизация, что речь идет именно о государственной границе, не облегчает нахождение точных характеристик, а добавляет краски ответственности за ее целостность. Во многом такая задача ложится на людей, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с государственной границей, а именно пограничников и таможенников. В давнем прошлом эти специальности не разделялись. Сейчас при определении зоны ответственности каждой из них важно артикулировать эту специфику. В этой связи в статье предлагается обратить внимание на яркий набор социокультурных маркеров профессии «таможенник».

Ключевые слова: государство, граница, история таможенник, социокультурные маркеры.

Ryabova E.L.

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Inter-ethnic Culture".

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

A person on the border: the specificity of the figure of a customs officer

Abstract. The very concept of “border” contains meanings that show its complexity, reflecting the state of both a transition and a barrier. The specification that we are talking specifically about the state border does not make it easier to find precise characteristics, but adds color to the responsibility for its integrity. In many ways, this task falls on people whose professional activities are directly related to the state border, namely border guards and customs officers. In the distant past, these specialties were not separated. Now, when determining the area of responsibility of each of them, it is important to articulate this specificity. In this regard, the article proposes to pay attention to a bright set of socio-cultural markers of the profession of “customs officer”.

Key words: state, border, history of customs officer, socio-cultural markers.

По истории таможи можно весьма достоверно судить о тех достижениях в развитии хозяйства и освоении пространства, которые отличали наиболее предприимчивых людей во все времена. На территории древней Пальмиры находятся остатки древнейшей таможи в виде массивного камня с высеченным на нем перечнем товаров, облагаемых налогом, а также тарифами, действовавшими на ввоз и вывоз рабов, тканей и других ценностей. Упоминания о том, что владельцы земель вносили дань с проезжающих по ним, встречаются в древнеегипетских памятниках. Известна древнегреческая история, как философ Ксантий, купивший на острове Самос будущего баснописца Эзопа, приложил немало усилий, чтобы беспошлинно вывезти его в Лидию¹. Согласно источникам, в древней Элладе таможенные пошлины на привозные товары составляли десятую часть их цены. В Карфагене великий полководец Ганнибал (247 – 183 до н.э.) настоял, чтобы доходы таможи направлялись на финансирование Второй Пунической войны (218 – 201 до н.э.). Серьезным источником пополнения казны Древнего Рима служил близкий к таможенной пошлине налог порториум (лат. *portus* — гавань). Он взимался не только, как следовало из названия, в гаванях, но и по всей территории, подвластной Риму. Су-

1 Львов Д.М. Промысловый налог и методы его установления в западноевропейских государствах и России: Исслед. Дмитрия Львова [Текст]. – М.: тип. Т. Малинского, 1880.

ществовали строгие правила таможенного досмотра: таможенники, или *portitores*, сначала запрашивали список ввозимых предметов, так называемый *professio*, а далее уже шла проверка самих товаров². Понятно, что европейский средневековый мир, разделенный множеством феодальных границ, открывал простор для таможенной активности. Регулирование таможенных отношений входило в задачи знаменитого Ганзейского союза. Известно, что в 1191 – 1192 гг. Великий Новгород и Ганза заключили торговый договор, устанавливавший величину пошлины, которую взимали при перемещении товаров, а также регулирующий особенности проведения таможенного контроля.

На Руси слово «мыт» упоминается с XII в. Первоначально оно означало место, где останавливались обозы и торговые суда. Позже так стали называть торговые и проезжие пошлины, собираемые с груженого товарами сухопутного и водного транспорта на специальных, мытных, заставах на проезжих дорогах, мостах, переправах через реки. Особо необходимо выделить роль таможенников в становлении Древнерусского государства, отраженную в грамотах, летописях, сказаниях, былинах. Например, в былине «На заставе богатырской» описана схватка Ильи Муромца с Жидовином³.

В более позднее время об исполнении таможенниками своих обязанностей по сбору пошлины для государства можно судить по разрозненным сведениям из рассказов иностранных путешественников о России. В частности, интересны воспоминания голландского купца, путешественника и дипломата, автора мемуаров о событиях Смутного времени Исаака Массы, ведшего в начале XVII столетия по поручению Генеральных штатов переговоры с Московским государством о свободной торговле⁴. Бывший торговым представителем Швеции в Москве итальянский купец Иоганн де Родес, на записки которого ссылается выдающийся российский историк Василий Осипович Ключевский, поведал об увлечении своих соотечественников черной икрой, относящейся к товарам, подлежащим таможенному контролю⁵. В XVII в. монополистами по экспорту черной икры из России в Европу стали английские и голландские купцы. В год они поставляли до 350 тонн икры. Именно благодаря этим купцам Европа тогда «подсела» на черную икру, определив спрос на этот российский деликатес на века впе-

2 Анджела А. Империя. Путешествие по Римской империи вслед за монетой / пер. О. Уварова, Н. Чамина, М. Челинцева. – М.: КоЛибри, 2018.

3 Карнаухова И.В. Русские богатыри. Былины в пересказе для детей. – Л.: Детская литература, 1974.

4 Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер., примеч. и вводная ст. А.А. Морозов; ред. Н. Рубинштейн. – М.: Соцэкгиз, 1937.

5 Родес И. де. Размышления о русской торговле в 1653 году: пер. И. Бабста [Текст] / И. де Родес // Магазин земледения и путешествий: Географический сборник / Изд. Николаем Фроловым. В 6 т. Т. 5. – М.: тип. Александра Семена, 1858.

ред. Продукты из осетровой рыбы, икра, рыбий клей, вязига являлись важными статьями внешней торговли России того времени. О престижности таможенной службы можно судить потому, что сам царь Петр I лично «растамаживал» первое торговое голландское судно, зашедшее в устье Невы.

На протяжении дальнейшей истории Российской империи таможенные органы набирали силу, формировался имидж и самой таможни, и ее служащих. То, что их действия по защите государственных интересов требовали четкой, слаженной работы, влияло на формирование духа корпоративизма в этой среде. Отсюда объяснимым представляется тот факт, что после того, как во время Первой мировой войны таможенная система Российской империи была практически разрушена, таможенники взяли контроль над ситуацией в свои руки. В сентябре 1917 г. был образован ЦК профсоюзов таможенных работников. Около года именно эта структура руководила таможенным делом в стране. И только с 29 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) вводилось в действие Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров»⁶, в соответствии с которым устанавливались подчиненность и функции таможенных органов государства.

О том, насколько важна была деятельность таможенной службы для экономики молодой Советской страны в годы НЭПа, повествуют воспоминания инспектора Московской таможни Рудольфа Рудольфовича Сильвестра о работе таможенников на Всероссийской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве в 1923 г.⁷ Как глубоко русские таможенники погружались в профессиональную сферу, можно судить по составленной этим же автором еще в 1906 г. методички для таможенных чиновников о распознавании химических и фармацевтических продуктов, особо поименованных в ст. 112 Таможенного тарифа (1906)⁸.

Ответственность работников таможенной службы возросла, когда 12 февраля 1986 г. в Советском Союзе впервые появилось самостоятельное таможенное ведомство — Главное управление государственного таможенного контроля при Совете министров СССР. На следующее десятилетие, совпадающее с непростыми событиями в истории страны, пришелся слож-

6 Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 2018. № 14. С. 197.

7 Шишкина Н.В. ТАМБЮРО. Воспоминания очевидца [Электронный ресурс]. // URL: <https://museum.customs.gov.ru/document/text/254469>.

8 Сильвестр Р.Р. Спутник практика товароведа: справочное руководство по вопросам исследования и распознавания товаров для таможенных чиновников, экспедиторов, коммерсантов, аптекарей, drogистов и др. / составили Р.Р. Сильвестр, помощник пакагузнаго надзерателя Ревельской таможни и И.М. Шабловский эксперт-лаборант Департамента таможенных сборов. Санкт-Петербург: Типо-литогр. М.П. Фроловой, 1906.

ный период формирования новой модели таможенной деятельности⁹. 9 марта 2004 г. Указом Президента Российской Федерации от № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», Государственный таможенный комитет Российской Федерации преобразован в Федеральную таможенную службу (ФТС).

История таможенных органов постоянно добавляет в набор социокультурных маркеров, обрисовывающих особенности фигуры таможенного служащего, важные характеристики не только укрепления солидаристской сути профессионального поведения, но и касающиеся достаточно высокой социальной ответственности таких чиновников. Значимость этого типа социокультурных маркеров таможенника подкрепляется еще и тем, что помимо органов таможенной службы, имеющих государственный характер, с XIX столетия начали образовываться таможенные союзы, которые требовали от служащих разных стран, входящих в них, проявлять одинаковые образцы деловой культуры, создавая тем самым представление об общем таможенном пространстве. Первый такой Таможенный союз — *Zollverein* — был создан в Германии в 1834 г. Он во многом способствовал экономическому развитию немецких земель и демонстрировал преимущества их объединения. Лидером в этом союзе выступала Пруссия. Существование союза позволило отменить внутренние тарифы, унифицировать внешние тарифы, повысить ставки налога на импорт и пропорциональное распределение тарифных доходов между всеми государствами объединения. В 1865 г. был основан таможенный союз между Францией и Монако. В 1924 г. появился такой союз Швейцарии и Лихтенштейна. Предшественником образования Европейского экономического сообщества (ЕЭС) можно считать возникший в 1948 г. таможенный союз Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Подобные альянсы заключались и в других регионах, в частности, Африке в 1964 г., явившись отправной точкой для образования Экономического сообщества государств Центральной Африки (ЭКОЦАС; фр. *Communauté économique des États de l'Afrique centrale*, СЕЕАС, англ. *Economic Community of Central African States*, ECCAS).

В Европе в рамках Комитета (позже — Организации) Европейского экономического сотрудничества в сентябре 1947 г. по инициативе Франции начала работать Группа изучения Европейского таможенного союза (англ. *European Customs Union Study Group*), которая за три года рассмотрела основные вопросы, связанные с гармонизацией таможенных законодательств государств. Благодаря этому были созданы основания для таможенного союза, имеющего общую товарную номенклатуру, единые подходы к оценке

9 Таможня на переломном этапе, 1986 – 1996: воспоминания современности / под ред. В.Ф. Кругликова. – М.: СофтИздат, 2007.

товаров в таможенных целях, а также виды ставок таможенного тарифа. В 1950 г. в Брюсселе была подписана Конвенция о создании Совета таможенного сотрудничества (СТС). В 1994 г. СТС получил название Всемирной таможенной организации (ВТамО; англ. *World Customs Organization*). Сейчас членами этой структуры являются более 180 таможенных служб мира, контролирующие около 98% международной торговли¹⁰.

Подобно профессии пограничника деятельность сотрудника таможенни носит достаточно закрытый характер. Поэтому для понимания ее специфики и для привлечения молодых людей к этой профессии важно обращать внимание на такой аспект социокультурных маркеров таможенной службы, который касается ее восприятия через призму литературы и искусства.

Почти два столетия самым известным литературным таможенником остается герой поэмы «Мертвые души» Николая Васильевича Гоголя (1809 – 1852) Павел Иванович Чичиков. После нескольких провалов в карьере Чичиков, наконец, получает место на таможне. И все там складывается для него хорошо, пока, не добившись повышения и став начальником на таможне, Чичиков не вступает в сговор с контрабандистами. Но из-за ссоры с напарником его преступная деятельность оказывается явной. Чичиков попадает под суд, а имущество его конфискуют. И ничего ему не остается, как пускаться в новую авантюру.

Возможно, общественное понимание значимости как таможенного органа государственной службы, так и фигуры таможенника привело к тому, что в начале XX столетия у русских поэтов Серебряного века таможня не просто становится знаковой частью ландшафта, маркирующего начало Российской земли и подчеркивается ее отличие от заграничной территории, а выражает именно русскую душу (Александр Блок «В Дюнах», Анна Ахматова «Вижу выцветший флаг над таможней»). Это был период наивысшей поэтической визуализации такой профессиональной деятельности.

Без визуального образа сложно представить любой социокультурный маркер, в том числе и тот, что позволяет оценить специфику сферы профессиональной деятельности. Можно считать, что визуальный эффект социокультурного маркера таможенника был почерпнут поэтами у живописцев, которые также обращались к таможенной теме. Одной из первых картин на эту тему стало полотно Василия Худякова (1826 – 1871) «Стычка с финляндскими контрабандистами» (1853), приобретенное Павлом Тре-

10 Бондаренко В.О. Всемирная таможенная организация: субъект международного таможенного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Том 2-2 (65). С. 75-80; Тунгусова-Кузьмина С.Н. Роль Всемирной Таможенной Организации в повышении эффективности деятельности таможенных служб мира // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. С. 152-159.

тьяковым (1832 – 1898) для своей коллекции и положившее начало знаменитой галерее¹¹. 10 (22) мая 1856 г. Третьяков получил расписку от художника о расчете (оплата 450 рублей) за картину. Эту дату принято считать днем основания Третьяковской галереи.

В 1860 г. жанровая картина остзейского и русского живописца-жанриста Александра Рицциони (1836 – 1902) «Жи́ды-контрабандисты» завоевала малую золотую медаль Российской Императорской Академии художеств. В 1880 – 1990-е гг. несколько графических работ баталиста Евграфа Тейха (1832 – ?) посвящаются служебно-боевой деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи: «Задержание контрабандистов», «Встреча с контрабандистами», «Настигаемые контрабандисты», «Обыденная обстановка кордона пограничной стражи». С 1912 г. в течение нескольких лет акварельная работа этого мастера «Настигаемые контрабандисты» помещалась на обложку каждого номера учрежденного указом императора Николая II журнала «Пограничника», издававшегося в 1906 – 1914 гг. Многие работы этого мастера были посвящены служебно-боевой деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи. Это такие графические работы Тейха, как: «Задержание контрабандистов», «Кордон пограничной стражи, замещающий вахту на судоходной реке», «Встреча с контрабандистами», «Настигаемые контрабандисты», «Обыденная обстановка кордона пограничной стражи». В годы Великой Отечественной войны, когда советские историки стали обращаться к героическим страницам прошлого, картина российского художника Тейха «Встреча с контрабандистами» была опубликована к исторической статье С. Дмитриева, хотя и без указания авторства художника.

То, что многие таможенники сами являются творческими личностями, увлеченными живописью, подтверждает фигура Анри Руссо (1844 – 1910), французского художника, одного из самых ярких представителей наивного искусства или примитивизма. Из-за того, что с 1871 г. Руссо служил налоговым инспектором в акцизном управлении Парижа, он получил прозвище «Таможенник» (фр. *Le Douanier*). Хотя Руссо более известен как художник, любопытны и его драматические произведения, часто вдохновленные социальными и культурными событиями, например, водевиль «Визит на Выставку 1889 года» (ту самую, к которой была построена Эйфелева башня), отразивший его впечатления от этого грандиозного мероприятия в Париже.

Благодаря таким визуальным образам в социокультурном маркере профессии таможенника начинали сочетаться отмеченные выше прозаические и героические черты профессии, что должны были подметить и

11 Ютанов А. Первой в коллекции Павла Третьякова была картина крепостного художника Худякова // Родина. 2021. 15 февраля.

авторы кинофильмов, где в качестве действующих лиц, а иногда и героев появлялись таможенники. Создатели лент зарубежного кинематографа («Порт Нью-Йорка» (англ. *Port of New York*, 1949); «Закон есть закон» (фр. *La loi c'est la loi... / итал. La legge è legge...*, 1958; «Таможня дает добро» (фр. *Rien à déclarer*, 2010) и отечественных кинофильмов («Начальник Чукотки», 1966; «Бриллиантовая рука», 1968; «Приключения итальянцев в России», 1973; «Контрабанда», 1974; «Таможня», 1982; «Груз без маркировки», 1984) в отличие от авторов произведений литературы и живописи, чаще обращали внимание не на героические аспекты работы таможни, а на приключенческие или комические стороны этой деятельности. Многие в восприятии образа таможенника изменил фильм Владимира Мотыля (1927 – 2010) «Белое солнце пустыни» (1970), где образ честного и неподкупного таможенного служащего Павла Артемьевича Верещагина воплотил актер Павел Луспекаев (1927 – 1970). Песня Верещагина «Госпожа удача» в исполнении Луспекаева в этом фильме стал неофициальным гимном таможенной службы Российской Федерации¹². Памятники этому кинематографическому герою установлены на нескольких российских таможнях, портрет Верещагина помещен в выставочной экспозиции Карельской таможни, его именем даже назван таможенный патрульный корабль, базирующийся в порту Владивостока, сотрудники таможен Северо-Запада шефствуют над могилой Павла Луспекаева в Санкт-Петербурге.

Благодаря таким визуальным образам в социокультурном маркере профессии таможенника начали не просто сочетаться отмеченные выше черты прозаической и героической сторон этой профессии, а гораздо более четко артикулироваться то обстоятельство, что таможенник должен быть хорошим психологом, умеющим видеть и чувствовать людей. Эту особенность профессии таможенника все чаще стали подмечать творцы искусства и литературы. Каждая эпоха по-своему трактует образы профессии, но оставляет неизблемыми представления о профессиональной квалификации, ответственности, этике. Постоянно расширяется жанровая область и сфера художественных приемов, позволяющие показать ценность той или иной профессии. Так, о таможенной службе можно говорить языком фантастики, как это, например, сделал писатель Сергей Лукьяненко в романе «Черновик» и его продолжениях¹³.

Одной из главных задач, возникающих при анализе образа таможенника в произведениях литературы и искусства, остается понимание того, для чего необходимо обычным людям, имеющим дело с таможней, а еще более обучающимся, специализирующимся в области таможенного дела

12 Шевченко А. Таможня дает или берет добро? // Левый берег. 2009. 27 июня.

13 Лукьяненко С.В. Черновик. – М.: АСТ, 2006.

или пограничной деятельности, обращать внимание на социокультурные маркеры данной профессиональной ориентации. Практика показывает, что такие маркеры особенно востребованы при адаптации работника к изменяющимся геоэкономическим условиям, они способны помочь в нахождении решений в самых сложных ситуациях. В наши дни, в условиях существенного расширения международной торговли, создания большего пространства, подчиненного одним таможенным правилам, как в рамках многочисленных таможенных союзов, так и Всемирной торговой организации (ВТО; англ. *World Trade Organization, WTO*; фр. *Organisation mondiale du commerce, OMC*; исп. *Organización Mundial del Comercio*), прохождение таможенного контроля для пассажира или участника внешнеэкономической деятельности становится менее стрессовой ситуацией, чем в прошлом. Это, с одной стороны. С другой стороны, нельзя забывать о том, что незнание человеком своих прав и обязанностей, правовой нигилизм, надежда на случай могут создать сложности таможенного оформления товара. Безусловно, дополнительные сложности таможенному процессу придает санкционная политика западных государств.

Мир первой четверти XXI столетия не стал временем, в которых исчезли суверенные государства, растворились в международном пространстве государственные интересы, когда нет необходимости заботиться о создании благоприятного имиджа страны. В этой связи таможенник, который встречает на границе государства не только товары, но и людей, теснейшим образом связанных с этими товарами, выступает в качестве той фигуры, которая олицетворяет само государство, а его деловитость и доброжелательность не заставляют переживать неоправданную тревогу, возможно, переходящую в страх.

Библиографический список:

1. Анджела А. Империя. Путешествие по Римской империи вслед за монетой / пер. О. Уварова, Н. Чамина, М. Челинцева. – М.: Колибри, 2018. 480 с.
2. Бондаренко В.О. Всемирная таможенная организация: субъект международного таможенного права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Vol. 2-2 (65). С. 75-80.
3. Карнаухова И.В. Русские богатыри. Былины в пересказе для детей. – Л.: Детская литература, 1974. 127 с.
4. Львов Д.М. Промысловый налог и методы его установления в западноевропейских государствах и России: Исслед. Дмитрия Львова. – М.: тип. Т. Малинского, 1880. II, 238 с.
5. Лукьяненко С.В. Черновик. – М.: АСТ, 2006. 395 с.
6. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / пер., примеч. и вводная ст. А.А. Морозов; ред. Н. Рубинштейн. – М.: Соцэкгиз, 1937. 206 с.
7. Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «О порядке выдачи разрешения на ввоз и вывоз товаров» [Текст] // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 2018. № 14. С. 197.
8. Родес И. де. Размышления о русской торговле в 1653 году: пер. И. Бабста // Магазин земледения и путешествий: Географический сборник / Изд. Николаем Фроловым. В 6 т. Т. 5. – М.: тип. Александра Семена, 1858. 439 с.
9. Сильвестр Р.Р. Спутник практика товароведа [Текст]: справочное руководство по вопросам исследования и распознавания товаров для таможенных чиновников, экспедиторов, коммерсантов, аптекарей, дистрибуторов и др. / составили Р.Р. Сильвестр, помощник пакгаузного надзирателя Ревельской таможни и

- И.М. Шабловский эксперт-лаборант Департамента таможенных сборов. – Санкт-Петербург: Типо-литогр. М.П. Фроловой, 1906. 50 с.
10. Таможня на переломном этапе, 1986 – 1996: воспоминания современности / под ред. В.Ф. Кругликова. – М.: СофтИздат, 2007. 223 с.
11. Тунгускова-Кузьмина С.Н. Роль Всемирной Таможенной Организации в повышении эффективности деятельности таможенных служб мира // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 1. С. 152-159.
12. Шевченко А. Таможня дает или берет добро? // Левый берег. 2009. 27 июня.
13. Шишкина Н.В. ТАМБЮРО. Воспоминания очевидца // URL: <https://museum.customs.gov.ru/document/text/254469>.
14. Юхтанов А. Первой в коллекции Павла Третьякова была картина крепостного художника Худякова // Родина. 2021. 15 февраля.

Reference

1. Angela A. Empire. Journey through the Roman Empire following the coin / trans. O. Uvarova, N. Chamina, M. Chelintseva. – M.: KoLibri, 2018. 480 p.
2. Bondarenko V.O. World Customs Organization: subject of international customs law // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 2-2 (65). P. 75-80.
3. Karnaukhova I.V. Russian heroes. Epics retold for children. – L.: Children's Literature, 1974. 127 p.
4. Lvov D.M. Trade tax and methods of its establishment in Western European states and Russia: Research. Dmitry Lvov. – M.: type. T. Malinsky, 1880. II, 238 p.
5. Lukyanenko S.V. Draft. – M.: AST, 2006. 395 p.
6. Massa I. Brief information about Muscovy at the beginning of the 17th century / trans., notes and introductory article by A.A. Morozov; ed. N. Rubinstein. – M.: Sotsekgiz, 1937. 206 p.
7. Resolution of the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR "On the procedure for issuing permits for the import and export of goods" [Text] // Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government (SU RSFSR). 2018. № 14. P. 197.
8. Rodes I. de. Reflections on Russian trade in 1653; trans. I. Babst // Shop of land study and travel: Geographical collection / Published by Nikolai Frolov. In 6 volumes. Volume 5. – Moscow: Alexander Semen printing house, 1858. 439 p.
9. Sylvester R.R. Companion of a commodity expert's practice [Text]: a reference guide on issues of research and recognition of goods for customs officials, freight forwarders, merchants, pharmacists, druggists, etc. / compiled by R.R. Sylvester, assistant warehouse supervisor of the Revel Customs House and I.M. Shablovsky, expert-laboratory assistant of the Department of Customs Duties. – Saint Petersburg: Typo-lithographic M.P. Frolova, 1906. 50 p.
10. Customs at a turning point, 1986 – 1996: memoirs of the present day / edited by V.F. Kruglikov. – Moscow: SoftIzdat, 2007. 223 p.
11. Tunguskova-Kuzmina S.N. The Role of the World Customs Organization in Improving the Efficiency of the World's Customs Services // Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. 2018. № 1. P. 152-159.
12. Shevchenko A. Does Customs Give or Take the Go-Ahead? // Left Bank. 2009. June 27.
13. Shishkina N.V. ТАМБЮРО. Eyewitness Memories // URL: <https://museum.customs.gov.ru/document/text/254469>.
14. Yukhtanov A. The First Painting in Pavel Tretyakov's Collection Was the Serf Artist Khudyakov // Rodina. 2021. February 15.

Шавлохова Е.С.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Яшина Л.Б.

Ассистент кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Петросян К.А.

Студент. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Кондюрина К.П.

Студент. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Хмелидзе В.Е.

Студент. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Исторические изменения торговых отношений России в XXI веке*

Аннотация. В статье рассматривается динамика изменения истории торговых отношений России с мировыми державами, а затем с целыми континентами. Авторы отмечают, что Санкционные геополитические изменения влияли сильнее всего на торговые перспективы и возможности РФ, при этом события 2022 года стали катализатором для их смены вектора. Санкционные давления стали одной из ведущих причин сены торговых путей России от Европейского направления к Китаю, что безусловно привело к положительным последствиям. Авторы рассматривают не только тенденции, но и количественные изменения торговли, важно учесть, что за расчет взять доллар, как наиболее универсальная валюта расчета, однако сейчас есть возможность пересчета показателей на рубли. Авторами также отмечена необходимость продолжения цифровизационных процессов и поддержка импорт замещения. Для полноценного понимания современного со-

* © Шавлохова Е.С., Яшина Л.Б., Петросян К.А., Кондюрина К.П., Хмелидзе В.Е., 2025.

стояния внешней торговли России необходимо рассмотреть её эволюцию с начала века, включая ключевые этапы развития торговой политики, изменения в структуре экспорта и импорта, а также адаптационные механизмы, применяемые в ответ на внешние ограничения. Будущее внешней торговли России будет зависеть от способности государства и частного сектора совместно строить эффективные механизмы поддержки, адаптироваться к меняющейся внешней среде и использовать возможности многополярного мира.

Ключевые слова: торговля, торговые отношения, санкции, торговые стратегии, импорт, экспорт, замещение производств, геополитика.

Shavlokhova E.S.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Yashina L.B.

Assistant department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Petrosyan K.A.

Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Kondyurina K.P.

Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Khmelidze V.E.

Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Historical changes in trade relations of Russia in the 21st century

Abstract. The article examines the dynamics of changes in the history of Russia's trade relations with world powers, and then with entire continents. The authors note that sanctions-related geopolitical changes had the strongest impact on Russia's trade prospects and opportunities, and the events of 2022 were a catalyst for their change of vector. Sanctions pressures have become one of the leading reasons for the disruption of Russia's trade routes from the European direction to China, which has certainly led to positive consequences. The authors consider not only trends, but also quantitative changes in trade. It is important to take into account that the dollar is the most universal calculation currency, but now it is possible to convert indicators to rubles. The authors also noted the need

to continue digitalization processes and support import substitution. To fully understand the current state of Russia's foreign trade, it is necessary to consider its evolution since the beginning of the century, including key stages in the development of trade policy, changes in the structure of exports and imports, as well as adaptation mechanisms applied in response to external restrictions. The future of Russia's foreign trade will depend on the ability of the state and the private sector to jointly build effective support mechanisms, adapt to a changing external environment, and use the opportunities of a multipolar world.

Key words: trade, trade relations, sanctions, trade strategies, import, export, substitution of production, geopolitics.

Введение

Внешняя торговля Российской Федерации в XXI веке представляет собой важнейший объект анализа в рамках экономической истории, международной экономики и государственной политики. Её развитие отражает не только уровень экономического роста страны, но и степень её интеграции в мировую экономическую систему, а также способность реагировать на глобальные вызовы и изменения геополитической обстановки [2]. В условиях усиления конкуренции за доступ к стратегическим ресурсам, технологиям и рынкам внешнеторговая деятельность становится ключевым инструментом реализации национальных интересов.

Для полноценного понимания современного состояния внешней торговли России необходимо рассмотреть её эволюцию с начала века, включая ключевые этапы развития торговой политики, изменения в структуре экспорта и импорта, а также адаптационные механизмы, применяемые в ответ на внешние ограничения. Особое внимание заслуживает анализ влияния таких факторов, как членство в ВТО, санкционное давление, падение цен на сырьевые товары и стремительное развитие цифровых технологий.

Этап 1: 2001–2010 гг. — Интеграция в мировую торговую систему

Период с 2001 по 2010 год стал временем активного участия России в процессах международной экономической интеграции. Основным ориентиром внешнеторговой политики стало присоединение к Всемирной торговой организации (ВТО), что рассматривалось как шаг к легитимизации страны в мировой экономике и укреплению её позиций на международных рынках. Переговоры о вступлении, начавшиеся ещё в 1994 году, получили ускорение после стабилизации макроэкономической ситуации в стране и роста объёмов внешней торговли.

За указанный период объём внешнеторгового оборота увеличился с 183 млрд до 735,6 млрд долл. США, демонстрируя среднегодовой темп роста около 17%. Такой динамизм был обусловлен благоприятной конъюнктурой на мировых сырьевых рынках, особенно на нефть и газ, а также

усилиями по либерализации внешнеэкономической деятельности внутри страны. Однако уже тогда становилось очевидно, что российская экономика остаётся зависимой от экспортной специализации на энергоресурсах, что делает её уязвимой перед колебаниями цен на мировых рынках.

Этап 2: 2010–2014 гг. — Либерализация и модернизация внешнеэкономических связей

С 2010 года Россия усилила свои усилия по гармонизации законодательства с нормами ВТО, что было необходимым условием завершения переговоров о членстве. Наконец, в августе 2012 года страна официально стала членом организации [3]. Этот этап характеризуется политикой либерализации внешней торговли: снижением таможенных пошлин, упрощением процедур таможенного оформления, развитием инфраструктуры логистики и расширением прав участников внешнеэкономической деятельности.

Объём внешнеторгового оборота вырос с 604,9 млрд долл. в 2010 году до 1013 млрд долл. в 2012 году, достигнув своего пикового значения на фоне высоких цен на нефть и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Однако модернизационные меры, направленные на повышение конкурентоспособности отечественной продукции, оказались недостаточными. Структура внешней торговли оставалась прежней — с доминированием сырьевого экспорта и низкой долей высокотехнологичной продукции.

Этап 3: 2014–2019 гг. — Кризис и стратегическая переоценка

2014 год стал переломным в истории внешней торговли России. Комбинация нескольких факторов — санкционного давления со стороны стран Запада, резкого падения мировых цен на нефть и внутреннего валютного кризиса — привела к значительному сокращению объёмов внешней торговли. По данным исследований Кошмана В.В., Зимовца А.В. и Ханиной А.В. [1], объём внешнеторгового оборота в 2015 году составил около 700 млрд долл., то есть вернулся к уровням 2010 года. Экспорт сократился на 30%, импорт — на 40%.

Эти события потребовали коренного пересмотра торговой стратегии. Были приняты меры по импортозамещению, усилена поддержка отечественного производителя, активизирован поиск новых партнёров вне традиционных западных рынков. Это время стало началом формирования новой парадигмы внешней торговли, основанной на принципах диверсификации, устойчивости и экономической суверенности.

Этап 4: 2019–2022 гг. — Цифровизация и диверсификация направлений сотрудничества

На данном этапе Россия столкнулась с необходимостью дальнейшей адаптации к изменяющимся условиям международной торговли. Одним из ключевых трендов стало внедрение цифровых технологий во внешнеэкономическую деятельность. Как отмечают Зимовец А.В., Ханина А.В. и дру-

гие [1], цифровизация позволила повысить эффективность администрирования внешнеторговых операций, расширить доступ малого и среднего бизнеса к международным рынкам, а также снизить барьеры при выходе на новые территории.

Одновременно с этим продолжилась переориентация внешнеторговых связей в сторону стран Азии, Латинской Америки и Африки. Важную роль сыграла интеграция в структуры БРИКС и ШОС, что дало возможность развивать взаимодействие в условиях ограниченного доступа к европейским и американским рынкам. Этот этап стал свидетельством того, что Россия начинает осваивать новые формы экономической дипломатии и строить многополярную модель внешней торговли.

Этап 5: После 2022 года — Перестройка торговой сети и усиление экономической суверенности

После февраля 2022 года Россия оказалась под беспрецедентным комплексом экономических санкций, включавших заморозку активов Центрального банка, ограничения на доступ к высоким технологиям, вывод западных компаний с российского рынка и разрыв логистических цепочек [4]. Эти меры вызвали необходимость полномасштабной перестройки системы внешнеэкономической деятельности.

В 2023 году объём внешнеторгового оборота снизился на 12% по сравнению с предыдущим годом. Однако уже в 2024 году наметились признаки восстановления, особенно в направлении стран Азии, Африки и Латинской Америки. Усилия государства были сосредоточены на создании новых каналов поставок, развитии собственного производства комплектующих, усилении кооперации с партнёрами вне «коллективного Запада» и модернизации инфраструктуры внешней торговли [1].

Вывод.

Торговая политика России в XXI веке прошла путь от стремления к интеграции в глобальную торговую систему до построения модели, ориентированной на самообеспечение, импортозамещение и диверсификацию партнёрских связей. Глобализация, санкции, падение сырьевых цен и технологическое отставание вынудили страну пересматривать стратегию и искать новые пути развития.

На сегодняшний день ключевыми задачами являются:

- углубление цифровизации внешнеэкономической деятельности;
- модернизация производственной базы для повышения конкурентоспособности экспорта;
- развитие партнёрств с развивающимися рынками;
- формирование устойчивых логистических цепочек;
- усиление роли государства в регулировании и поддержке экспорта.

Будущее внешней торговли России будет зависеть от способности государства и частного сектора совместно строить эффективные механизмы поддержки, адаптироваться к меняющейся внешней среде и использовать возможности многополярного мира.

Библиографический список:

1. Кошман В.В. Внешняя торговля России: анализ проблем и решения / В.В. Кошман, А.В. Зимовец, А.В. Ханина // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 4. С. 887-904.
2. Яковлев А.А. Стратегирование торговых отношений России с некоторыми странами Восточной и Юго-Восточной Азии / А.А. Яковлев, О.М. Малютина, Д.К. Багамаева // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4. № 3 (13). С. 315-325.
3. Бойкова М.В. Тенденции развития внешней торговли Российской Федерации с иностранными государствами / М.В. Бойкова, Н.С. Колесников, К.Ю. Доброгаева // Зеленый коридор. Наука и образование в таможенном деле. 2024. № 4 (30). С. 14-21.
4. Ван П. Влияние концепции «один пояс и один путь» на китайско-российскую торговлю // Промышленность и сельское хозяйство. 2019. № 12 (17). С. 29-33.
5. Абдельазиз Д. Анализ торговли Алжира с Россией // Проблемы современной экономики. 2019. № 3 (71). С. 270-273.
6. Носырева П.М. Импортрозамещение в России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 4-2 (110). С. 205-208.
7. Осипенко Ю.В. Проблемы и перспективы развития внешнеэкономической деятельности в РФ // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 14 (32). С. 384-386.
8. Чикаева К.С. Организационная устойчивость как фактор эффективного управления человеческими ресурсами / К.С. Чикаева, А.В. Рачипа, А.В. Попов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 43-48.
9. Развитие экономики России в условиях санкционного давления / С.А. Сергеева, И.П. Гладилина, М.С. Доржу [и др.] // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 4. С. 157-161.
10. Езеева И.Р. Перспективы развития российской экономики в условиях санкций / И.Р. Езеева, Ф.Х. Цхурбаева, Н.И. Алборова // Перспективы развития АПК в современных условиях: Материалы 13-й международной научно-практической конференции, Владикавказ, 26–27 мая 2024 года. – Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2024. С. 284-287.

Reference

1. Koshman V.V. Russia's Foreign Trade: Analysis of Problems and Solutions / V.V. Koshman, A.V. Zimovets, A.V. Khanina // Economic Security. 2024. Vol. 7. № 4. P. 887-904.
2. Yakovlev A.A. Strategizing Russia's Trade Relations with Some Countries of East and Southeast Asia / A.A. Yakovlev, O.M. Maljutina, D.K. Bagamaeva // Strategizing: Theory and Practice. 2024. Vol. 4. № 3 (13). P. 315-325.
3. Boykova M.V. Trends in the Development of Foreign Trade of the Russian Federation with Foreign States / M.V. Boykova, N.S. Kolesnikov, K.Yu. Dobrogaeva // Green Corridor. Science and Education in Customs Affairs. 2024. № 4 (30). P. 14-21.
4. Wang P. The Impact of the "One Belt, One Road" Concept on Sino-Russian Trade // Industry and Agriculture. 2019. № 12 (17). P. 29-33.
5. Abdelaziz D. Analysis of Algeria's Trade with Russia // Problems of Modern Economy. 2019. № 3 (71). P. 270-273.
6. Nosyreva P.M. Import Substitution in Russia under Sanctions // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. № 4-2 (110). P. 205-208.
7. Osipenko Yu.V. Problems and Prospects for the Development of Foreign Economic Activity in the Russian Federation // Scientific Electronic Journal Meridian. 2019. № 14 (32). P. 384-386.
8. Chikaeva K.S. Organizational sustainability as a factor in effective human resource management / K.S. Chikaeva, A.V. Rachipa, A.V. Popov // State and municipal administration. Scientific notes. 2023. № 1. P. 43-48.
9. Development of the Russian economy under sanctions pressure / S.A. Sergeeva, I.P. Gladilina, M.S. Dorzhu [et al.] // Economic development of Russia. 2025. Vol. 32. № 4. P. 157-161.
10. Ezeeva I.R. Prospects for the development of the Russian economy under sanctions / I.R. Ezeeva, F.Kh. Tskhurbaeva, N.I. Alborova // Prospects for the development of the agro-industrial complex in modern conditions: Proceedings of the 13th international scientific and practical conference, Vladikavkaz, May 26–27, 2024. – Vladikavkaz: Gorsky State Agrarian University, 2024. P. 284-287.

Чебарев В.В.

Заместитель начальника факультета (артиллерийского), соискатель. Михайловская военная артиллерийская академия, г. Санкт-Петербург.

О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века*

Аннотация. Статья посвящена анализу обратной связи офицеров, прошедших обучение в Офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века, и комментариев руководства школы на их предложения. Основное внимание уделено организации учебного процесса, содержанию курсов, практической подготовке, а также бытовым и материальным условиям службы. Офицеры отметили несоответствие программы занятий для штаб-офицеров требованиям будущих дивизионеров, а также высказали пожелания по сокращению продолжительности классных занятий и увеличению практических упражнений, особенно в управлении дивизионом. Руководство школы признало часть замечаний, но указало на ограничения, такие как отсутствие подходящего полигона и слабая подготовка слушателей. Теоретический курс стрельбы вызвал неоднозначные оценки: одни офицеры считали его перегруженным, другие – хорошо организованным. Споры также возникли вокруг чертежных работ, топографии и иппологии, где мнения разделились между необходимостью практики и теоретической подготовки. Особое внимание уделено материальным трудностям, включая запросы на казённые квартиры, пособия и заблаговременное уведомление о командировках. Руководство школы признало справедливость этих требований, но подчеркнуло зависимость от вышестоящих инстанций. Статья демонстрирует, что, несмотря на разногласия, и офицеры, и руководство школы стремились к совершенствованию учебного процесса, адаптируя его к изменениям в военном деле. Критика и предложения отражают динамику развития ОАШ и её роль в подготовке квалифицированных артиллерийских кадров.

Ключевые слова: Артиллерия, Офицерская артиллерийская школа, учебный процесс, программа занятий, офицеры, дивизионеры, практическая подготовка, теоретический курс стрельбы, чертежные работы, тактика артиллерии, материальная часть артиллерии, топография, иппология.

Chebarev V.V.

Deputy Head of the Faculty (artillery) of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg.

* © Чебарев В.В., 2025.

On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century

Abstract. The article analyzes the feedback from officers who completed training at the Officer Artillery School (OAS) in the early 20th century and the school's management's comments on their suggestions. The focus is on the organization of the educational process, course content, practical training, and the living and material conditions of service. The officers noted the discrepancy between the curriculum for staff officers and the requirements of future divisional officers, and also expressed wishes to reduce the duration of classroom lessons and increase practical exercises, especially in division management. The school's management acknowledged some of the comments, but pointed out limitations such as the lack of a suitable firing range and poor training of students. The theoretical shooting course was controversial: some officers considered it overloaded, while others thought it was well organized. Disputes also arose around drawing work, topography, and hippology, where opinions were divided between the need for practice and theoretical training. Particular attention is paid to material difficulties, including requests for state-owned apartments, allowances, and advance notice of business trips. The school management acknowledged the validity of these demands, but emphasized their dependence on higher authorities. The article demonstrates that, despite disagreements, both officers and the school management sought to improve the educational process, adapting it to changes in military affairs. Criticism and suggestions reflect the dynamics of the development of the OAS and its role in training qualified artillery personnel.

Key words: Artillery, Officer Artillery School, educational process, training program, officers, divisionists, practical training, theoretical shooting course, drawing work, artillery tactics, artillery materiel, topography, hippology.

В конце обучения в 1904 г. офицерам Офицерской артиллерийской школы было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся организации учебного процесса, содержания курсов, условий жизни и других аспектов их пребывания в школе. Эти ответы, а также комментарии руководства школы, позволяют получить полное представление о сильных и слабых сторонах подготовки артиллерийских кадров в начале XX века.

Многие офицеры отметили, что программа занятий для штаб-офицеров не полностью соответствует требованиям, предъявляемым к будущим дивизионерам. Руководство школы пояснило, что программы были разработаны комиссией и утверждены генерал-фельдцейхмейстером, но признало необходимость их корректировки. Также было высказано пожелание сократить продолжительность классных занятий с четырёх до двух часов в день, однако руководство возразило, что при слабой теоретической подготовке слушателей это приведёт к невыполнению учебных программ [1].

Слушатели предлагали руководству ОАШ, назначать офицеров имевшим большую практику в стрельбе батарей, чаще командовать дивизионом (*комментарий руководства школы: опыт показал, что более 4 дивизионных упражнений в Красном Селе не может быть произведено, из-за недостатка времени*), т. е. выработать в у них умение выводить дивизионы на позиции, размещать батареи на позиции и руководить огнем дивизиона, а также развивать навык в осуществлении рекогносцировки как первой, так и второй артиллерийской позиции. Также это способствовало бы выработать у командиров практику в использовании складками местности для скрытого выезда батарей, а, чтобы это реализовать слушатели предлагали ввести в курс школы групповые поездки, так называемые артиллерийские. Такие поездки уже практиковались тогда в некоторых бригадах (*комментарий руководства школы: желание вполне рациональное, но к несчастью ему не суждено осуществиться раньше покупки полигона для Школы, это желание, особенно в то время, когда артиллерия получила скорострельную пушку за собой тянуло громадные расходы, вызываемые стрельбой школы, и выпущенные 30000 снарядов будут окупаться только тогда, когда школа передислоцируется с болотистого, равнинного крошечного Ижорского полигона на поучительный, разнообразный и обширный участок, оборудованный по современным требованиям*).

Командировку в школу считали необходимой и поучительной по следующим причинам: она освежает все знания и приводит их в определенную систему; она дает возможность нравственно отдохнуть от того постоянного гнета, который лежит на командире части, отвечающем за все произошедшее в батарее.

Необходимость заблаговременно доводить о командировке в школу высказывали многие так как это давала бы возможность командируемому заблаговременно освежить в своей памяти все сведения, необходимые для прохождения курса (*комментарий руководства школы: офицеры переменного состава постоянно и неоднократно выражали и письменно, а еще больше и словесно вполне естественное желание, чтобы о командировке в школу сообщалось в части заблаговременно, но офицеры переменного состава думали, что в этом виновата была школа, но на самом деле это от нее не зависело и она в этом помочь не может*).

Пожелания обер-офицеров при анкетировании:

1. Желательно было бы, как будущему командиру батареи, получить основательную подготовку, чтобы быть полезным и компетентным руководителем офицеров в ведении тактических занятий.
2. Желательно обратить большее внимание на практическую сторону артиллерийского дела.
3. Желательны казенные квартиры (*комментарий руководства шко-*

лы: квартиры строятся).

4. Желательно иметь в Школе музеи с моделями нашего и иностранного вооружения (*комментарий руководства школы: дело будущего*).

5. Необходимо преподавать курс батарейного хозяйства (*комментарий руководства школы: странное желание*).

6. Желательно, преподавать механику, химию и технологию в более или менее популярном изложении (*комментарий руководства школы: желание еще более странное*).

7. Командировка без необходимого пособия в школу вызывает большой расход на приобретение личной экипировки, причем еще каждый из командируемых обременен семьей, получает жалованье, которое хватает только на необходимое.

8. Желательно, чтобы с самого начала занятий в школе пройти подробно (всестороннее) курс со скорострельными орудиями (*комментарий руководства школы: это желание будет выполнено, когда завершится перевооружение артиллерии, скорострельными пушками; до сих пор по необходимости приходилось начинать с поршневых и дальнобойных пушек*).

9. Жизнь на два дома очень дорога (приходится жить на два дома, что вызывает значительные расходы).

10. Необходимо знать о своей командировке в школу в октябре или сентябре предшествующего года ради решения личных дел (*комментарий руководства школы: можно присоединиться к высказанному пожеланию*).

12. Полезно высылать командируемым офицерам программы курса школы, чтобы они могли приехать более подготовленными (*комментарий руководства школы: желание вполне понятное, но оно будет выполнимо лишь в том случае, когда списки назначенных в школу офицеров будут составляться заблаговременно, месяца за два до прибытия в школу*).

13. Необходимо обеспечить командируемых офицеров казенной квартирой.

14. Желательно, чтоб возможно раньше доводили до офицеров, назначенных в школу. Список утвержден 4 декабря, а предписание получено в бригаду в январе. Это было бы удобнее и для офицера, и для начальства. Каждый капитан несет какие-нибудь особые обязанности, ему надо передать свою должность, разобраться с имеющимся имуществом, а времени нет (*комментарий руководства школы: желание вполне понятное*).

Что касается ответов и высказанные мнения на вопросы, предложенные в конце курса обучения, то они были обработаны несколько по-другому.

Каждому офицеру было предложено ответить на вопросы и в ответах изложить свои впечатления о проведенном времени и о пройденном курсе обучения за время нахождения в школе, чем подробнее, тем лучше. И руководство ОАШ разработало опросник по следующим направлениям

[2, с. 185]:

1. О прохождении теоретического курса в период зимних месяцев по каждому из предметов отдельно.
2. О стрельбе и о летних занятиях в период лагерного сбора.
3. О распределении времени занятий и степени утомляемости на различных видах занятий.
4. О проведении дивизионных стрельб.
5. Об отношениях руководителей к офицерам своих групп.
6. Об условиях расквартирования и жизни в зимний и летний периоды времени.
7. Какие неудобства представляет командировка в школу в служебном, семейном и материальном отношениях.
8. И изложить все то, что каждый найдет полезным довести руководству школы в пользу развития и совершенствования артиллерийского дела и деятельности школы в учебной, показательной, так и внутренней жизни в целом.

Теоретический курс стрельбы у слушателей вызвал неоднозначное мнение. Некоторые офицеры считали его слишком насыщенным и предлагали сократить, оставив только практические правила. Другие, напротив, отмечали его основательность и хорошую постановку. Руководство школы подчеркнуло, что курс не может быть сокращён из-за слабой подготовки прибывающих офицеров, но выразило надежду, что в будущем ситуация может улучшиться.

Чертежные работы стали предметом споров: часть офицеров считала их излишними и отнимающими время, тогда как руководство объяснило их важность для понимания теоретических основ стрельбы.

Курс тактики артиллерии офицеры хотели расширить за счёт большего количества практических задач и примеров. Руководство признало, что курс ещё находится в разработке, и пообещало подготовить печатные материалы для слушателей.

Занятия по материальной части артиллерии вызвали критику из-за недостатка времени и практики. Офицеры предлагали увеличить число часов и знакомить их с новыми видами орудий, такими как полевая мортира и горная пушка. Руководство объяснило трудности, связанные с изучением трёх типов орудий (клиновых, поршневых и скорострельных), но выразило уверенность, что после завершения перевооружения процесс обучения упростится.

Топография стала одним из самых спорных предметов. Многие офицеры считали её бесполезной и предлагали исключить из программы, аргументируя это тем, что чтение карт можно освоить и на занятиях по тактике. Руководство школы, однако, привело данные опроса, согласно

которым значительная часть слушателей плохо понимала рельеф местности по планам, что делало курс необходимым. Курс топографии (включительно до вычерчивания топографических знаков) возможно было бы ограничить выдачей конспектов и программ для освежения необходимых сведений, исключив совершенно чтение курса. Курс составлен слишком схоластически, желательно отбросить виртуозность в чтении планов, не имеющую полевого характера (таково большинство задач), а обратить внимание на составление перспективных кроки по LeRond и Morel и сравнение их с планом – вообще на пользование кроки и планом для подготовки элементов стрельбы с данной позиции (*комментарий руководства школы: десять человек высказалось за исключение топографии из числа предметов зимнего курса. При опросе в начале курса оказалось, что из 37 капитанов 24 свободно читают топографические карты и 13 не свободно; полное представление о рельефе местности по плану отдают себе из 37 человек только 25, а из 9 штаб-офицеров 4 не свободно читают карты и плохо понимают рельеф, 3 капитана незнакомы с масштабом – как после этого отказаться от топографии? Если бы при поступлении в школу были проведены экзамены, то можно было разделить всех прибывших в школу на знающих и на незнающих топографию, после чего первых освободить от занятий, а для вторых установить повторительный курс топографии для пополнения обнаруженных пробелов. Но и при таких условиях постановки занятий все-таки нарекания были бы, потому что 25 лет службы чрезвычайно разнообразно отзываются на познаниях, прибывающих в школу, и в силу этого невозможно составить программы, которые удовлетворяли бы всех слушателей: для одних в ней будет много лишнего, для других она будет недостаточно полна.*)

Иппология также вызвала дискуссии. Офицеры хотели больше практических занятий с живыми лошадьми, особенно по ковке и уходу, а не теоретических лекций о породах и мастьях [3]. Следует выкинуть лекции о пастях и включить определение возраста лошади (по зубам), а также болезни и их лечение. Руководство согласилось с важностью практики, но отметило организационные трудности проведения таких занятий. Упущен из виду отдел о кормах и связи его с работой лошади, ее гигиена в военных условиях. Интересны были бы вопросы о тяге, в связи со способами запряжки и типом амуниции (*комментарий руководства школы: программа иппологии подвергалась изменениям несколько раз в зависимости от выраженных желаний переменного состава. При утверждении программы имелось в виду дать слушателям сведения о лошади, необходимые для приемщика лошадей от населения при поставке лошадей по военно-конской повинности, а также сведения, необходимые батарейному командиру как ответственному лицу за вверенных ему лошадей. Имея*

в виду достижение упомянутых целей и соображаясь с полученными при опросе ответами, нельзя было бы ограничиться изучением одного копыта и ковки, как того желают некоторые. Если же все занятия по иппологии проходили не в конюшне, то это в силу невозможности организовать чтение систематического курса с демонстрацией всего излагаемого на живых лошадях, а также ввиду неудобства для слушателей подобных лекций при конюшенной обстановке. В аудитории пособиями служат скелет лошади и разные модели. Если нельзя окончательно отказаться от аудиторных чтений при сохранении настоящей программы, то все-таки можно будет до известной степени удовлетворить желание переменного состава и во всех возможных случаях обращаться к живым образцам).

Офицеры неоднократно поднимали вопросы, связанные с условиями жизни и материальными трудностями. Они просили обеспечить их казёнными квартирами, выдавать пособия на экипировку и заранее сообщать о командировках, чтобы успеть подготовиться. Руководство школы признало справедливость этих требований, но указало, что многие решения зависят не от школы, а от вышестоящих инстанций.

Ответы офицеров и комментарии руководства Офицерской артиллерийской школы отражают стремление к совершенствованию учебного процесса и улучшению условий службы. Несмотря на разногласия по отдельным вопросам, обе стороны демонстрируют заинтересованность в подготовке высококвалифицированных артиллерийских командиров. Критика и предложения офицеров, а также ответные пояснения руководства позволяют сделать вывод, что школа находилась в процессе постоянного развития, адаптируясь к изменениям в военном деле и потребностям армии.

Библиографический список:

1. Извлечения из журналов Артиллерийского комитета состоявшихся в январе 1905 года. // Артиллерийский журнал. 1905. № 1. С. 73-90.
2. Дьяков С.И. Образовательная деятельность Офицерской артиллерийской школы по переподготовке и повышению квалификации артиллерийских командиров с 1882 по 1917 г.: [монография] / Сергей Дьяков, и др. – СПб.: Издательский дом «Дескрипта», 2021.
3. История Центральных артиллерийских ордена Ленина раснознаменных курсов. – Л., 1958. С. 4.
4. Историко-педагогический анализ проблем формирования и развития военно-профессиональной идентичности офицеров ракетных войск и артиллерии / С.И. Дьяков, С.Ю. Добряк, К.А. Кисин, В.Е. Ванягин // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2-3-1. С. 550-576. – DOI 10.34670/AR.2023.96.53.072.
5. Пилявец Г.А. История создания Офицерской артиллерийской школы / Г.А. Пилявец, С.И. Дьяков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 22-24.
6. Дьяков С.И. Практические занятия крепостного и полевого отдела офицерской артиллерийской школы по обучению командиров батарей (дивизионов) / С.И. Дьяков, Г.А. Пилявец // Педагогика: наука и искусство: сборник материалов международной научной конференции, Москва, 27–28 декабря 2014 года / под редакцией Е.Д.Нелуновой. – Москва: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2015. С. 32-35.
7. Дьяков С.И. О составлении планов для стрельбы из орудий осадной и крепостной артиллерии в ходе

- обучения переменного состава Офицерской артиллерийской школы // Ростовский научный вестник. 2022. № 1. С. 45-47.
8. Дьяков С.И. Об основных положениях инструкции по проведению подготовительных к стрельбе упражнений с офицерами переменного состава полевого отдела Офицерской артиллерийской школы // Ростовский научный вестник. 2022. № 1. С. 39-41.
9. Чебарев В.В. Деятельность офицерской артиллерийской школы по подготовке артиллерийских командиров накануне и в ходе первой мировой войны / В.В. Чебарев, С.И. Дьяков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 23-26. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.37.

Reference

1. Extracts from the journals of the Artillery Committee held in January 1905. // Artillery journal. 1905. № 1. P. 73-90.
2. Dyakov S.I. Educational activities of the Officer Artillery School for retraining and advanced training of artillery commanders from 1882 to 1917: [monograph] / Sergei Dyakov, et al. – St. Petersburg: Publishing house “Description”, 2021.
3. History of the Central Artillery Order of Lenin and Different Banners Courses. – L., 1958. P. 4.
4. Historical and pedagogical analysis of the problems of formation and development of military-professional identity of officers of the missile forces and artillery / S.I. Dyakov, S.Yu. Dobryak, K.A. Kisin, V.E. Vanyagin // Pedagogical Journal. 2023. Vol. 13. № 2-3-1. P. 550-576. – DOI 10.34670/AR.2023.96.53.072.
5. Pilyavets G.A. History of the creation of the Officer Artillery School / G.A. Pilyavets, S.I. Dyakov // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2019. № 1 (49). P. 22-24.
6. Dyakov S.I. Practical classes of the fortress and field department of the officer artillery school for training battery (division) commanders / S.I. Dyakov, G.A. Pilyavets // Pedagogy: Science and Art: Collection of Materials of the International Scientific Conference, Moscow, December 27-28, 2014 / edited by E.D. Nelunova. – Moscow: International Center for Research Projects, 2015. P. 32-35.
7. Dyakov S.I. On Drawing Up Plans for Firing from Guns of Siege and Fortress Artillery During the Training of the Variable Composition of the Officer Artillery School // Rostov Scientific Bulletin. 2022. № 1. P. 45-47.
8. Dyakov S.I. On the Basic Provisions of the Instructions for Conducting Preparatory Shooting Exercises with Variable Composition Officers of the Field Department of the Officer Artillery School // Rostov Scientific Bulletin. 2022. № 1. P. 39-41.
9. Chebarev V.V. Activities of the officer artillery school for training artillery commanders on the eve of and during the First World War / V.V. Chebarev, S.I. Dyakov // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. № 3. P. 23-26. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.37.

Кистенев В.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры». ORCID: 0000-0002-5479-0998

Дрожжина Л.И.

Преподаватель отделения теоретических дисциплин Губкинского филиала ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры».

Сохранение исторической памяти и современные коммеморативные практики в Белгородской области*

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов сохранения исторической памяти и современных коммеморативных практик в Белгородской области. Рассматриваются ключевые события и символы региональной истории, такие как Белгородская оборонительная черта, события Великой Отечественной войны. Анализируются современные формы коммеморации, включая мемориальные проекты, музеефикацию объектов наследия и деятельность общественных инициатив.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, Белгородская область, мемориальные практики, культурное наследие, музеефикация, региональная идентичность, памятные места, сохранение истории.

Kistenev V.V.

Candidate of historical sciences, Associate Professor of the department of general theoretical and humanitarian disciplines. Belgorod State University of Arts and Culture. ORCID: 0000-0002-5479-0998

Drozhzhina L.I.

Teacher of the department of theoretical disciplines. Gubkin branch Belgorod State University of Arts and Culture.

* © Кистенев В.В., Дрожжина Л.И., 2025.

Preservation of historical memory and modern commemorative practices in the Belgorod region

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of preserving historical memory and modern commemorative practices in the Belgorod region. The article examines key events and symbols of regional history, such as the Belgorod defensive line, the events of the Great Patriotic War. The article analyzes modern forms of commemoration, including memorial projects, museification of heritage sites and the activities of public initiatives. Special attention is paid to the problems of preserving historical memory related to urbanization, insufficient popularization of local history and the need to develop new strategies for memorialization.

Key words: historical memory, commemoration, Belgorod region, memorial practices, cultural heritage, museification, regional identity, memorials, preservation of history.

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью исторической памяти в формировании региональной идентичности, особенно в условиях современных вызовов глобализации и трансформации социокультурного пространства. Белгородская область, обладая богатым историко-культурным наследием, представляет собой уникальный пример взаимодействия коммеморативных практик и процессов конструирования коллективной памяти. К настоящему времени здесь сформировался комплекс мероприятий, памятников и символических нарративов, отражающих как общегосударственные тренды, так и локальную специфику. Изучение этих процессов позволяет не только выявить механизмы сохранения исторической памяти, но и понять её влияние на укрепление гражданской солидарности и регионального самосознания. В условиях роста интереса к локальной истории и поиска новых форм коммеморации данное исследование приобретает особую значимость для разработки стратегий культурной политики и исторического просвещения.

Белгородская область важный историко-культурный регион, сыгравший заметную роль в переломных событиях российской истории XX–XXI веков. В годы Великой Отечественной войны территория области стала ареной ожесточённых сражений, наиболее значимым из которых явилась Курская битва (1943 г.), во многом определившая исход войны. Память об этих событиях остается стержнем региональной идентичности, формируя мемориальный ландшафт и коммеморативные практики. Кроме того, Белгородчина сохраняет глубокие традиции народной культуры, что создает уникальный синтез военно-исторического наследия и этнокультурных традиций. Изучение механизмов сохранения этой памяти позво-

ляет не только осмыслить региональную специфику, но и выявить её роль в формировании общероссийского исторического нарратива, что особенно важно в условиях современных вызовов, связанных с фальсификацией истории и необходимостью патриотического воспитания.

Проблема сохранения исторической памяти и коммеморативных практик активно разрабатывается в современных гуманитарных науках. Фундаментальный вклад в изучение механизмов коллективной памяти внесли зарубежные исследователи, такие как немецкие историки Ян и Алейда Ассман, предложившие концепцию «культурной памяти» [1,2] и француз П. Нора, разработавший теорию «мест памяти» (*lieux de mémoire*) [19]. В российской науке вопросы исторической памяти и коммеморации исследуются в работах Л. П. Репиной, А.Я. Гуревича и других авторов, анализирующих взаимосвязь памяти, идентичности, ментальности и политики [25, 7, 17, 15].

Применительно к Белгородчине можно выделить ряд работ, затрагивающих вопросы исторического наследия и мемориальной культуры. Региональные историки В.В. Овчинников, А.Н. Крупенков исследовали историю края, включая события Великой Отечественной войны и Курской битвы, однако их труды чаще носят событийно-фактологический характер, нежели анализируют механизмы коммеморации [20, 12]. Отдельные аспекты сохранения исторической памяти в регионе затрагивались в публикациях А.В. Кулабухова и А.В. Гапурак [13, 6]. Культурологические и антропологические аспекты традиционной культуры Белгородской области рассматривались в работах А.И. Дудка, М.С. Жирова и других авторов [8, 9], но их исследования редко затрагивают проблему взаимодействия исторической памяти и современных мемориальных практик. Таким образом, анализ специальной научной литературы позволяет констатировать наличие лакун в изучении трансформации исторической памяти и современных коммеморативных практик в Белгородской области. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, объединив достижения теоретической мысли *memory studies* с конкретно-историческим анализом регионального материала, что позволит по-новому осмыслить процессы формирования исторической памяти на локальном уровне.

Целью статьи является анализ современных коммеморативных практик в Белгородской области и их роль в сохранении исторической памяти. Цель достигается посредством решения следующих задач: рассмотреть ключевые исторические события и символы, формирующие память региона; изучить государственные и общественные инициативы по сохранению памяти; проанализировать современные формы коммеморации (музеи, памятники, цифровые проекты).

Методологическая основа исследования базируется на междисципли-

нарном подходе, объединяющем методы исторической науки, культурологии и социологии. Ключевым инструментом выступает историко-культурный анализ, позволяющий проследить эволюцию коммеморативных практик в Белгородской области на протяжении XX–XXI веков и выявить их связь с формированием региональной идентичности. В рамках коммеморативных исследований применяется концептуальный аппарат *memory studies* (теория «мест памяти» П. Нора, концепция «культурной памяти» А. Ассман), что дает возможность интерпретировать мемориальные объекты, ритуалы и символические нарративы как элементы социального конструирования прошлого. Особое внимание уделяется полевым наблюдениям, включающим фиксацию современных памятных мероприятий, визуальную документацию мемориальных ландшафтов, что позволяет выявить актуальные тенденции в практиках памяти.

Белгородская область представляет собой уникальный регион, где историческая память формировалась под влиянием различных эпох и событий, каждое из которых внесло свой вклад в современную региональную идентичность. Следует выделить ключевые исторические периоды, сформировавшие коллективную память белгородцев, а также проанализировать основные символы и коммеморативные практики, способствующие сохранению исторического наследия региона.

Историческая память Белгородской области уходит корнями в древнерусский период, когда территория современного региона входила в состав Курского княжества. Важнейшим элементом исторического сознания этого периода является память о пограничном статусе региона, выполнявшего функцию щита русских земель от набегов кочевников [21]. Создание системы оборонительных линий, в частности Белгородской черты в XVII веке, стало не только важным военно-стратегическим мероприятием, но и сформировало особый тип пограничной культуры, отразившийся в местных традициях и фольклоре [22].

Необходимо отметить, что археологические памятники (городища, курганы) и топонимика региона также сохраняют память об этом периоде, хотя в массовом сознании он представлен менее отчетливо, чем более поздние исторические пласты [5]. В XX веке произошла определенная ревитализация интереса к древнерусскому прошлому, что проявилось в создании соответствующих музейных экспозиций и включении этого нарратива в региональные исторические издания [14].

Период XVIII–XIX веков оставил глубокий след в исторической памяти региона, прежде всего через культивирование казачьих традиций и хозяйственного освоения края. Белгородчина стала местом формирования особой субкультуры слободских казаков, чьи традиции в трансформированном виде сохраняются до настоящего времени. В современный период

наблюдается возрождение интереса к казачьей культуре, что проявляется в деятельности фольклорных коллективов, организации тематических фестивалей и создании музеев казачьего быта [11].

Сельскохозяйственная специализация региона также стала важной составляющей региональной идентичности. Память о традиционных формах землепользования, особых сортах сельскохозяйственных культур (например, белгородской гречихе) сохраняется в местных сообществах и активно используется в современных брендинговых стратегиях региона [26].

Наиболее значимым для современной исторической памяти Белгородчины стал период Великой Отечественной войны, особенно события лета 1943 года. Прохоровское танковое сражение, являющееся частью Курской битвы, приобрело статус центрального элемента регионального исторического нарратива [10]. Этот эпизод военной истории стал основой для формирования целого комплекса мемориальных объектов и коммеморативных практик [23].

Особенностью памяти о войне в Белгородской области является ее исключительная визуализированность – от масштабных мемориальных комплексов до многочисленных памятников в небольших населенных пунктах. При этом наблюдается определенная динамика: если в первые послевоенные десятилетия акцент делался на массовом героизме, то в последние годы все больше внимания уделяется личным историям и судьбам отдельных участников событий.

Советский период оставил двойственное наследие в исторической памяти региона. С одной стороны, индустриализация и создание крупных промышленных предприятий (таких как Лебединский ГОК или Оскольский электрометаллургический комбинат) воспринимаются как важные достижения, с другой – коллективизация и связанные с ней социальные потрясения сохраняются в памяти преимущественно на семейном уровне.

Особенностью коммеморации советского периода в Белгородской области является его относительная маргинализация по сравнению с военной тематикой. Однако в последние годы наблюдается определенный интерес к промышленной археологии и сохранению памяти о трудовых достижениях этого времени, что проявляется в создании ведомственных музеев и организации тематических выставок [18].

Современный этап характеризуется активным использованием исторического наследия в целях регионального развития. Особое внимание уделяется мемориальному туризму, связанному прежде всего с местами боевой славы. Прохоровское поле стало центром не только памяти о войне, но и важным туристическим объектом, включенным в федеральные программы патриотического воспитания [16].

Важной особенностью современного этапа является активное вовлечение молодежи в процессы сохранения исторической памяти через волонтерские движения, поисковые отряды и образовательные проекты [24].

При анализе символов исторической памяти Белгородской области в контексте культурно-исторического наследия следует выделить систему Белгородской оборонительной черты XVI–XVII веков, в частности, город-крепость Яблонов, Оскол, Валуйки, Короча, Белгород и других, которые в совокупности формируют уникальный исторический ландшафт, обладающий высокой степенью мемориальной ценности и выполняющий функцию трансляции коллективной памяти [22].

Центральное место в мемориальном ландшафте региона занимают объекты, связанные с Великой Отечественной войной. Музей-заповедник «Прохоровское поле» представляет собой сложный комплекс, включающий: Мемориал «Звонница», Музей боевой славы, Парк Победы, реконструированные участки боевых позиций. Белгородская диорама «Курская битва» является не только художественным произведением, но и важным инструментом формирования исторического сознания, сочетающим документальную точность с эмоциональным воздействием.

Архитектурное наследие региона представлено различными типами сооружений: усадебные комплексы XVIII–XIX веков (например, усадьба Юсуповых в Ракитном), купеческие особняки в стиле эклектики, храмовые сооружения разных эпох (от Свято-Троицкого собора в Белгороде до современных церквей). Особенностью современного подхода к архитектурному наследию является его активное включение в туристические маршруты и образовательные программы, что способствует популяризации исторической памяти.

Таким образом, историческая память и символы Белгородской области представляют собой многослойный феномен, в котором переплетаются различные исторические периоды и их интерпретации. Особенностью региона является сочетание официальных мемориальных стратегий с народными формами сохранения памяти, что создает уникальный комплекс исторического наследия.

Характеризуя современные коммеморативные практики в Белгородской области, следует отметить сочетание в них как общероссийских тенденции, так и региональную специфику. Исследуемый этап раскрывается усложнением форм исторической памяти, появлением новых акторов коммеморации и активным использованием цифровых технологий. Рассмотрим ключевые, с нашей точки зрения, направления мемориальной политики последних двух десятилетий, включая государственные программы, общественные инициативы и инновационные формы сохранения памяти. Почеркнем также взаимодействие и взаимопроникновение

различных уровней коммеморации и их роль в формировании региональной идентичности.

В 2000–2020-е годы в Белгородской области активно реализуются крупные государственные проекты, направленные на сохранение исторической памяти. Особое значение приобрел проект «Без срока давности». В его рамках в регионе проводятся архивные исследования, публикуются рассекреченные документы о преступлениях нацистов, организуются тематические выставки. В 2020 году в Белгороде состоялась масштабная экспозиция, основанная на материалах ЧГК о зверствах оккупантов на территории области [3].

Региональный компонент государственной программы «Историческая память», реализованный под эгидой партии «Единая Россия» включал благоустройство воинских захоронений, издание мемориальных книг и поддержку школьных музеев.

Особенностью государственной политики последних лет стало внимание не только к крупным мемориалам, но и к локальным местам памяти, что способствует «демократизации» коммеморативного пространства.

Важнейшей составляющей современной мемориальной культуры стали гражданские инициативы. «Бессмертный полк» – в регионе это движение приобрело особый размах – в 2019 году в шествии в Белгороде участвовало свыше 50 тысяч человек. Местной особенностью стало активное вовлечение сельских жителей. Реставрационные проекты волонтеров, таких как «Волонтеры Победы» регулярно проводят работы по благоустройству воинских захоронений. В 2024 году силами добровольцев было приведено в порядок почти 3 тыс. захоронений и памятников в малых населенных пунктах [4]. Важно отметить, что в Белгородской области действует около 13 поисковых объединений («Огненная дуга», «Фронт», «Поиск» и др.), которые ежегодно проводят экспедиции и перезахоронения.

Цифровизация существенно изменила коммеморативные практики. В качестве иллюстрации данного процесса можно рассмотреть инновационные виртуальные музеи. В Белгороде развиваются такие проекты как «Моя Белгородчина», «Белгородчина в годы войны», «Третье ратное поле России», «Музей народной культуры» и другие. Эти цифровые платформы интегрируют передовые технологии, включая: иммерсивные 3D-туры по ключевым мемориальным комплексам, обеспечивающие эффект присутствия и интерактивного взаимодействия с объектами культурного наследия, интерактивные карты с геолокационными маркерами значимых исторических событий, виртуальные реконструкции утраченных или поврежденных объектов культурного наследия.

Кроме того, в Белгородской области развиваются онлайн-архивы – оцифрованные исторические материалы, подвергнутые систематизации и

мультимедийной обработке, создаются мобильные приложения – разработаны гиды по местам памяти с технологией дополненной реальности (например, проект «Белгородская черта»).

Подобные цифровые решения не только расширяют доступ к историческому знанию, но и создают новые формы мемориальной коммуникации, трансформируя традиционные практики коммеморации в соответствии с вызовами цифровой эпохи.

Отдельно следует сказать об общественно-массовых формах коммеморации: фестивали («Прохоровское поле») и исторические реконструкции («Белгородская черта: истории и крепости»), тактические игры и квесты для молодежи («Маршрутами памяти»). Эти формы позволяют осуществить «оживление» истории через эмоциональное переживание и личное участие.

Исходя из вышеизложенного, отметим – современные коммеморативные практики в Белгородской области представляют собой сложную систему, где сочетаются государственные программы, общественные инициативы и инновационные формы сохранения памяти. Основными тенденциями последних двух десятилетий стали: диверсификация форм памяти (от традиционных монументов до цифровых проектов), демократизация коммеморации через вовлечение гражданских инициатив, эмоционализация исторического нарратива через интерактивные практики. Особенностью региона остается тесная связь военной тематики с вопросами региональной идентичности.

Таким образом, проведенное исследование современных коммеморативных практик в Белгородской области позволяет заключить, что в регионе сложился уникальный комплекс исторической памяти, объединяющий различные периоды – от древнерусской эпохи до современности. Особое значение приобрели события Великой Отечественной войны, ставшие стержнем региональной идентичности. При этом каждый исторический период внес свой вклад в формирование мемориального ландшафта.

Сложившаяся система взаимодействия государственных программ (федеральные проекты «Без срока давности», «Историческая память») и общественных инициатив (волонтерские движения, цифровые проекты) позволила создать сбалансированную модель коммеморации, сочетающую официальные нарративы с локальными практиками.

В то же время цифровые технологии (3D-реконструкции, виртуальные архивы) и новые образовательные подходы открывают перспективы для развития мемориальной работы. Перспективы дальнейших исследований, на наш взгляд, могут быть связаны с более глубоким изучением цифровых форм коммеморации, анализом трансформации исторических нарративов в условиях современных вызовов, а также сравнительными исследования-

ми региональных практик памяти.

Библиографический список:

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Белгородская область: Сб. арх. док. / Отв. ред. Е.В. Кривцова. – М.: Фонд «Связь Эпох»; Кучково поле Музеон, 2020. – (Серия «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой войны»). 824 с.
4. Белгородские волонтеры привели в порядок почти 3 тысячи воинских захоронений и памятников // Сетевое издание «Победа 31». // URL: <https://bel-pobeda.ru/news/obshchestvo/2024-05-09/belgorodskie-volontyory-priveli-v-poryadok-pochti-3-tysyachi-voinskih-zahoronenyi-i-pamyatnikov-385791> (Дата обращения: 10.06.2025).
5. Буринчик А.С., Лисецкий Ф.Н. Особенности охраны и государственной регистрации объектов археологического наследия на территории Белгородской области // Региональные геосистемы. 2020. № 4. С. 375-387.
6. Гамурак А.В. К вопросу о сохранении исторической памяти в контексте ландшафтного обустройства общественных пространств (на примере Парка военной сирени в п. Прохоровке Белгородской области) // Syringa L.: коллекция, выращивание, использование. 2022. № 3. С.13-18.
7. Гуревич А.Я. Проблема ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: 1989. С. 75-89.
8. Дудка А.И. Этноистория и этнокультура Белгородского края: учебное пособие. Белгород: ИПЦ «Полиатerra», 2004. 96 с.
9. Жиров М. С. Народная художественная культура Белгородчины. – Белгород, 2000. – 266 с.
10. Замулин В.Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. – М.: АСТ, 2005. 734 с.
11. Казачество в истории Белгородчины: историческая справка / сост.: Т.В. Васильева, Н.А. Паршинская. – Белгород: ИПЦ «Полиатerra», 2010. 43 с.
12. Круленков А.Н. Пройдемся по старому Белгороду. Белгород: Константа, 2007. 386 с.
13. Кулабухов А.В. Служение делу, на благо людей: как развивалась культура и искусство Белгородской области в 1985–2008 годах. Белгород: изд-во Сангала К.Ю., 2022. 176 с.
14. Макринова Е.И., Лысенко В.В., Шокова Е.А. Новые экскурсионные программы Белгородского музея народной культуры как способ вовлечения населения в культурно-познавательный туризм // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 1. С. 109-119.
15. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4. С. 6-22.
16. Мишкина О.С. Сохраняя прошлое – думаем о будущем. Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле» // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. С. 59-67.
17. Москвина И.К. Политика и проблемы коммеморации в современной культуре России // Труды СПбГИК. 2008. Т. 180. С. 268-274.
18. Музей энергетики Белгородской области. // URL: <https://www.mrsk-1.ru/about/museums/belgorodenergo/> (Дата обращения: 10.06.2025).
19. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-50.
20. Овчинников В.В. Память непокоренных. – Белгород: Константа, 2006. 167 с.
21. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008.
22. Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. – Рыбинск: Медиаарт, 2020. 264 с.
23. Пенкина О.В., Серявин И.В. Память о Курской битве в коммеморативных практиках // Reports Scientific Society. 2023. № 11. С. 21-24.
24. Попп И.А. Конструирование гражданской идентичности российской молодежи через проекты по сохранению исторической памяти // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2020. Вып. 23. С. 355-362.
25. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39-51.
26. Шалыгина Н.П., Сельков М.В., Курач Е.В. Брендинг как инструмент развития сельского туризма в Белгородской области // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9588> (Дата обращения: 10.06.2025).

Reference

1. Assman A. New discontent with memorial culture / Translated from German by B. Khlebnikov. – M.: New literary review, 2016. 232 p.
2. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / Translated from German by M.M. Sokolskaya. – M.: Languages of Slavic culture, 2004. 368 p.
3. No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Belgorod region: Coll. arch. documents / Ed. E.V. Krivtsova. – M.: Foundation "Connection of Epochs"; Kuchkovo Pole Muzeon, 2020. – (Series "No Statute of Limitations. Crimes of the Nazis and Their Collaborators against the Civilian Population during World War II"). 824 p.
4. Belgorod volunteers put almost 3 thousand military graves and monuments in order // Online publication "Pobeda 31". // URL: <https://bel-pobeda.ru/news/obshestvo/2024-05-09/belgorodskie-volontyory-priveli-v-poryadok-pochti-3-tysyachi-voinskih-zahoroneniya-i-pamyatnikov-385791> (10.06.2025).
5. Burinchik A.S., Lisetsky F.N. Features of the protection and state registration of archaeological heritage sites on the territory of the Belgorod region // Regional geosystems. 2020. № 4. P. 375-387.
6. Gamurak A.V. On the issue of preserving historical memory in the context of landscape arrangement of public spaces (on the example of the Military Lilac Park in Prokhorovka, Belgorod Region) // Syringa L.: collections, cultivation, use. 2022. № 3. P. 13-18.
7. Gurevich A.Ya. The problem of mentality in modern historiography // General history: discussions, new approaches. – M.: 1989. P. 75-89.
8. Dudka A.I. Ethnohistory and ethnoculture of the Belgorod Region: a tutorial. Belgorod: IPC "Politerra", 2004. 96 p.
9. Zhiron M. S. Folk art culture of the Belgorod region. - Belgorod, 2000. – 266 p.
10. Zamulin V.N. Prokhorovka - an unknown battle of the great war. – M.: AST, 2005. 734 p.
11. Cossacks in the history of the Belgorod region: historical background / compiled by: T.V. Vasilyeva, N.A. Parshinskaya. – Belgorod: IPC "Politerra", 2010. 43 p.
12. Krupenkov A.N. Let's walk through old Belgorod. Belgorod: Konstanta, 2007. 386 p.
13. Kulabukhov A.V. Serving the cause, for the benefit of people: how the culture and art of the Belgorod region developed in 1985-2008. Belgorod: Sangalov K.Yu. Publishing House, 2022. 176 p.
14. Makrinova E.I., Lysenko V.V., Shokova E.A. New excursion programs of the Belgorod Museum of Folk Culture as a way to involve the population in cultural and educational tourism // Modern problems of service and tourism. 2018. Vol. 12. № 1. P. 109-119.
15. Malinova O. Yu. Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: possibilities of comparative analysis // Polity: Analysis. Chronicle. Forecast. 2017. № 4. P. 6-22.
16. Mishkina O.S. Preserving the past - thinking about the future. State Military-Historical Museum-Reserve "Prokhorovskoye Pole" // Military-Historical Journal. 2018. № 7. P. 59-67.
17. Moskvina I.K. Politics and problems of commemoration in modern Russian culture // Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture. 2008. Vol. 180. P. 268-274.
18. Museum of Energy of the Belgorod Region. // URL: <https://www.mrsk-1.ru/about/museums/belgorodenergo/> (10.06.2025).
19. Nora P. Problems of places of memory // France-memory. SPb.: Publishing house of St. Petersburg State University, 1999. P. 17-50.
20. Ovchinnikov V.V. Memory of the Unconquered. – Belgorod: Konstanta, 2006. 167 p.
21. Essays on the history of the Kursk region from ancient times to the 17th century. Kursk, 2008.
22. Papkov A.I., Petrukhintsev N.N., Khitrov D.A. Belgorod line: history, fortification, people. – Rybinsk: Mediarost, 2020. 264 p.
23. Penkina O.V., Seryavin I.V. Memory of the Battle of Kursk in commemorative practices // Reports Scientific Society. 2023. № 11. P. 21-24.
24. Popp I.A. Construction of the civic identity of Russian youth through projects to preserve historical memory // West, East and Russia: Questions of General History. 2020. Issue 23. P. 355-362.
25. Repina L.P. Historical Memory and Modern Historiography // New and Contemporary History. 2004. № 5. P. 39-51.
26. Shalygina N.P., Selyukov M.V., Kurach E.V. Branding as a Tool for the Development of Rural Tourism in the Belgorod Region // Modern Problems of Science and Education. 2013. № 3. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9588> (10.06.2025).

Стафеев О.Н.

Кандидат иностранных наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут.

Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году*

Аннотация. Составной частью гражданской войны в России являлось крестьянское движение, имевшее разнонаправленный характер: как за, так и против Советской власти. Особенно широкий размах оно приобрело во второй половине 1920-1921 гг. вылившись в серии антикоммунистических крестьянских восстаний. Одним из крупнейших восстаний был так называемый Западно-Сибирский крестьянский мятеж. Одним из регионов восстания был Сургутский район. Статья посвящена причинам поражений и итогам вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 г. Делается вывод о многофакторном характере причин поражения Сургутского восстания, где ключевыми причинами являются политика органов власти восставших, крестьянский характер вооруженных выступлений, участие регулярных частей Красной армии. В результате анализа большого фактологического материала выделяются итоги крестьянского восстания для Сургута и Сургутского уезда.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянское движение, Сургутский уезд, Западно-сибирское крестьянское восстание, подавление восстания.

Stafeev O.N.

PhD in History. Assistant professor of social-humanitarian education department, Surgut State Pedagogical University, Surgut.

Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921

Abstract. An integral part of the civil war in Russia was the peasant movement, which had a multidirectional character: both for and against the Soviet power. It acquired a par-

* © Стафеев О.Н., 2025.

ticularly wide scope in the second half of 1920-1921, resulting in a series of anti-communist peasant uprisings. One of the largest uprisings was the so-called West Siberian peasant rebellion. One of the regions of the uprising was the Surgut region. The article is devoted to the causes of defeats and the results of armed uprisings in the Surgut district in 1921. A conclusion is made about the multifactorial nature of the causes of the defeat of the Surgut uprising. Where the key reasons are the policy of the authorities of the rebels, the peasant nature of the armed uprisings, the participation of regular units of the Red Army. Through extensive factual material, the results of the peasant uprising for Surgut and the Surgut district are highlighted.

Key words: Civil war, peasant activity, Surgut district, Western Siberia peasant's rebellion, suppression of the uprising.

Гражданская война всегда являлась одной из приоритетных тем советской и российской историографии. Одной из важнейших частей гражданской войны было крестьянское движение, которое приобрело широкий размах в 1920-1921 годах. В Сибири наиболее крупным крестьянским волнением было Западно-Сибирское восстание. Сургутское или Сургутско-Нарымское восстание было составной частью данного выступления, вспыхнувшего на Севере Западной Сибири.

Начало исследованию Сургутского или Сургутско-Нарымского восстания положил непосредственный участник событий Х. Хейфец, который своей публикацией внес значительный вклад в освещение причин и хода восстания [44]. Большой интерес представляют воспоминания участников событий А.К. Вейса, К.Ф. Лукичева, М.В. Хорохордина, отложившиеся в фонде Ф.Я. Показаньева, в которых раскрываются события восстания и ход его подавления [31, 32].

Серьезное значение для изучения темы имела публикация И.Т. Белимова «Разгром кулацкого мятежа в Сургутском уезде в 1921 г.», изданная в 1958 г. и напечатанная в газете «К победе коммунизма» в 1983 году [1]. В ней отразилась советская концепция подавления Сургутского восстания, которая и послужила базой при изучении данной темы краеведами [35, 38, 39, 40, 41, 42].

В постсоветское время наибольший интерес представляют работы В.И. Николаенко, В.В. Цыся [33, 34, 46, 47, 48, 49]. Главным результатом изучения проблемы в этот период стала обобщающая монография, анализирующая Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года на Тобольском Севере. Автор комплексно рассмотрел причины выступления, политику восставших на Обь-Иртышском Севере, ход ликвидации, итоги и последствия крестьянского восстания 1921 года, не акцентируя внимания на Сургутском уезде как одном из центров восстания [45].

Историографическая ситуация обусловила цель работы: реконструкция причин поражения и итоги вооруженного выступления против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году.

Несомненно, восстание 1921 г. были одним из самых кровавых событий в истории края. Без обращения к причинам поражения и итогам вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году невозможно полноценное рассмотрение истории Ханты-Мансийского автономного округа в целом и города Сургута в частности.

Анализируя проблему причин поражения Сургутского восстания, необходимо рассмотреть политику органов власти повстанцев в уезде. Большое значение в изучении причин играла политика восставших в сфере экономики и управления, так как именно данные вопросы являлись определяющими в отношении населения к власти.

На начальном этапе выступления население активно поддерживало повстанцев. Так, население Сургута и уезда без особого труда нашло возможность отправить до 600 пудов муки из Локосовской волости [34, С. 92]. Однако со временем отношение к восставшим начинает меняться. Это было обусловлено политикой новых органов власти, а именно введением военного положения, мобилизацией, террором и насилием. Значительную роль сыграло и узурпирование власти в уезде военным штабом 28 марта 1921 года [34, С. 90], во главе которого стоял Преображенский - ставленник Тобольска. Власть в уезде опять перешла в руки представителей Юга. Большое значение в этой ситуации также имело полное подчинение местных органов власти Тобольску, иногда даже в ущерб местным интересам, что отрицательно сказалось на отношении к новой власти, а, следовательно, и на снабжении её продовольствием. В результате начинается насильственное изъятие продовольствия. С этой целью в уезд были направлены отряды для экспроприации. Но особенно важными представляются случаи, отмеченные В.И. Николаенко: запрещение организации общегородского собрания и вывоз из города продовольствия [34, С. 90-92]. Продовольственный вопрос, особенно хлебный, играл большую роль в жизни уезда. Он показывал отношение власти к населению. Что касается запрета собрания, то это было прямое нарушение традиций самоуправления региона и прав населения. Если добавить сюда захват власти военным штабом и отстранение от управления выборных органов, то вырисовывается ясная картина причин недовольства населения. В первую очередь, она связана с экономическими факторами, т.е. с изъятием продовольствия, из-за чего и начались вооруженные выступления. Таким образом, можно говорить о том, что повстанческая власть отчасти повторяла ошибки большевиков, чем в какой-то степени предопределила свое падение.

Помимо политики повстанческих органов власти можно говорить и еще об одном факторе, сыгравшем свою роль в поражении восставших. Им является крестьянский характер вооруженных выступлений, который проявляется в ряде признаков: недисциплинированности, местническом мировоззрении, отсутствии военной подготовки. Факт недисциплинированности сургутских партизан зафиксирован в газете повстанцев «Голос Народной Армии». В ней отмечалось: «Отряду было дано распоряжение обойти Сургут и таким образом отрезать путь отступления коммунистам. Отряд почесывался, кряхтел, охал и пришел в назначенное место лишь после того, как Сургут был уже занят...» [8, Л. 20-20 (об)]. Проявлением же местнического мировоззрения крестьян было нежелание воевать с большевиками за территорией своего поселения или же вдали от дома, пока дому не угрожает опасность. Н.П. Зырянов пишет в своих воспоминаниях: «В апреле месяце слухи о поражении повстанцев на юге Тюменской губернии дошли до Сургута. В повстанческих отрядах началось брожение и разложение. Наступающий... отряд П.И. Лопарева угрожал занятием с. Самарово и перехватом путей отступления повстанческим отрядам, пришедшим на Север из южных районов. Мятежники спешно побежали из Сургута через Самарово в южные районы» [5, Л. 20]. Данный факт подтверждается и анализом архивных документов ФСБ, которые легли в основу работы В.И. Николаенко [34, С. 95]. Также большую роль играло отсутствие у крестьян какой-либо военной подготовки. Жители города Сургута отмечали в воспоминаниях, что «некоторые мужчины ... открыто заявили, что они никогда не воевали и даже в армии не служили, потому что коренных сургутян на военную службу не призывали» [16, Л. 7.].

В докладе члена реввоентройки Нарымского края И.М. Видягина в президиум Томского губисполкома Советов отмечается, что после поражения у деревни Мурасово и вплоть до деревни Широково повстанцы панически отступали. И.М. Видягин пишет: «Таким образом, противник, потерпев полное поражение, настроился столько панически, что продолжал быстро отступать, забыв о сопротивлении» [3, Л. 1-3]. Подобное поведение в какой-то мере объясняется крестьянским характером выступлений, т.к. крестьянин воюет только в двух случаях: во-первых, когда ему или его имуществу угрожает опасность, во-вторых, когда боевые действия проходят успешно. При крупных поражениях и потерях крестьянская масса деморализуется.

Следующей причиной, выделяемой на основании данных источников и отмечавшейся в публикациях по проблеме, было плохое вооружение повстанцев. Вооружены они были в основном дробовиками, хотя использовали также винтовки и берданки. Как отмечает Х. Хейфец, после сражения у деревни Широково было захвачено около 100 ружей, преимущественно

разных дробовиков [28, Л. 5]. Это оружие добывалось у охотников и из реквизированного перед восстанием вооружения. И.М. Видягин пишет: «... неприятельский отряд достигал не более 120 человек, из которых хорошими винтовками вооружены не более 50 человек» [3, Л. 1-3]. При этом в сравнении с южными районами вооружение сургутских повстанцев было хорошим. В источниках не отмечено использование пик, топоров, ломов и т.п. [9, Л. 13].

Говоря о причинах поражения, стоит упомянуть и содержание сводки Тобольского главного штаба от 14 марта: «Командование северными отрядами Народной Армии считает направление обеспеченным, часть отрядов направляется им с Севера на другие фронты» [8, Л. 1-2]. Отсюда можно сделать вывод, что северные направления были ослаблены в результате ухода части отрядов. Это, несомненно, повлияло на стратегическую обстановку в регионе.

Еще одной причиной поражения восставших стало участие в военных действиях помимо большевистских отрядов Сургута и Нарыма регулярных частей Красной Армии и ЧК. Как отмечается в источниках, в подавлении участвовали из регулярных частей 6-я рота 257 полка, отряд батальона губчека, рота Залютина, общая численность которых составила около 300 человек [3, Л. 1-3; 5, Л. 15-20 (об)]. Особо стоит отметить отряд, прибывший на бронепароходе «Алтай». Этот отряд состоял из красноармейцев 86-й стрелковой бригады 29 дивизии (город Нижне-Николаевск). Как отмечает военный комиссар бронепарохода «Алтай» А.К.Вейс: «... в этой экспедиции участвовало около 150-200 человек красноармейцев (стрелков, пулеметчиков, артиллеристов) и командного состава» [6, Л. 2-3]. Все эти части прошли бои гражданской войны и были преданы партии РКП (б).

Из всего вышесказанного ясно, что крестьянские выступления против советской власти были обречены на провал, что было обусловлено внешними и внутренними факторами: политикой повстанческих органов власти, крестьянским характером движения и борьбой с уже раскрученной военной машиной большевиков.

Несомненно, что вооруженные выступления в Сургуте имели значительные последствия для социально-экономической жизни уезда и отразились на судьбах многих их участников. Одним из итогов вооруженных выступлений в уезде было сокращение численности населения. К сожалению, почти все сохранившиеся материалы содержат информацию о потерях Советской стороны и почти не освещают потери повстанцев. По данным, приведенным в докладе Н.М. Видягина, на других фронтах – Нарымском и Березовском – потери парторганизации составляли 78 человек [3, Л. 3]. При этом были не учтены расстрелянные и захваченные в начале восстания коммунисты. Так, судя по именному списку, в Тундринской волости

было расстреляно и убито в ходе военных действий 34 человека [13, Л. 16]. Данный список включал коммунистов из местных ячеек и уничтоженный отряд Шимова. В сражении под Нижневартовском, по данным именных списков, погибло 15 человек [13, Л. 14 (об)]. При этом в него не были включены Зорин и Свинов, также погибшие в результате указанного боя, но вывезенные отступающим обозом. В Лумпокольской волости из рядов Сургутской партийной организации выбыли 12 человек [29, Л. 85]. Расстрелы также производились и в с. Зенково, к сожалению, материалов о количестве убитых в данном населенном пункте не найдено. Известно лишь, что карательным отрядом «Северные орлы» там было казнено 6 человек [34, С. 96].

В центре восстания в Сургуте действовала следственная комиссия, которая выносила смертные приговоры. В воспоминаниях жители города Сургута отмечают: «В апреле 1921 года в Сургуте на Западной окраине (Казачья пустошь) было расстреляно более 20 заложников» [16, Л. 8]. Всего, как отмечает в докладе ответственный секретарь Сургутского уездного комитета РКП (б) А.Г. Томингас, «из коммунистов Сургутского уезда и ответственных работников выбыло около 145 человек» [7, Л. 120]. Потери повстанцев в ходе подавления восстания, судя по докладу И.М. Выдягина и работе Х.Хейфеца, составили 32 человека [3, Л. 1-3]. При этом не учитывались потери восставших в мелких стычках и количество расстрелянных в ходе подавления выступления пленных. После восстания, как отмечает в своем докладе от 6 июля 1921 года председатель Сургутского уездвоенревкома, было расстреляно 36 человек, но работа выездной сессии ревтрибунала только начиналась [21, Л. 52].

К сожалению, сведений об общем количестве выбывшего населения нет, но численность населения Сургута составляло 13 тысяч человек [17, Л. 3]. В других источниках, например, в воспоминаниях Тома Томингаса, приводятся другие цифры – 15 тысяч человек по переписи 1920 года [18, Л. 6]. Несомненно, потери были большие, причем выбывало наиболее трудоспособное население мужского пола (мобилизации подлежало мужское население от 20 до 30 лет, а позже возрастной барьер был поднят) [4, Л. 34].

Экономика уезда в результате восстания была разрушена. Население в ходе отступления повстанцев эвакуировалось вместе с ними или уходило в леса. Как отмечает в докладе Федосеев, во многих населенных пунктах мужчин было очень мало, например: «В Вартовске из 35 ушло 33, в Локосово из 35 ушло 25 мужчин» [31, Л. 1]. Да и сама обстановка в уезде была сложной. В протоколе общего собрания членов РКП (б) отмечалось, что: «...значительная часть населения не сочувствует Советской власти и коммунистической партии...» [11, Л. 35-36]. В результате ухода осталось много бесхозного имущества, которое описывалось, конфисковалось и сдавалось в отделы социального обеспечения [22, Л. 21]. Было брошено много ско-

та (коровы, лошади и т.п.), который распределялся между оставшимися жителями [27, Л. 3-3 (об)]. Во время восстания прекратились лов рыбы и заготовка пушнины. Не было заготовлено достаточное количество дров, что затрудняло подвоз продовольствия, в связи с этим мобилизовалось все мужское население уезда [31, Л. 1]. Как уже отмечалось, значительная часть населения ушла в лес. Так население ниже Тундрина почти все «скитается с бандой» [21, Л. 52]. Для возвращения населения на 4-й губернской конференции было принято решение о проведении двух недельников добровольной явки. При этом не проводилось различие между «активными и несознательными бандитами» [12, Л. 14-14 (об)]. В Сургуте также приказом № 7 был введен 10-дневный срок возвращения повстанцев с 1 июня по 11 июня [24, Л. 7]. Но при возвращении вопреки решению 4-й конференции беглецов распределяли на активных и пассивных участников восстания. Активные участники вооруженных выступлений подлежали аресту и суду [25, Л. 20]. При этом часть активных участников восстания скрывалась в лесах до 1923 года, как, например, Силин [36, С. 115-122] или Алексей Липецкий, который под видом проводника искал самого себя [30, Л. 6].

В это же время наметилась тенденция к раскрестьяниванию населения. Как уже говорилось, все имущество, оставленное бежавшим населением, конфисковывалось. Часть имущества раздавалось пострадавшим во время крестьянских восстаний [27, Л. 1]. Ольга Степановна Хатина вспоминала: «... нас взял на поруки местный Покурский кулак Кондаков Василий, из-за чего впоследствии был освобожден от раскулачивания» [31, Л. 95]. Отсюда следует, что после восстания активно производилось раскулачивание. Судя по заявлениям, направляемым в волревкомы, у части населения изымалось все. Примером может служить заявление заведующей Тундринской избой-читальней Елизаветы Николаевны Хлестовой: «Прошу отдел народного образования посодействовать выдаче мне моей кровати и постели, как советской служащей» [27, Л. 16]. В мае была сокращена норма выдачи хлебного пайка [31, Л. 1]. Видимо, она сокращалась и позже, так как в сводке № 42 секретного агента «котика», отличается недовольство населения пайком и возможностью его снятия. Он пишет: «Недовольство развито на почве продовольствия и предполагаемого голода» [10, Л. 46]. Также в информационной сводке ЧК за 3 мая 1922 года отмечается, что «в Сургутском уезде настроение населения плохое вследствие отсутствия продовольствия...» [43, С. 616].

Отмечен конфликт между красноармейскими частями и органами власти по поводу снятия с Госснабжения красноармейских семей. Данный конфликт решился в пользу красноармейцев, что говорит о большой роли военных частей в уезде [30, Л. 174 (об)]. По сути, эти части являлись существенной опорой Советской власти в уезде. Также стоит отметить, что

если семьи красноармейцев участвовали в восстании, то им прекращалась выдача пайка [20, Л. 28].

Отмечаются в уезде и случаи «красного террора». Так, в деревне Назиной при обыске производились пытки, фиктивные расстрелы [10, Л. 51]. Также отмечены случаи насильственного изъятия продуктов питания и одежды у населения Тундринской волости отрядами, направленными на уничтожение банд. Интересно, что при расследовании этого дела, следователи опираются на показания советских работников [23, Л. 3-8]. Свое отношение к подобным случаям в ответе на запрос политбюро высказал начальник Сургутского гарнизона Башмаков. Он пишет: «...если это необходимо, нужно прибегнуть к запугиванию граждан, то это обусловлено оперативно-военным характером и никто запретить нам не может...» [10, Л. 58]. При этом случаи такого рода были отмечены по всей губернии. В приказе № 22 по частям особого назначения отмечается: «...до настоящего времени продолжают самочинные обыски, аресты лиц... сопровождаются угрозами расстрела...» [26, Л. 21]. Вообще, воинские части вели себя, на территории уезда как на захваченной территории противника. Председатель Сургутского уездвоенревкома Федоров, упоминает, что на его просьбу сдать теплые вещи, забранные у населения, получил ответ: «... это забрано в боях у белых, и брать их де у солдат – внесет дезорганизацию, т.к. они считают их военными трофеями» [31, Л. 1].

В целом, можно говорить о том, что основным итогом Кронштадтского мятежа в Европейской части России и вооруженных выступлений в Западной Сибири в 1921 г, частью которых было и восстание в Сургутском уезде, стала отмена продразверстки и введение продналога. В феврале 1921 года ряд продработников за жесткость были осуждены ревтрибуналом и приговорены к расстрелу [15, С. 41-42], что на X съезде одобрил В.И. Ленин. При этом введение продналога также не решило всех проблем. Продработники начали заниматься самоснабжением, расхищением [19, Л. 17], в ходе взимания продналога не учитывали реальные возможности населения после восстания [19, Л. 22].

В правовой сфере участники вооруженных выступлений были лишены избирательного права. Судя по спискам, именно они составляли большую часть лишенцев [25, Л. 3, 16-16 (об)]. Не забыла Советская власть их и позже, когда были составлены списки участников мятежа 1921 года, по которым проводились репрессии на территории края [2, Л. 1-14]. Также много сургутян из местных родов было расстреляно в 1937 году в Ханты-Мансийске [14, С. 101, 103, 110, 151-152]. Да и по данным заместителя начальника управления ФСБ по Тюменской области полковника А.А. Петрушина, из 17 тысяч человек, подвергшихся репрессиям в Омской области в 1937 году, каждому третьему было поставлено в вину участие в восстании 1921 года [37].

Обобщая весь материал можно сделать выводы, что причинами поражения вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году послужили внешние и внутренние факторы.

В целом, основными результатами выступления было разрушение хозяйственной жизни уезда и раскрестьянивание населения, т.е. ухудшение уровня жизни. Наряду с этим, можно отметить сокращение численности населения, запугивание и уничтожение наиболее политически активной, и, следовательно, опасной для власти части населения. Сургутское вооруженное выступление явилось еще одним побудительным мотивом к отмене продразверстки и введению продналога.

Библиографический список:

1. Белимов И.Г. Разгром кулацкого мятежа в Сургутском уезде 1921 г. // К победе коммунизма. 1983. № 37-41.
2. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 402. ОП. 3. Д. 261.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 429.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 197.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. ОП. 1. Д. 27.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. ОП. 1. Д. 14.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 277.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1545. ОП. 1. Д. 197.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 269.
10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 112. ОП. 1. Д. 57
11. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 112. ОП. 1. Д. 58
12. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 112. ОП. 1. Д. 37.
13. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 112. ОП. 1. Д. 49
14. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область). В 2-х тт. Т.II / Сост. Р.С. Голодберг. – Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 1999. 464 с.
15. Лагунов К.Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1991. 144 с.
16. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 217. ОП. 1. Д. 25.
17. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 217. ОП. 1. Д. 32.
18. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 217. ОП. 1. Д. 58.
19. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф.179. ОП. 1. Д. 4.
20. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 156. ОП. 1. Д. 1.
21. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. ОП. 1. Д. 115.
22. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 158. ОП. 1. Д. 67.
23. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. ОП. 1. Д. 70.
24. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. ОП. 1. Д. 76.
25. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 158. ОП. 2. Д. 116.
26. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 159. ОП. 1. Д. 1.
27. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф. 184. ОП. 1. Д. 1.
28. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф.154. ОП. 1. Д. 11.
29. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф.154. ОП. 1. Д. 3.
30. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф.185. ОП. 1. Д. 25.
31. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф.217. ОП. 1. Д. 55.
32. МКУ «Муниципальный архив города Сургута». Ф.217. ОП. 1. Д. 56.
33. Николаенко В.И. Время трагедий // Мы вместе. 2002. № 3, 5, 7-12.
34. Николаенко В.И. Из истории восстания 1921 года в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. – Сургут: Изд-во «Диорит», 2002. С. 77-101.
35. Петрова Л.В., Показаньев Ф.Я. Сургут. – Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1987. 112 с.
36. Петрушин А.А. Мы не знаем пощады... Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК –ГПУ–НКВД–КГБ. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 304 с.
37. Петрушин А.А. Неизвестная война. Новые факты из истории крестьянского восстания в Сибири // Труд. 1991, 7 февраля.

37. Показаньев А.Н. Не по службе, а по душе // Югра. 2002. № 3. С. 44-51.
38. Показаньев Ф.Я. Город древний, город славный. – Сургут: АИИК «Северный дом», 1994. 160 с.
39. Показаньев Ф.Я. Далекое-близкое: [Док. рассказ об истории городской партийной организации] // К победе коммунизма. – 1984. – 17 января. С. 6, 11-14.
40. Показаньев Ф.Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации. – Сургут, 1974.
41. Показаньев Ф.Я. Тревожного времени дети: [Док. рассказ о первых комсомольцах 20-х гг.] // К победе коммунизма. – 1985. – 31 января. С. 9, 16, 23.
42. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х тт. Т. 1. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.
43. Хейфец Х. Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма) // Былое Сибири. – Томск. 1923. № 2.
44. Цысь В.В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере: проблемы взаимодействия власти и общества в условиях политического кризиса: монография. – Нижневартовск: НВГУ, 2018. 285 с.
45. Цысь В.В. О причинах западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 135-143.
46. Цысь В.В. Органы государственной власти и управления Временного правительства на территории Сургутского уезда // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. – Тюмень. 2003. С. 54.
47. Цысь В.В. Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 2. С. 49-53.
48. Цысь В.В. Участие Сургутской интеллигенции в западно-Сибирском крестьянском восстании 1921 года // Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов Материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны. Под редакцией Д.Н. Маслюженко. 2017. С. 140-147.

Reference

1. Belimov I.G. Defeat of the kulak rebellion in the Surgut district in 1921 // Towards the victory of communism. 1983. № 37-41.
2. State archive in Tobolsk. F. 402. OP. 3. D. 261.
3. State archive of the socio-political history of the Tyumen region. F. 1. OP. 1. D. 429.
4. State archive of the socio-political history of the Tyumen region. F. 1. OP. 1. D. 197.
5. State archive of the socio-political history of the Tyumen region. F. 4048. OP. 1. D. 27.
6. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 4048. OP. 1. D. 14.
7. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 1. OP. 1. D. 277.
8. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 1. OP. 1. D. 269.
9. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 112. OP. 1. D. 57
10. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 112. OP. 1. D. 58
11. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 112. OP. 1. D. 37.
12. State Archives of Social and Political History of Tyumen Oblast. F. 112. OP. 1. D. 49
13. Book of the Shot. Martyrology of Those Who Died at the Hands of the NKVD During the Great Terror (Tyumen Oblast). In 2 volumes. Vol. II / Comp. R.S. Golodberg. - Tyumen: Tyumen Courier Publishing House, 1999. 464 p.
14. Lagunov K. Ya. The Twenty-First: Chronicle of the West Siberian Peasant Uprising. - Sverdlovsk: Sred.Ural. Book Publishing House, 1991. 144 p.
15. MKU "Municipal Archive of the City of Surgut". F. 217. OP. 1. D. 25.
16. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 217. OP. 1. D. 32.
17. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 217. OP. 1. D. 58.
18. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 179. OP. 1. D. 4.
19. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 156. OP. 1. D. 1.
20. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 158. OP. 1. D. 115.
21. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 158. OP. 1. D. 67.
22. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 158. OP. 1. D. 70.
23. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 158. OP. 1. D. 76.
24. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 158. OP. 2. D. 116.
25. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 159. OP. 1. D. 1.
26. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 184. OP. 1. D. 1.
27. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 154. OP. 1. D. 11.
28. MKU "Municipal Archives of the City of Surgut". F. 154. OP. 1. D. 3.

29. MKU "Municipal Archive of the City of Surgut". F.185. OP. 1. D. 25.
30. MKU "Municipal Archive of the City of Surgut". F.217. OP. 1. D. 55.
31. MKU "Municipal Archive of the City of Surgut". F.217. OP. 1. D. 56.
32. Nikolaenko V.I. Time of Tragedies // *We Are Together*. 2002. No. 3, 5, 7-12.
33. Nikolaenko V.I. From the History of the 1921 Uprising in the Surgut District // *Essays on the History of Surgut*. - Surgut: Diorit Publishing House, 2002. P. 77-101.
34. Petrova L.V., Pokazanyev F.Ya. Surgut. - Sverdlovsk: Sred.Ural. book publishing house, 1987. 112 p.
35. Petrushin A.A. We know no mercy... Well-known, little-known and unknown events from the history of the Tyumen region based on materials from the Cheka-GPU-NKVD-KGB. - Tyumen: Yu. Mandriki Publishing House, 1999. 304 p.
36. Petrushin A.A. Unknown war. New facts from the history of the peasant uprising in Siberia // *Trud*. 1991, February 7.
37. Pokazanyev A.N. Not by service, but by soul // *Yugra*. 2002. № 3. P. 44-51.
38. Pokazanyev F.Ya. Ancient city, glorious city. - Surgut: AIIK "Severny Dom", 1994. 160 p.
39. Pokazanyev F.Ya. Far-close: [Doc. [A story about the history of the city party organization] // *Towards the victory of communism*. - 1984. - January 17. P. 6, 11-14.
40. Pokazanyev F.Ya. Brief history of the Surgut party organization. - Surgut, 1974.
41. Pokazanyev F.Ya. Children of troubled times: [Doc. story about the first Komsomol members of the 1920s] // *Towards the victory of communism*. - 1985. - January 31. P. 9, 16, 23.
42. Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials. In 4 volumes. Vol. 1. / Ed. by A. Berelovich, V. Danilov. - Moscow: ROSSPEN, 2000. 864 p.
43. Kheifets H. White banditry. Soviets without communists (history of the Narym-Surgut banditry) // *The past of Siberia*. - Tomsk. 1923. № 2.
44. Tsys V.V. West Siberian peasant uprising of 1921 in the Tobolsk North: problems of interaction between the authorities and society in the context of political crisis: monograph. - Nizhnevartovsk: NVGU, 2018. 285 p.
45. Tsys V.V. On the causes of the West Siberian peasant uprising of 1921 // *Bulletin of Urological Studies*. 2017. № 3 (30). P. 135-143.
46. Tsys V.V. State authorities and administration of the Provisional Government on the territory of the Surgut district // *Western Siberia: history and modernity: local history notes*. - Tyumen. 2003. P. 54.
47. Tsys V.V. Surgut under the rule of the participants of the West Siberian peasant uprising of 1921 // *Bulletin of the Nizhnevartovsk State University*. 2014. № 2. P. 49-53.
48. Tsys V.V. Participation of the Surgut intelligentsia in the West Siberian peasant uprising of 1921 // *The Revolution of 1917 and the Civil War: the regional dimension of all-Russian processes Materials of the All-Russian round table dedicated to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution and the 95th anniversary of the end of the Civil War*. Edited by D.N. Maslyuzhenko. 2017. P. 140-147.

Аннотации

Субботина Н.С.

Ачаева М.С.

Поспелова Н.В.

Саламатова Е.П.

Аллюзивные имена собственные с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте

В статье рассматривается тип интертекстуального включения с отсылкой на общеизвестные факты, исторические события, а также аллюзивные имена собственные (имена исторических деятелей, литературных персонажей, имена политиков, культурных событий). Цель статьи – выявление специфики аллюзивных имен собственных с общей семантикой «маленький размер» в художественном тексте. Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, систематизация, классификация, контекстологический анализ, компонентный анализ и метод семантизации. Реализация данной цели достигнута следующим образом: представлены элементы компонентного, контекстуально-анализа аллюзивных имен собственных Alice and Tom Thumb, указанные лексические единицы семантизированы, дано лингвострановедческое описание данных языковых единиц. Кроме того, в работе рассматривается семантическое преобразование аллюзивных имен Alice and Tom Thumb на материале художественных текстов и выявлены переносные значения.

Ключевые слова: семантика, имя собственное, аллюзивное имя собственное, компонентный анализ, контекст.

Лю Жуй

Обучение междисциплинарных специалистов с использованием искусственного интеллекта: опыт программы «Русский язык + Электромеханика» в Хэйлунцзянском университете

Ускорение процессов глобализации и углубление сотрудничества между Китаем и Россией в сферах экономики, торговли, науки и техники привели к растущему спросу на междисциплинарных специалистов со знанием русского языка и профильной специальности («русский язык + специализация»). На примере программы «русский язык + специализация» Хэйлунцзянского университета в статье исследуется применение искусственного интеллекта (ИИ) в подготовке таких специалистов. Вначале анализируется текущее состояние подготовки специалистов по модели «русский язык + специализация» в Китае и уровень внедрения ИИ в этой сфере. Далее подробно описывается практическое применение ИИ в обучении по программе «русский язык + электромеханика» в Хэйлунцзянском университете. В заключение рассматриваются перспективы влияния ИИ на подготовку по

модели «русский язык + специализация» и требования к совместной подготовке кадров Китаем и Россией.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), русский язык + специализация, междисциплинарные специалисты.

Лобанова Е.И.

Зенина Л.В.

Курбакова О.А.

Ярославская И.И.

Лингвокультурологические аспекты использования цифровых платформ в современном обучении

Основной целью данного исследования является анализ методических подходов использования цифровых платформ в образовательной среде. Как известно, использование цифровых платформ имеет множество аспектов, касающееся экономики, бизнеса, социальной сферы и информационных технологий. Лингвокультурологические аспекты оказывают значительное влияние цифровых платформ на языковые навыки, культурные знания и межкультурную коммуникацию обучающихся. Они также включают анализ, как цифровые платформы способствуют или препятствуют формированию у обучающихся языковой и культурной идентичности. Авторы приходят к выводу, что цифровые платформы могут как способствовать, так и препятствовать формированию языковой и культурной идентичности обучающихся, в зависимости от их содержания и использования.

Ключевые слова: цифровая среда, аутентичные материалы, интегративность цифровых платформ, дидактический потенциал, межкультурное взаимодействие.

Каллаур В.С.

Гофман Т.В.

Гребенникова И.А.

Специфика речевого поведения русских и корейцев в ситуациях этикетного общения

Статья посвящена исследованию особенностей речевого поведения русских и корейцев в контексте этикетных коммуникативных ситуаций. Рассматривается специфика употребления стандартных формул приветствия, прощания, поздравления и выражения благодарности представителями двух культур. Анализируются национальные традиции, влияющие на выбор речевых актов, и выявляются различия в восприятии вежливости и учтивости в русской и корейской культурах. Основное внимание уделяется роли иерархических и возрастных различий в формировании речевого этикета, а также воздействию исторических и религиозных факторов на

формирование современных стандартов общения. Результаты исследования имеют практическое значение для подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода.

Ключевые слова: коммуникация, этикет, корейский язык, русский язык, приветствие, прощание.

Иманалиева Г.А.

Рашидова А.Д.

Техники и стратегии успешного преподавания иностранных языков

Целью данной статьи является популяризация наиболее продуктивных методов в преподавании английского языка. Успех в преподавании английского языка может в значительной степени зависеть от сочетания коммуникативных методов, непосредственного преподавания и дифференцированного преподавания. Лингвисты постоянно находятся в поиске идеального метода преподавания, но их исследования всегда приводили к методам, которые имеют как преимущества, так и недостатки одновременно. Наша теория поддерживает идею о том, что успеха в преподавании можно достичь не за счет использования какого-то одного метода, а за счет сочетания различных методов, где каждый метод дополняет другой и заполняет пробелы, созданные другими методами. Общая гипотеза, выдвинутая в этой статье, заключается в том, что выбор метода обучения должен быть сделан не на основе личных предпочтений учителя по отношению к тому или иному методу, а исходя из других очень важных факторов, таких как: уровень обучения, стили обучения, предпочтения учащихся, их области интересов и т.д. В заключение, цель статьи - проинформировать учителей английского языка о потенциале, который сочетание вышеуказанных методов и приемов обучения может иметь в процессе обучения, делая его более продуктивным и успешным одновременно.

Ключевые слова: иностранные языки, дифференцированное преподавание, метод серий, прямой метод, контекстуальный метод обучения, аудиолингвистический метод, альтернативный метод, метод коммуникации, метод планирования, английский язык, методология.

Дун Сяобинь

Анализ российского и китайского анималистического кода

В статье рассматривается сравнение русского и китайского анималистического кода на примере зоонимов петух (公鸡), овца (羊), корова (牛), бык (牛). Исследование направлено на выявление особенностей лингвистической репрезентации животных в культурных контекстах двух языковых сообществ, а также на анализ семантических и культурных аспектов использования зоонимов. Полученные результаты исследования расширяют представление о межкультурных коммуникациях через призму зоонимов.

Ключевые слова: фразеологизмы, анималистический код, лингвокультурология, зоонимы.

Матиев М.А.

Костоева А.М.

Янарсанова Д.М.

Древний пласт ингушских обрядовых песен

В древнем пласте ингушей представлены наиболее архаические молитвы-песни ингушских язычников. Они были записаны в небольшом количестве в горной Ингушетии в XIX – начале XX веках на языке оригинала и дошли до нас в ограниченном количестве, что повышает их ценность как редкого этнографического материала. Данные молитвы-песни представляют значительный интерес для широкого круга исследователей: этнографов – как источник сведений о традиционных культурах, обрядах и мифологических представлениях ингушей; фольклористов – в качестве образцов древнейшего поэтического творчества, отражающего архаические формы языка и стиля; культурологов – для изучения механизмов сохранения и трансляции духовного наследия в условиях отсутствия письменной традиции; историков – как свидетельство доисламских и дохристианских верований народов Кавказа; религиоведов – в контексте сравнительного анализа языческих культов и их эволюции под влиянием мировых религий.

Исследование этих текстов способствует не только углублению знаний о традиционной культуре ингушей, но и расширению понимания общекавказских и общечеловеческих архетипов в духовной истории.

Ключевые слова: ингушский фольклор, обрядовые песни, мифология, язычество, этнография, жрец.

Казанина Л.Ю.

Шурухнов Н.Г.

Нацистские преступления – без сроков давности: зверства фашистов на оккупированной территории Тульской области (анализ стенограмм Нюрнбергского процесса и архивных материалов)

В статье, на основе анализа исследований ученых, материалов Государственного архива Тульской области, стенограмм Нюрнбергского военного трибунала, архивных документов, приводятся конкретные факты убийств, казней, сожжений мирного населения и военнопленных, грабежей граждан, колхозного имущества, угонов и уничтожений скота, птицы, учиненных немецкими фашистами на оккупированной территории Тульской области. Отмечается, что все совершенные нацистами преступления были осуществлены вопреки международным Конвенциям, установившим законы и обычаи сухопутной войны. Авторы, на отдельных фактах, проводят

сравнения между немецким и украинским нацизмом, говорят о его истоках, вреде, причиненном России.

Ключевые слова: оккупация Тульской области, немецкие фашисты, мирное население, расстрелы и грабежи населения, сожжение военнопленных и граждан.

Карпец Ф.В.

Крымскотатарский фактор в турецко-российских отношениях в 2014–2022 годы

Непримиримая позиция Турецкой республики по вопросу воссоединения Крыма с Россией, произошедшего в результате Крымской весны и референдума 16 марта 2014 г., определила её сближение с Украиной, привела к формированию военно-политического альянса между двумя странами и усилению политики сдерживания России в Черноморском регионе. Главным фактором данных процессов послужил крымскотатарский вопрос. При этом отношения между Турцией и Россией, не только не прервались, но и продолжили развиваться по всем возможным направлениям, в том числе и в данном вопросе. В ходе исследования автор делает вывод о том, что, несмотря на формальную поддержку Украины в вопросе её «территориальной целостности», Турция признала новую реальность, сложившуюся в Черноморском регионе «де-факто». Хронологические рамки данного исследования охватывают период от Крымской весны и возвращения Крыма в состав Российской Федерации до начала Специальной военной операции России против киевского режима. Цель исследования: глубокий анализ роли крымскотатарского фактора в политике Турции и России в 2014–2022 гг. для формирования понимания его значения в новой геополитической реальности. Методологической базой исследования являются системный, конструктивистский и геополитический подходы.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, крымскотатарский вопрос, «мягкая сила», пантюркизм, неоосманизм, неоислаимизм, национализм, Меджлис крымскотатарского народа, Крымская весна.

Цао Ханьюань

Современные отголоски придворной музыки династии Мин

В витрине Сокровищницы Дворцового музея тихо выставлен набор позолоченных бронзовых колокольчиков династии Мин, а узоры облачных драконов на поверхности колоколов сияют под светом уже 600 лет. Эти спящие ритуальные инструменты никогда бы не подумали, что на сцене Пекинского международного музыкального фестиваля 2021 года композитор Тан Дунь воспроизвел их звуковой спектр с помощью цифровых технологий, позволив древнему Хуанчжун Далу вступить в диалог с современными.

менной симфонией сквозь время и пространство. Этот постмодернистский музыкальный эксперимент просто раскрывает уникальное существование придворной музыки династии Мин в современном культурном поле – это не образец в музее и не символ ретроизма, а живая традиция, которая продолжает участвовать в строительстве современной цивилизации.

Ключевые слова: придворная музыка династии Мин, влияние.

Суфэйнуэр Сайфудин

Культурный обмен между цивилизациями уйгуров и Центральных равнин в XI веке

“Кутадгу билиг” — эпическое поэтическое произведение, созданное на древнеуйгурском языке в период правления династии Караханидов, в XI веке, в контексте китайской истории. Поэма, объединяя изысканные этнические поэтические формы с глубокими философскими размышлениями, раскрывает социальную действительность древнеуйгурского народа, демонстрируя его открытость и инклюзивность в культурном плане. С точки зрения пространственного охвата, “Кутадгу билиг” является выдающимся примером взаимодействия и взаимовлияния восточной и западной цивилизаций, связанных Великим Шелковым путем, что обуславливает его роль как репрезентативного образца для изучения культурного обмена. В историческом плане поэма возникла в период, когда режим Караханидов обрел независимость от тюркского владычества и переживал переход от кочевого земледелия к феодальному устройству. Анализ произведения предоставляет ценные сведения об идеологических переменах, которые претерпело уйгурское государство в период смены династий, и способствует пониманию процесса постепенной интеграции уйгурского народа в китайское национальное пространство.

Ключевые слова: Кутадгу Билиг, Культура Центральных равнин, древняя уйгурская культура, культурный обмен, культурная интеграция.

Дегтярева А.А.

Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области)

В статье исследуется динамика культурного взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики в конце XX – начале XXI веков на примере Амурской области как приграничного региона. Рассматриваются исторические особенности российско-китайских культурных связей, анализируется эволюция форм гуманитарного сотрудничества от двусторонних соглашений 1990-х годов до современных механизмов взаимодействия. Особое внимание уделяется многообразию сфер культурного диалога, включающих изобразительное искусство, образование, здравоохранение и спорт. Исследуется роль приграничных территорий как

«полигонов» для формирования новых культурных практик и преодоления межкультурных барьеров. Анализируются вызовы культурного взаимодействия, связанные с языковыми различиями, ментальными особенностями и необходимостью преодоления исторически сложившихся стереотипов. Рассматривается влияние информационных технологий на развитие культурных связей и формирование модели «двух городов – двух культур» на примере Благовещенска и Хэйхэ. Делается вывод о стратегическом значении культурного диалога для укрепления российско-китайских отношений и формирования устойчивой основы для долгосрочного сотрудничества.

Ключевые слова: культурное взаимодействие, российско-китайские отношения, Амурская область, приграничное сотрудничество, гуманитарные связи, межкультурная коммуникация, культурная дипломатия, Дальний Восток, провинция Хэйлуцзян, культурный диалог.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Человек на границе: специфика фигуры таможенника

Само понятие «граница» заключается в себя смыслы, показывающие его сложность, отражающую состояние одновременно и перехода, и заграждения. Конкретизация, что речь идет именно о государственной границе, не облегчает нахождение точных характеристик, а добавляет краски ответственности за ее целостность. Во многом такая задача ложится на людей, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с государственной границей, а именно пограничников и таможенников. В давнем прошлом эти специальности не разделялись. Сейчас при определении зоны ответственности каждой из них важно артикулировать эту специфику. В этой связи в статье предлагается обратить внимание на яркий набор социокультурных маркеров профессии «таможенник».

Ключевые слова: государство, граница, история таможенник, социокультурные маркеры.

Шавлохова Е.С.

Яшина Л.Б.

Петросян К.А.

Кондюрина К.П.

Хмелидзе В.Е.

Исторические изменения торговых отношений России в XXI веке

В статье рассматривается динамика изменения истории торговых отношений России с мировыми державами, а затем с целыми континентами. Авторы отмечают, что Санкционные геополитические изменения влияли сильнее всего на торговые перспективы и возможности РФ, при этом со-

бытия 2022 года стали катализатором для их смены вектора. Санкционные давления стали одной из ведущих причин сены торговых путей России от Европейского направления к Китаю, что безусловно привело к положительным последствиям. Авторы рассматривают не только тенденции, но и количественные изменения торговли, важно учесть, что за расчет взять доллар, как наиболее универсальная валюта расчета, однако сейчас есть возможность пересчета показателей на рубли. Авторами также отмечена необходимость продолжения цифровизационных процессов и поддержка импорт замещения. Для полноценного понимания современного состояния внешней торговли России необходимо рассмотреть её эволюцию с начала века, включая ключевые этапы развития торговой политики, изменения в структуре экспорта и импорта, а также адаптационные механизмы, применяемые в ответ на внешние ограничения. Будущее внешней торговли России будет зависеть от способности государства и частного сектора совместно строить эффективные механизмы поддержки, адаптироваться к меняющейся внешней среде и использовать возможности многополярного мира.

Ключевые слова: торговля, торговые отношения, санкции, торговые стратегии, импорт, экспорт, замещение производств, геополитика.

Чебарев В.В.

О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века

Статья посвящена анализу обратной связи офицеров, прошедших обучение в Офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века, и комментариев руководства школы на их предложения. Основное внимание уделено организации учебного процесса, содержанию курсов, практической подготовке, а также бытовым и материальным условиям службы. Офицеры отметили несоответствие программы занятий для штаб-офицеров требованиям будущих дивизионеров, а также высказали пожелания по сокращению продолжительности классных занятий и увеличению практических упражнений, особенно в управлении дивизионом. Руководство школы признало часть замечаний, но указало на ограничения, такие как отсутствие подходящего полигона и слабая подготовка слушателей. Теоретический курс стрельбы вызвал неоднозначные оценки: одни офицеры считали его перегруженным, другие – хорошо организованным. Споры также возникли вокруг чертежных работ, топографии и иппологии, где мнения разделились между необходимостью практики и теоретической подготовки. Особое внимание уделено материальным трудностям, включая запросы на казённые квартиры, пособия и заблаговременное уведомление о командировках. Руководство школы признало справедливость этих требований, но подчеркнуло зависимость от вышестоящих инстанций. Статья демонстрирует

рует, что, несмотря на разногласия, и офицеры, и руководство школы стремились к совершенствованию учебного процесса, адаптируя его к изменениям в военном деле. Критика и предложения отражают динамику развития ОАШ и её роль в подготовке квалифицированных артиллерийских кадров.

Ключевые слова: Артиллерия, Офицерская артиллерийская школа, учебный процесс, программа занятий, офицеры, дивизионеры, практическая подготовка, теоретический курс стрельбы, чертежные работы, тактика артиллерии, материальная часть артиллерии, топография, иппология.

Кистнев В.В.

Дрожжина Л.И.

Сохранение исторической памяти и современные коммеморативные практики в Белгородской области

Статья посвящена исследованию процессов сохранения исторической памяти и современных коммеморативных практик в Белгородской области. Рассматриваются ключевые события и символы региональной истории, такие как Белгородская оборонительная черта, события Великой Отечественной войны. Анализируются современные формы коммеморации, включая мемориальные проекты, музеефикацию объектов наследия и деятельность общественных инициатив.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, Белгородская область, мемориальные практики, культурное наследие, музеефикация, региональная идентичность, памятные места, сохранение истории.

Стафеев О.Н.

Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году

Составной частью гражданской войны в России являлось крестьянское движение, имевшее разнонаправленный характер: как за, так и против Советской власти. Особенно широкий размах оно приобрело во второй половине 1920-1921 гг. вылившись в серии антикоммунистических крестьянских восстаний. Одним из крупнейших восстаний был так называемый Западно-Сибирский крестьянский мятеж. Одним из регионов восстания был Сургутский район. Статья посвящена причинам поражений и итогам вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 г. Делается вывод о многофакторном характере причин поражения Сургутского восстания, где ключевыми причинами являются политика органов власти восставших, крестьянский характер вооруженных выступлений, участие регулярных частей Красной армии. В результате анализа большого фактологического материала выделяются итоги крестьянского восстания для Сургута и Сургутского уезда.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянское движение, Сургутский уезд, Западно-сибирское крестьянское восстание, подавление восстания.

Abstracts

Subbotina N.S.

Achaeva M.S.

Pospelova N.V.

Salamatova E.P.

Allusive proper nouns with the general semantics of “a small size” in a literary text

The article discusses the type of intertextual inclusion with reference to well-known facts, historical events, as well as allusive proper names (names of historical figures, literary characters, names of politicians, cultural events) with the general semantics of “a small size” in a literary text. The purpose of the article is to identify the specifics of proper names with the general semantics of “a small size” in a literary text. Research methods: analysis, synthesis, generalization, systematization, classification, contextual analysis, component analysis, and the method of semantization. The implementation of this goal is achieved in the following way: the elements of component, contextual analysis of allusive proper names of Alice and Tom Thumb are presented, the specified lexical units are semantized, and a linguocultural description of these linguistic units is given. In addition, the paper examines the semantic transformation of allusive names Alice and Tom Thumb based on the material of literary texts.

Key words: semantics, a proper name, an allusive proper name, component analysis, context.

Liu Rui

Training interdisciplinary specialists using artificial intelligence: the experience of the Russian language + electromechanics program at Heilongjiang University

The acceleration of globalization and deepening cooperation between China and Russia in economic, trade, scientific, and technological spheres have spurred a growing demand for interdisciplinary specialists proficient in Russian and a core specialization (“Russian + Specialization”). Using Heilongjiang University’s “Russian + Specialization” program as a case study, this article examines the application of artificial intelligence (AI) in cultivating such professionals. It first analyzes the current state of “Russian + Specialization” talent development in China and the extent of AI integration within this field. Subsequently, it details the practical implementation of AI in the “Russian + Electromechanics” program at Heilongjiang University. Finally, the article explores prospects for AI’s impact on “Russian + Specialization” education and outlines requirements for Sino-Russian collaborative talent cultivation.

Key words: artificial intelligence (AI), Russian language + specialization, in-

terdisciplinary specialists.

Evdokiya I.L.

Zenina L.V.

Kurbakova O.A.

Yaroslavskaya I.I.

Lingvocultural aspects of using digital platforms in modern education

The main purpose of this study is to analyze methodological approaches to the use of digital platforms in the educational environment. As it is known, the use of digital platforms has many aspects concerning economy, business, social sphere and information technology. Lingvocultural aspects have a significant impact of digital platforms on learners' language skills, cultural knowledge and intercultural communication. They also include an analysis of how digital platforms facilitate learners' linguistic and cultural identity formation. The authors conclude that digital platforms can both facilitate and hinder learners' linguistic and cultural identity formation, depending on their content and usage.

Key words: digital environment, authentic materials, integration of digital platforms, didactic potential, intercultural potential.

Kallaur V.S.

Gofman T.V.

Grebennikova I.A.

Specifics of speech behavior of Russians and Koreans in situations of etiquette communication

The article is devoted to the study of specific features of speech behavior among Russians and Koreans in the context of etiquette communication situations. It examines the peculiarities of using standard formulas for greetings, farewells, congratulations, and expressions of gratitude by representatives of both cultures. The analysis focuses on national traditions that influence the choice of speech acts and identifies differences in perceptions of politeness and courtesy between Russian and Korean cultures. Special attention is given to the role of hierarchical and age-related differences in shaping speech etiquette as well as the impact of historical and religious factors on the formation of modern standards of communication. The results of this research have practical significance for training specialists in intercultural communication and translation.

Key words: communication, etiquette, Korean language, Russian language, greeting, farewell.

Imanalieva G.A.

Rashidova A.J.

Techniques and strategies for successful teaching of foreign languages

The purpose of this article is to popularize the most productive methods in teaching English. Success in teaching English can depend to a large extent on a combination of communicative methods, direct teaching and differentiated teaching. Linguists are constantly in search of the ideal teaching method, but their research has always led to methods that have both advantages and disadvantages at the same time. Our theory supports the idea that success in teaching can be achieved not through the use of any one method, but through a combination of different methods, where each method complements the other and fills in the gaps created by other methods. The general hypothesis put forward in this paper is that the choice of teaching method should not be made on the basis of the teacher's personal preferences in relation to a particular method, but on the basis of other very important factors such as: level of learning, learning styles, preferences of students, their areas of interest, etc. In conclusion, the purpose of the article is to inform English teachers about the potential that a combination of the above teaching methods and techniques can have in the learning process, making it more productive and successful at the same time.

Key words: foreign languages, differentiated teaching, series method, direct method, contextual teaching method, audiolinguistic method, alternative method, communication method, planning method, English language, methodology.

Dong Xiaobin

Analysis of Russian and Chinese animalistic code

The article compares Russian and Chinese animalistic codes using the example of zoonyms rooster (公鸡), sheep (羊), cow (牛), bull (牛). The study is aimed at identifying the features of linguistic representation of animals in the cultural contexts of two language communities, as well as analyzing the semantic and cultural aspects of using zoonyms. The results of the study expand the understanding of intercultural communications through the prism of zoonyms.

Key words: phraseological units, animalistic code, linguacultural studies, zoonyms.

Matiev M.A.

Kostoeva A.M.

Yanarsanova D.M.

The ancient layer of Ingush ritual songs

The most archaic prayers and songs of the Ingush pagans are represented in the ancient stratum of the Ingush. They were recorded in small numbers in mountainous Ingushetia in the 19th and early 20th centuries in the original language and have come down to us in limited numbers, which increases their value

as a rare ethnographic material. These prayer-songs are of considerable interest to a wide range of researchers: ethnographers – as a source of information about traditional cults, rituals and mythological representations of the Ingush; folklorists – as examples of ancient poetic creativity reflecting archaic forms of language and style; cultural scientists – to study the mechanisms of preservation and transmission of spiritual heritage in the absence of a written tradition; historians – as evidence of pre-Islamic and pre-Christian beliefs of the peoples of the Caucasus; religious scholars - in the context of a comparative analysis of pagan cults and their evolution under the influence of world religions. The study of these texts contributes not only to the deepening of knowledge about the traditional culture of the Ingush, but also to the expansion of understanding of pan-Caucasian and universal archetypes in spiritual history.

Key words: Ingush folklore, ritual songs, mythology, paganism, ethnography, priest.

Kazanina L.Y.

Shurukhnov N.G.

Nazi crimes - without statute of limitations: fascist atrocities in the occupied territory of the Tula region (analysis of transcripts of the Nuremberg Trials and archival materials)

In the article, based on the analysis of research by scientists, materials of the State Archives of the Tula Region, transcripts of the Nuremberg Military Tribunal, archival documents, specific facts of murders, executions, burnings of civilians and prisoners of war, robberies of citizens, collective farm property, thefts and destruction of livestock, poultry, committed by German fascists in the occupied territory of the Tula region are given. It is noted that all the crimes committed by the Nazis were committed in defiance of international Conventions that established the laws and customs of land warfare. The authors, using individual facts, draw comparisons between German and Ukrainian Nazism, talk about its origins, the harm caused to Russia.

Key words: occupation of the Tula region, German fascists, civilians, shootings and robberies of the population, burning of prisoners of war and citizens.

Karpets F.V.

The Crimean tatar issue in the politics of turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022

The irreconcilable position of the Turkish Republic on the issue of the reunification of Crimea with Russia, which occurred as a result of the Crimean Spring and the referendum of March 16, 2014, determined its rapprochement with Ukraine, the formation of a military-political alliance between the two countries and the strengthening of the policy of containing Russia in the Black Sea region.

The main factor in these processes was the Crimean Tatar issue. At the same time, relations between Turkey and Russia not only did not break off, but also continued to develop in all possible directions, including this issue. In the course of the study, the author concludes that, despite the formal support of Ukraine in the issue of its “territorial integrity”, Turkey recognized the new reality that has developed in the Black Sea region “de facto”. The chronological framework of this study covers the period from the Crimean Spring and the return of Crimea to the Russian Federation to the beginning of the Special Military Operation of Russia against the Kyiv regime. The relevance of the study is due to the need for a deep analysis of the role and place of the Crimean Tatar factor in the policies of Turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022. The purpose of the study: to analyze the role of the Crimean Tatar factor in the policies of Turkey, Russia and Ukraine in 2014–2022 to form an understanding of its significance in the new geopolitical reality. The methodological basis of the study is the systemic, constructivist and geopolitical approaches.

Key words: Crimea, Crimean Tatars, Crimean Tatar issue, “soft power”, pan-Turkism, neo-Ottomanism, neo-Islamism, nationalism, Mejlis of the Crimean Tatar people, Crimean Spring.

Cao Hanyuan

Contemporary echoes of Ming dynasty court music

In the display cabinet of the Treasure House of the Palace Museum, a set of Ming Dynasty gilded bronze chimes are quietly displayed, and the cloud dragon patterns on the surface of the bells are shining under the light for 600 years. These sleeping ritual instruments would never have thought that on the stage of the 2021 Beijing International Music Festival, composer Tan Dun reproduced their sound spectrum with digital technology, allowing the ancient Huangzhong Dalu to engage in a dialogue with modern symphony across time and space. This postmodern music experiment just reveals the unique existence of Ming Dynasty court music in the contemporary cultural field - it is neither a specimen in a museum nor a symbol of retroism, but a living tradition that continues to participate in the construction of modern civilization.

Key words: Ming Dynasty court music, influence.

Sufeinuer Saifuding

Cultural exchange between Uyghur and central plains civilizations in the 11th century

Kutadgu Bilig is a long poem written in the Uyghur language (Old Uyghur) during the 11th-century Kara-Khanid Dynasty in Chinese history. Integrating elegant ethnic poetic forms with profound philosophical insight, the work reflects the deep social realities of the ancient Uyghur people and embodies their

open and inclusive cultural disposition. Spatially, the poem represents a remarkable product of the encounter and interaction between Eastern and Western civilizations at the core of the Silk Road—making it a representative case study for the exploration of cultural exchange. Temporally, the work emerged during a period when the Kara-Khanid regime had separated from Turkic rule and was transitioning from a nomadic-agricultural economy to a feudal one. Its study provides valuable insights into the ideological transformations experienced by the Uyghur state during dynastic shifts and contributes to understanding how the Uyghur people gradually integrated into the broader Chinese national community.

Key words: Kutadgu Bilig, Central Plains culture, ancient Uyghur culture, cultural exchange, cultural integration.

Degtyareva A.A.

Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region)

This article examines the dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late 20th to early 21st centuries, using the Amur Region as a borderland case study. It explores the historical features of Russian-Chinese cultural ties and analyzes the evolution of humanitarian cooperation forms from bilateral agreements of the 1990s to contemporary interaction mechanisms. Special attention is given to the diversity of cultural dialogue spheres, including visual arts, education, healthcare, and sports. The role of border territories as “testing grounds” for the formation of new cultural practices and overcoming intercultural barriers is investigated. The article analyzes challenges in cultural interaction related to language differences, mentalities, and the need to overcome historically ingrained stereotypes. It also considers the impact of information technologies on the development of cultural ties and the formation of the “two cities – two cultures” model, exemplified by Blagoveshchensk and Heihe. The study concludes on the strategic importance of cultural dialogue for strengthening Russian-Chinese relations and establishing a sustainable foundation for long-term cooperation.

Key words: cultural interaction, Russian-Chinese relations, Amur Region, cross-border cooperation, humanitarian ties, intercultural communication, cultural diplomacy, Russian Far East, Heilongjiang Province, cultural dialogue.

Ryabova E.L.

Ternovaya L.O.

A person on the border: the specificity of the figure of a customs officer

The very concept of “border” contains meanings that show its complexity, reflecting the state of both a transition and a barrier. The specification that we are talking specifically about the state border does not make it easier to find precise characteristics, but adds color to the responsibility for its integrity. In many ways, this task falls on people whose professional activities are directly related to the state border, namely border guards and customs officers. In the distant past, these specialties were not separated. Now, when determining the area of responsibility of each of them, it is important to articulate this specificity. In this regard, the article proposes to pay attention to a bright set of socio-cultural markers of the profession of “customs officer”.

Key words: state, border, history of customs officer, socio-cultural markers.

Shavlokhova E.S.

Yashina L.B.

Petrosyan K.A.

Kondyurina K.P.

Khmelidze V.E.

Historical changes in trade relations of Russia in the 21st century

The article examines the dynamics of changes in the history of Russia’s trade relations with world powers, and then with entire continents. The authors note that sanctions-related geopolitical changes had the strongest impact on Russia’s trade prospects and opportunities, and the events of 2022 were a catalyst for their change of vector. Sanctions pressures have become one of the leading reasons for the disruption of Russia’s trade routes from the European direction to China, which has certainly led to positive consequences. The authors consider not only trends, but also quantitative changes in trade. It is important to take into account that the dollar is the most universal calculation currency, but now it is possible to convert indicators to rubles. The authors also noted the need to continue digitalization processes and support import substitution. To fully understand the current state of Russia’s foreign trade, it is necessary to consider its evolution since the beginning of the century, including key stages in the development of trade policy, changes in the structure of exports and imports, as well as adaptation mechanisms applied in response to external restrictions. The future of Russia’s foreign trade will depend on the ability of the state and the private sector to jointly build effective support mechanisms, adapt to a changing external environment, and use the opportunities of a multipolar world.

Key words: trade, trade relations, sanctions, trade strategies, import, export, substitution of production, geopolitics.

*Chebarev V.V.***On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century**

The article analyzes the feedback from officers who completed training at the Officer Artillery School (OAS) in the early 20th century and the school's management's comments on their suggestions. The focus is on the organization of the educational process, course content, practical training, and the living and material conditions of service. The officers noted the discrepancy between the curriculum for staff officers and the requirements of future divisional officers, and also expressed wishes to reduce the duration of classroom lessons and increase practical exercises, especially in division management. The school's management acknowledged some of the comments, but pointed out limitations such as the lack of a suitable firing range and poor training of students. The theoretical shooting course was controversial: some officers considered it overloaded, while others thought it was well organized. Disputes also arose around drawing work, topography, and hippology, where opinions were divided between the need for practice and theoretical training. Particular attention is paid to material difficulties, including requests for state-owned apartments, allowances, and advance notice of business trips. The school management acknowledged the validity of these demands, but emphasized their dependence on higher authorities. The article demonstrates that, despite disagreements, both officers and the school management sought to improve the educational process, adapting it to changes in military affairs. Criticism and suggestions reflect the dynamics of the development of the OAS and its role in training qualified artillery personnel.

Key words: Artillery, Officer Artillery School, educational process, training program, officers, divisionists, practical training, theoretical shooting course, drawing work, artillery tactics, artillery materiel, topography, hippology.

*Kistenev V.V.**Drozzhina L.I.***Preservation of historical memory and modern commemorative practices in the Belgorod region**

The article is devoted to the study of the processes of preserving historical memory and modern commemorative practices in the Belgorod region. The article examines key events and symbols of regional history, such as the Belgorod defensive line, the events of the Great Patriotic War. The article analyzes modern forms of commemoration, including memorial projects, museification of heritage sites and the activities of public initiatives. Special attention is paid to the problems of preserving historical memory related to urbanization, insufficient popularization of local history and the need to develop new strategies for memorialization.

Key words: historical memory, commemoration, Belgorod region, memorial practices, cultural heritage, museification, regional identity, memorials, preservation of history.

Stafeev O.N.

Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921

An integral part of the civil war in Russia was the peasant movement, which had a multidirectional character: both for and against the Soviet power. It acquired a particularly wide scope in the second half of 1920-1921, resulting in a series of anti-communist peasant uprisings. One of the largest uprisings was the so-called West Siberian peasant rebellion. One of the regions of the uprising was the Surgut region. The article is devoted to the causes of defeats and the results of armed uprisings in the Surgut district in 1921. A conclusion is made about the multifactorial nature of the causes of the defeat of the Surgut uprising. Where the key reasons are the policy of the authorities of the rebels, the peasant nature of the armed uprisings, the participation of regular units of the Red Army. Through extensive factual material, the results of the peasant uprising for Surgut and the Surgut district are highlighted.

Key words: Civil war, peasant activity, Surgut district, Western Siberia peasant's rebellion, suppression of the uprising.

Авторы

Ачаева М.С. - доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Гофман Т.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и журналистики. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (Биробиджан).

Гребенникова И.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских и восточных языков. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (Биробиджан).

Дегтярева А.А. - аспирант. Благовещенский государственный педагогический университет.

Дрожжина Л.И. - преподаватель отделения теоретических дисциплин Губкинского филиала ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры».

Дун Сяобинь - соискатель факультета башкирской филологии и журналистики. Уфимский университет науки и технологий.

Зенина Л.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Иманалиева Г.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова».

Казанина Л.Ю. - доктор исторических наук, доцент, директор Тульского института (филиала), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Тула.

Каллаур В.С. - кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских и восточных языков. Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема (Биробиджан).

Карпец Ф.В. - аспирант, ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет, учитель истории ГБОУ «Бауманская инженерная школа» № 1580.

Кистенев В.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры». ORCID: 0000-0002-5479-0998

Кондюрина К.П. - студент. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Костоева А.М. - научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас. SPIN-код: 6244-1561

Курбакова О.А. - старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Лобанова Е.И. - кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Лю Жуй - докторант, старший преподаватель. Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай.

Матиев М.А. - кандидат филологических наук, профессор кафедры ингуш-

ской литературы и фольклора, ФГБОУ «Ингушский государственный университет», г. Магас. SPIN-код: 5208-1469

Петросян К.А. - студент. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Поспелова Н.В. - доцент, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Рашидова А.Д. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания. ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова».

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Саламатова Е.П. - студент, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Стафеев О.Н. - кандидат иностранных наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут.

Субботина Н.С. - старший преподаватель, Елабужский институт Казанского федерального университета.

Суфэйнуэр Сайфудин - докторант школы языка и литературы китайских этнических меньшинств. Китайский университет Минцзу города Пекин, Китай.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Хмелидзе В.Е. - студент. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Цао Ханьюань - аспирантка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Чебарев В.В. - заместитель начальника факультета (артиллерийского), соискатель. Михайловская военная артиллерийская академия, г. Санкт-Петербург.

Шавлохова Е.С. - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Шурухнов Н.Г. - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России. Профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Тула.

Янурсанова Д.М. - научный сотрудник отдела ингушского фольклора и этнографии. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева, г. Магас. SPIN-код: 5244-4376

Ярославская И.И. - старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1. Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова.

Яшина Л.Б. - ассистент кафедры истории и политологии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар.

Authors

Achaeva M.S., Associate Professor, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Cao Hanyuan, Postgraduate student of Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Chebarev V.V., Deputy Head of the Faculty (artillery) of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg.

Degtyareva A.A., Graduate Student. Blagoveshchensk State Pedagogical University.

Drozhzhina L.I., Teacher of the department of theoretical disciplines. Gubkin branch Belgorod State University of Arts and Culture.

Dong Xiaobin, Applicant of the Faculty of Bashkir Philology and Journalism of the Ufa University of Science and Technology.

Evdokiya I.L., Phd, Associate Professor. Department of foreign languages № 2. Plekhanov Russian University of Economics.

Grebennikova I.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European and Oriental Languages. Sholem Aleichem Primorsky State University (Birobidzhan).

Gofman T.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology and Journalism. Sholem Aleichem Primorsky State University (Birobidzhan).

Imanalieva G.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of their Teaching. Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov.

Kallaur V.S., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European and Oriental Languages. Sholem Aleichem Primorsky State University (Birobidzhan).

Karpets F.V., Postgraduate Student of State Autonomous Educational Institution of Higher Education MSPU, history teacher, Bauman Engineering School № 1580.

Kazanina L.Y., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula.

Khmelidze V.E., Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Kistenev V.V., Candidate of historical sciences, Associate Professor of the department of general theoretical and humanitarian disciplines. Belgorod State University of Arts and Culture. ORCID: 0000-0002-5479-0998

Kondyurina K.P., Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Kostoeva A.M., Researcher at the Department of Ingush Folklore and Ethnography. Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev, Magas. SPIN-code: 6244-1561

Kurbakova O.A., Senior Lecturer. Department of foreign languages № 2. Plekhanov Russian University of Economics.

Liu Rui, PhD student, Senior Lecturer at the Russian Language Institute, Heilongjiang University, Harbin, China.

Matiev M.A., Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Ingush Literature and Folklore, Ingush State University, Magas. SPIN-code: 5208-1469

Petrosyan K.A., Student, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Pospelova N.V., Associate Professor, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Rashidova A.J., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of their Teaching, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Salamatova E.P., Student, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Shavlokhova E.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Shurukhnov N.G., Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula.

Stafeev O.N., PhD in History. Assistant professor of social-humanitarian education department, Surgut State Pedagogical University, Surgut.

Subbotina N.S., Senior Teacher, Yelabuga Institute of the Salamatova Ekaterina Pavlovna.

Sufeinuer Saifuding, Doctor of School of Chinese Ethnic Minority Languages and Literatures, Minzu University of China, Beijing China.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Yanarsanova D.M., Researcher at the Department of Ingush Folklore and Ethnography. Ingush Scientific Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhriev, Magas. SPIN-code: 5244-4376

Yaroslavskaya I.I., Senior Lecturer. Department of foreign languages № 1. Plekhanov Russian University of Economics.

Yashina L.B., Assistant department of History and Political Science. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar.

Zenina L.V., Phd, Associate Professor. Department of foreign languages № 2. Plekhanov Russian University of Economics.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru